

ISSN 2225-5346
e-ISSN 2686-8989

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKVBU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BAL TIC ACCENT

2023

Том 14
Vol.

№ 4

СМЫСЛЫ И ЗНАКИ SIGNS AND MEANINGS

Издательство Immanuel Kant
Балтийского федерального Балтийского федерального
университета им. Иммануила Канта Press
2023

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2023
Том 14
№ 4

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2023.
175 с.

Учредитель
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Редакция
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Чернышевского, 56

Издатель
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики» — главный редактор (Москва, Россия); *Сурен Тигранович Золян*, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный научный редактор; *Алексей Николаевич Черняков*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Наталья Сергеевна Автономова*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Наталья Михайловна Азарова*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Хенрик Баран*, Университет штата Нью-Йорк (Нью-Йорк, США); *Томас Венцлова*, профессор, Йельский университет (США); *Дмитрий Веселинов*, доктор филологических наук, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Ив Гамбье*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Стефано Гардзонио*, Пизанский университет (Пиза, Италия); *Игорь Николаевич Данилевский*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Валерий Закиевич Демьянков*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия); *Вера Ивановна Заботкина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Николай Николаевич Казанский*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия); *Максим Анисимович Кронауз*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Александр Васильевич Лавров*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Михаил Юрьевич Лотман*, профессор, Таллинский университет, Тартуский университет (Эстония); *Иван Борисович Микиртумов*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Владимир Александрович Плунгян*, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия); *Джеймс Расселл*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Игорь Витальевич Силантьев*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Игорь Павлович Смирнов*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Питер Стайнер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Су Кван Ким*, Университет иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея); *Григорий Львович Тульчинский*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Татьяна Валентиновна Цвигун*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Цзиньлин Ван*, Чанчуньский университет КНР (Чанчунь, Китай); *Татьяна Владимировна Черниговская*, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, а также индексируется в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, Scopus, ядре РИНЦ.

Подписной индекс 36836
Тираж 300 экз.
Дата выхода в свет 10.11.2023 г.

© БФУ им. И. Канта, 2023

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT
2023
Vol. 14
№ 4

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2023.
175 p.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Address

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236041

Editorial office

56 Chernyshevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236022

Publishing house

6 Gaidara St.,
Kaliningrad, Russia,
236001

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

Mass Media
Registration Certificate
PI № FS77-46308,
on 26 August, 2011

Editorial board

Prof. *Mikhail V. Ilyin*, National Research University Higher School of Economics – Editor-in-Chief (Moscow, Russia);
Prof. *Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Scientific Editor; Dr *Alexey N. Chernyakov*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Executive Editor-in-chief;
Prof. *Natalia S. Avtonomova*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Nataliya M. Azarova*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Henryk Baran*, State University of New York Albany (New York, United States); Prof. *Tatiana V. Chernigovskaya*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Igor N. Danilevskii*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Valerii Z. Demyankov*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Prof. *Yves Gambier*, University of Turku (Finland); Prof. *Stefano Garzonio*, Università di Pisa (Pisa, Italy); Prof. *Nikolai N. Kazansky*, academician, the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research (Saint Petersburg, Russia); Prof. *Soo Hwan Kim*, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, South Korea); Prof. *Maxim A. Krongauz*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Alexander V. Lavrov*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Mikhail Yu. Lotman*, Tallinn University, University of Tartu (Estonia); Prof. *Ivan B. Mikirtumov*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Vladimir A. Plungyan*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *James R. Russell*, Harvard University (USA), the Hebrew University of Jerusalem (Israel); Prof. *Igor V. Silantyev*, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Igor P. Smirnov*, University of Konstanz (Germany); Prof. *Peter Steiner*, University of Pennsylvania (United States); Dr *Tatyana V. Tsvigun*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Grigorii L. Tulchinskii*, St. Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Tomas Venclova*, Yale University (USA); Prof. *Dimitar Vesselinov*, Sofia University 'St. Kliment Ohridski' (Bulgaria); Prof. *Jinling Wang*, Changchun University (Changchun, China) Prof. *Vera I. Zabolotkina*, Russian State University for the Humanities (Russia)

© Immanuel Kant Baltic
Federal University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	6
ЗНАКИ И СМЫСЛЫ: (ПЕРЕ-)ОСМЫСЛЯЯ ФРЕГЕ	
<i>Тулъчинский Г.Л.</i> Лента Мёбиуса прагмасемантики смысла: от культуры через субъектность в ничто – и обратно	8
<i>Кравченко А.В.</i> Знаки и смыслы как эпистемологическая проблема	31
<i>Микиртумов И.Б.</i> Как установки и иллюкативная сила становятся компонентами смысла: некоторые следствия из анализа мнимых имен у Фреге	48
<i>Тискин Д.Б., Фролов К.Г.</i> Приписывание пропозициональных установок <i>de re</i> как средство убеждения	73
<i>Цвигун Т.В., Черняков А.Н.</i> «Определение поэзии»: Фреге vs. Якобсон	91
<i>Кронгауз М.А., Клокова К.С., Шульгинов В.А., Юдина Т.А.</i> Трансформация семантики мамочки: от жены до пушки	105
ЛИНГВИСТИКА vs СЕМИОТИКА: В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ	
<i>Ильин М.В.</i> О семиотиках интегрально, аспективно и конкретно	125
<i>Золян С.Т.</i> Откуда же метод берется? О самодостаточности семиотических объектов	137
<i>Чебанов С.В.</i> Нужна ли часть вне целого? (К статье А.В. Циммерлинга «Конкретно: синтактика без семиотики?»)	153

CONTENTS

Foreword	7
SIGNS AND MEANINGS: REVISITING FREGE	
<i>Tulchinskii G. L.</i> The Möbius strip of the pragmasemantics of sense: from culture through subjectivity to nothingness and back.....	8
<i>Kravchenko A. V.</i> Signs and senses as an epistemological problem	31
<i>Mikirtumov I. B.</i> How presuppositions and illocutionary force become components of sense: some implications from the analysis of fictitious names in Frege's philosophy	48
<i>Tiskin D. B., Frolov K. G.</i> Attribution of <i>de re</i> propositional attitudes as a means of persuasion.....	73
<i>Tsvigun T. V., Chernyakov A. N.</i> 'Definition of poetry': Frege vs. Jakobson.....	91
<i>Krongauz M. A., Klokova K. S., Shulginov V. A., Yudina T. A.</i> Semantic transformation of the noun <i>mamochka</i> : from 'wife' to 'cannon'	105
SEMIOTICS: CONTINUATION OF THE DISCUSSION	
<i>Ilyin M. V.</i> On multiple semiotics integrally, aspectively and concretely.....	125
<i>Zolyan S. T.</i> Where does the method come from? On the self-sufficiency of semiotic objects.....	137
<i>Chebanov S. V.</i> A part outside the whole? (To Anton Zimmerling's article "Really: syntactics without semiotics?").....	153

ОТ РЕДАКЦИИ

Очередной номер журнала «Слово. ру: балтийский акцент» посвящен сопряженности понятий «знак» и «смысл». Осознавая неисчерпаемость проблемы, мы предложили в качестве ориентира взять триаду Фреге «знак — смысл — значение». Она стала основой современной семантики в логике, лингвистике и семиотике, и какое-либо развитие в этих сферах немислимо без обращения к ней. В то же время поскольку модель Фреге была разработана применительно к решению математических и логических проблем, ее экстраполяции в лингвистике и семиотике приводят к ряду до сих пор не проясненных проблем. Именно они стали предметом рассмотрения в предлагаемых ниже статьях.

Разнообразие подходов и результатов позволило увидеть потенциал концепции Фреге применительно к новым направлениям лингвистической и логической семантики, а также взаимосвязь между ними. С различных позиций авторами была реализована заявленная соредакторами установка: показать возможность переосмысления триадической модели Фреге, что позволяет рассматривать смысл не как ассоциацию между двумя заданными объектами (означающим и референтом), а как модель порождения смыслов. Концепция Фреге также была гармонично дополнена такими влияющими на семантизацию факторами, как контекст и интерпретатор.

Естественным продолжением рассмотрения вопросов знака и смысла стало развитие дискуссии о взаимоотношении лингвистики и семиотики, начало которой было положено в предыдущем выпуске журнала. Отсутствие единой точки зрения — адекватное отражение многоаспектности этой проблематики.

Соредакторы
С. Т. Золян
И. Б. Микиртумов
Г. Л. Тульчинский

FOREWORD

This issue of Slovo. ru is dedicated to exploring the correlation between the concepts of *sign* and *sense*. Acknowledging the inexhaustible nature of this topic, we have chosen to take Frege's triad, 'sign – sense – meaning', as a fundamental reference point. This triad serves as the cornerstone of modern semantics in logic, linguistics, and semiotics, and any progress in these fields would be inconceivable without its foundational influence. However, Frege's model, initially devised for solving mathematical and logical problems, presents several unresolved issues when applied to linguistics and semiotics. These issues are the primary focus of the articles presented in this issue of Slovo. ru.

The wide range of approaches and findings has allowed us to recognize the potential of Frege's conceptual framework concerning emerging directions in linguistic and logical semantics, as well as their interconnections. The authors, representing diverse scholarly viewpoints, have effectively realized the editorial objective, which is to elucidate the feasibility of reinterpreting Frege's triadic model. This reinterpretation makes it possible to view sense not merely as an association between two given objects (the signifier and the referent) but as a model for the generation of sense itself. Furthermore, Frege's concept has been complemented by two relevant factors in semanticization – context and interpretant.

A natural continuation of the exploration of sign and sense has been the expansion of the discourse on the relationship between linguistics and semiotics, which was initiated in the previous issue of the journal. The absence of a single, unanimous viewpoint reflects the multidimensional nature of this complex problem.

Co-editors
Suren T. Zolyan
Ivan B. Mikirtumov
Grigorii L. Tulchinskii

ЗНАКИ И СМЫСЛЫ: (ПЕРЕ-)ОСМЫСЛЯЯ ФРЕГЕ

УДК 003; 165.12

ЛЕНТА МЁБИУСА ПРАГМАСЕМАНТИКИ СМЫСЛА: ОТ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ СУБЪЕКТНОСТЬ В НИЧТО — И ОБРАТНО

Г. А. Тульчинский^{1, 2, 3}

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14

² Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16

Поступила в редакцию 23.02.2023 г.

Принята к публикации 25.05.2023 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-1

Автор предпринимает попытку систематически представить смыслообразование с точки зрения прагмасемантического подхода. Его применение открывает возможность показать, как взаимодействуют основные факторы смыслообразования – социально-культурные практики и субъектность. Их взаимодействие нелинейно: субъектность является результатом усвоения социально-культурного опыта и сопровождающей коммуникации нарративного формата. Самосознание Я – это результат социализации личности в ее рефлексивном самоописании. Тем самым оно образует «странную петлю» (Д. Хофштадтер), в которой внутреннее замыкается на внешнее, социальное – на индивидуальное. Так носитель самосознания обретает горизонт видения мира, уходящий за рамки физического присутствия, а с этим и способность не только к реагированию на ситуативность, но и к потенцированию ситуативности, прокреативного преадапционного реагирования на свое окружение. Субъектность – пластичная сущность, готовая к наполнению новым содержанием, способная к изменению, становлению иным. Главная идентичность самосознающей личности – самодостаточный знак самого себя как «человека без свойств». Человеческое бытие есть нехватка, отсутствие, утрата, стремление к перемене. Оно подобно пустоте, которая не уместается в знаки, блуждающий избыток, соединяющий несоединимое. В этой связи специальное внимание в статье уделено апофатической природе смыслообразования. Паузы, интервалы, разрывы, пробелы делают знаки знаками на фоне небытия. Субъектность выступает «пользователем пустот» как метаконтекст – источник, средство и результат смыслопорождения. Она сама является пробелом в бытии, как незаполненность, готовая к дополнениям и перезагрузкам незавершенность. В этой связи субъектность предстает универсальным интерфейсом с потенциально бесконечными взаимосвязями контекстов. Этот интерфейс реализует взаимодействие между реальным и любым иным возможным миром, позволяя переходить от ситуации физической действительности в воображаемую и наоборот, а то и рассматривать их одновременно.

Ключевые слова: апофатика, глубокая семиотика, культура, прагмасемантика, самосознание, смысл, субъектность

© Тульчинский Г.Л., 2023

Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος...

Вначале или в начале: фрегевская концепция смысла, необходимость уточнений

Как учили великие — Конфуций и Платон, — любое дело надо начинать с «исправления имен», то есть — с уточнения значения используемых слов. Применительно к данному случаю — со способов употребления ключевых терминов, задающих предмет обсуждения в этом тексте.

Прежде всего это «смысл» — слово, употребляемое в самых различных контекстах — от смысла слова и сказанной фразы до смысла происходящего и смысла жизни. Смысл — одно из ключевых понятий и логической семантики, и лингвистики, и искусствоведения, и теории коммуникации, и социальной психологии. Смысл и смыслообразование — феномены и понятия, фундаментальные для исследований культуры и ее динамики, которые связаны с осмыслением реальности, развитием социального опыта по адаптации к ней и ее изменению. Смыслообразование увязано с особенностями конкретного исторического опыта, формированием норм, мотивацией поступков, творчеством и девиацией.

Этот перечень можно продолжать и продолжать. Такая «многосмысленность» обусловлена природой этого феномена и концепта. Однако развитие символической логики, логической семантики, исследований искусственного интеллекта, теории и философии смысла породило за прошлое столетие критическую массу идей и разработок, вызывающих к обобщению и систематизации. Попытка наметить пути решения такой задачи предпринята в данной работе. При этом, как представляется, важно вернуться к «истокам», а именно — к концепции смысла, впервые сформулированной в конце XIX столетия Готтлобом Фреге.

Идеи Фреге, представленные прежде всего в статье «О смысле и значении» (Frege, 1892b), а также некоторых других работах (таких как «Функция и понятие» (Frege, 1891), «О понятии и предмете» (Frege, 1892a), «Мысль» (Frege, 1918–1919)), сыграли ключевую роль в логической семантике, философии языка, аналитической философии, если не европейской философии в целом (Куренной, 2018; Павлова, Чупахин, 2015). В первую очередь речь идет о знаменитом «треугольнике Фреге», представляющем соотношение знака (*die Zeichen*) как обозначения некоей предметности (*die Bedeutung*) и выражения смысла (*der Sinn*). Показательно, что в самой работе «О смысле и значении» никакого треугольника нет. Но удобная схема давно широко используется для иллюстрации фрегевской семантической модели.

На первый взгляд, этот схематизм — знак обозначает нечто и выражает смысл, понимание этого нечто — прост, удобен и универсален. Например, в традиционной логике он практически совпадает с различением объема и содержания понятий, связанных с терминами. Операция определения термина уточняет смысловое содержание понятия, а

отношения между понятиями сводятся к операциям с объемами понятий (включения, рода и вида, пересечения, исключения, обобщения, конкретизации, классификации), что проясняет связь формальной логики с теорией множеств и булевой алгеброй.

Заслугой Фреге является и то, что он применил этот схематизм не только к теории понятий (предикатов), но и к теории суждений (высказываний). В таком случае *die Bedeutung* высказывания связывается с его истинностным значением (истина / ложь), а *der Sinn* — с некоей мыслью. В этом плане получается, что все суждения могут обозначать только два предмета, причем — абстрактные: истину или ложь. Но зато в такой семантике все суждения и прочие логические конструкции увязываются возможностью эмпирической верификации их содержания — как соответствия или несоответствия миру в целом, что открыло дорогу логическому позитивизму (эмпиризму), доминирующему в современной науке. Более того, это позволило строить логический анализ как разновидность функционального, где в качестве аргумента выступает истинностное значение. Эту линию продолжил непосредственный ученик Фреге Р. Карнап в своем различении экстенционала и интенционала как предметного и содержательного аспектов понятийных структур (описаний состояния) универсума рассуждения.

В семиотическом плане главный вклад Фреге заключается именно во введении третьего (помимо означающего и означаемого) компонента семиозиса — смысла, который выполняет посредующую роль между знаком и означаемым, как способа данности этого означаемого. Предмет всегда дан, предстает в каком-то отношении, некоем ракурсе, конкретной перспективе или каком-то ракурсе. А поскольку отношения любого предмета могут варьироваться до бесконечности, постольку с любым предметом может быть связано бесконечное множество смыслов. Смыслообразование предстало ключевым моментом семиозиса, который не сводится к обозначению (*Bedeutung*, *reference*). Полноту семиозису придает именно порождение смысла (*meaning* / *sense*) вне зависимости от того, управляемый это человеком процесс или оно происходит само.

Смысл выступает результатом представления предметов, вещей, явлений — реальных и воображаемых, в контексте их данности или использования. Тем самым знак может иметь смысл, даже если он лишен означаемого. И это не только случаи кентавров, русалок, кольца всевластья, волшебной палочки, других персонажей и артефактов сказок и фантазий, имеющих свою непустую онтологию, но и понятия с пустым объемом — термины и выражения, существование *Bedeutung* которых в принципе невозможно («круглый квадрат», «соленый сахар» и т.п.). Отсутствие существования предметных значений таких знаков не только позволяет строить суждения типа «круглых квадратов не существует», но и рассуждать в стилистике нонсенса и абсурда (Тулчинский, 2022б). Без фрегевской семантической концепции непонятен прирост знания с помощью новых уподоблений, метафоризации. А такое приращение происходит вне зависимости от того, имеем ли мы дело с

одним и тем же предметом, имеющим разные смыслы, или с ситуацией, когда связь разных смыслов с одним и тем же предметом неочевидна и может быть установлена позже (как это было с Утренней звездой и Вечерней звездой как двумя смыслами планеты Венера).

Идея Фреге о смысле как способе данности предмета — одна из важнейших в европейской философии последних двух столетий. Ее роль и влияние прослеживается красной линией в преемственном творчестве таких мыслителей, как Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, Д. Агамбен. На способе данности и использования знака построена теория значения Л. Витгенштейна, Б. Латура.

Однако фрегевская концепция смыслообразования имеет ряд неоднозначностей. Так, референциальный (экстенциональный) характер развиваемого во фрегевском ключе логического анализа предполагает непустоту предметной области, что плохо стыкуется с посредующей ролью смысла. Это породило нетривиальную проблему логического анализа неэкстенциональных (модальных, эпистемических и проч.) контекстов, проблему применимости стандартной кванторной логики в модальной логике. А обоснование логического анализа таких контекстов с помощью семантики возможных миров (описаний состояния) свело трактовку операторов модальностей и эпистемических установок к квантификации по возможным мирам.

Определенную роль сыграли и неоднозначные переводы ключевых фрегевских терминов. Так, *die Bedeutung* (значение) переводится на английский то как *reference* (обозначение, предметное значение), то как *meaning* (смысловое значение). *Der Sinn* (смысл) — как *meaning* (как смысл в лингвистическом плане) и как *sense* (смысл в ментальном плане). Гуссерль — непосредственный ученик Фреге — предложил означаемое (*Bedeutung*) называть «предметом», а понятия «смысл» и «значение» использовать как синонимы. Имеются и другие терминологические вариации фрегевской триады.

Такой разноречивой терминологии и толкований представляется неслучайным. Во фрегевской концепции смысла есть некая фундаментальная двойственность. С одной стороны, речь идет о способах данности, то есть объективных факторах. С другой — при всей строгости Фреге, структурной ясности модели семантики знака, трактовки *Bedeutung* как указываемой предметности (*reference*) — проявляется некий психологизм в трактовке *Sinn*, нечто «человеческое, слишком человеческое». Смысл — порождение конечной системы, пытающейся постичь бесконечное разнообразие мира. И вынужденной делать это всегда с какой-то конкретной позиции, в каком-то определенном ракурсе, с какой-то точки зрения, с какой-то целью, другими словами — «в каком-то смысле». Именно такой системой является человек — существо конечное в пространстве и времени, наделенное способностью осознания своей позиции и ее выбора. В этом плане смысл — принципиально человеческое проявление, измерение бытия. Вне наделенного самосознанием человека смысла нет — только детерминации, причинно-следственные связи. Но насколько эксклюзивно антропологична субъектность?

В данной статье предпринята попытка преодолеть фрегевскую двойственность концепта смысла, проследить общность, взаимосвязь и взаимозависимость в смыслообразовании факторов социально-деятельностной детерминации и субъектности.

Основанием такого обобщения, как представляется, может выступать семиотика, точнее – ее расширения в формате глубокой семиотики (deep semiotics), стереометрического семантического синтеза (stereometric semantics) и прагмасемантики (pragmasemantics). При этом особый интерес вызывает именно прагмасемантический подход, так как он позволяет нащупать платформу, интегрирующую необходимое обобщение.

Глубокая семиотика и стереометрическая семантика

Обоснованием предлагаемого подхода могут служить несколько обстоятельств. Прежде всего, как уже говорилось, смысл связан с определенной позицией, которую М.М. Бахтин характеризовал как «позицию вненаходимости» (Бахтин, 1979, с. 79): чтобы давать возможность некоего обобщения ситуации, свойств, отношений предмета, эта позиция должна быть внешней по отношению к нему, выводить в контекст рассмотрения. Так, смысл слова выявляется из фразы, смысл фразы – из текста, смысл текста – из контекста его использования. Аналогично и поиск смысла жизни выводит за рамки индивидуального существования, погружая его в различные «контексты»: рождения и воспитания детей, религии, служения политической или научной идее.

Выбор такой «позиции вненаходимости» (contextual out) делает смысл интенциональным и телеологичным, связывая его с целесообразными социально-культурными практиками. Отсюда и «многосмысленность смысла», которая обусловлена многообразием культур, соответствующих социально-культурных практик.

Поэтому идея интенциональности смысла как заданности использования предметов и знаков может быть представлена в контекстах функциональных систем, порядков, фреймов, паттернов (Латур, 2014; Гофман, 2004; Соколов, 1972), социальных практик. Обобщением этих подходов стала концепция ценностно-регулятивных систем (ЦРС), которые определяются ценностями (целями) деятельности; нормами, правилами, регулирующими осуществление деятельности; ресурсами (наличными средствами, обеспечивающими возможность осуществления деятельности); способом организации деятельности, включая коммуникацию. (Тульчинский, 2019б). Конкретными ЦРС выступают формы занятости, досуга, научной деятельности, виды и жанры искусства, обыденной жизни. Специфической ЦРС является язык – социальная деятельность, реализующаяся в целях коммуникативного обслуживания других ЦРС, в том числе и самой себя. Опыт использования языка в конкретных ЦРС задает соответствующие дискурсивные практики, без освоения которых невозможно вхождение в сообщества – националь-

ные, этнические, профессиональные, возрастные и т.п. В этой связи национальный язык (речь и письмо) оказывается путеводителем по совокупной системе ЦРС определенной культуры.

В результате культура предстает системой порождения, отбора, сохранения, трансляции и воспроизводства социального опыта. Как система ЦРС она выступает в качестве «социальной памяти», «исторической коллективной памяти», «надындивидуальной системой информации» — недаром Ю. М. Лотман определял культуру как систему негенетического наследования информации о поведении. (Лотман, 2000, с. 8). Именно участием в ЦРС осуществляется социализация личности, усвоение ею соответствующих программ социального опыта, включая устойчивую систему правил, норм и эталонов, принятых конкретным социумом для достижения социально значимых целей, свой канон осмысления (логономию) (Ильин, 2020; Фомин, Ильин, 2019). Без носителей культуры — социализированных личностей — культура мертва. Это с одной стороны. А с другой — культура, воспроизводимая с помощью социализации, «вращивающей» программы социального опыта носителям этой культуры, для своего развития нуждается в индивидуализации, уникальном, неповторимом своеобразии этого освоения. Эта уникальность воплощается в субъектности, самости — главном источнике пластичности и динамики человеческой цивилизации, обеспечивающем ее прокреативность (избыточный запас вариантов, сценариев поведения), а тем самым и преадаптивность индивида и социума, упреждающий характер реакции на обстоятельства существования и развития (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018). Так мы подошли к субъектности — третьему, ключевому для данного рассмотрения, аспекту «человекомерности смысла».

Возможность детализации концепта смысла и механизма семиозиса дает расширение и дополнение традиционной семиотики — как *semiotics* (восходящей к алгебре отношений Ч. С. Пирса и американскому прагматизму) или как *semiology* (восходящей к Ф. де Соссюру и французскому структурализму) — «глубокой семиотикой» (*deeper semiotics*), восходящей к традициям герменевтики, филологии В. Гумбольдта, Ф. Фосслера, идеям и работам Г. Г. Шпета, М. М. Бахтина, испытавших влияние имяславия С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, А. Ф. Loseва, а также работам советских психологов Л. С. Выготского, А. Н., А. А. и Д. А. Леонтьевых. Речь идет о различении в структуре смысла (фрегевского *Sinn*) относительно устойчивого социального значения, закрепляемого практиками социальной коммуникации, и вариативного личностного смысла. В свою очередь, в содержании социального значения можно различать предметное и функциональное значение, связанные с предметом и способом конкретной социальной деятельности.

Нетрудно заметить, что отмеченные два компонента социального значения соответствуют объему и содержанию понятия, а предметное социальное значение — соответствует предлагаемому И. Д. Невважаем смыслу значения. Важно также, что предметное значение может быть как собственным (в случае артефактов культуры, инструментов дея-

тельности, рассматриваемых как знаки), так и несобственным (например, в случае языковых знаков, отсылающих к предметам, вещам, артефактам, явлениям).

В свою очередь, в личностном смысле вычлняются оценочное отношение и переживание определенной деятельности (где важную роль играет возможность ее повторяемости, ритмичности). Главное, все эти компоненты смысловой структуры связаны с практиками социальной деятельности как способами данности, контекстами смыслообразования. Предметное значение связано с предметным содержанием, функциональное — со способом деятельности, а личностный смысл — с оценочным отношением к ней и ее непосредственным переживанием (*experience*) или сопереживанием (эмпатией).

Речь идет не просто о компонентах смыслового содержания социального опыта, а о системе из взаимосвязи и взаимобусловленности. Последовательное прохождение от материальной формы знака через предметное значение, функциональное значение, оценочное отношение до переживания дает представление о понимании, осмыслении, распределении, субъективации выраженного в знаковой системе смыслового содержания социального опыта. В этом плане выделенные компоненты смысловой структуры предстают также уровнями герменевтического осмысления — идентификацией, референцией, интерпретацией, оценкой и эмпатией (сопереживанием, вчувствованием). А встречное прохождение — от переживания через оценочное отношение, функциональное и предметное социальное значение к материальной форме знака — демонстрирует объективацию, опредмечивание опыта, процесс воплощения смыслового содержания социального опыта в семиозисе (Тульчинский, 2018; Тульчинский, 2019а; Тульчинский, 2019б).

В недавней публикации И.Д. Невважай поставил вопрос о необходимости перехода анализа от структуры семиотических систем к их динамике, ключом к которой является распределение влияния смысла как на значение, так и на сам знак. В раскрытии этого влияния Невважай опирается на дополнение фрегевской семантической модели смыслом знака и смыслом значения. А само пространство смысловой динамики он связывает с сознанием и его двумя характеристиками (способностями) — интенциональной и респонсивной. Первая обеспечивает интерпретацию смысла, вторая — его выражения (Невважай, 2023).

Эти задачи решаются в рамках глубокой семиотики, которая дополняет и развивает традиционную теорию знаков персонологическим вектором (измерением) семиозиса. Поэтому ее концепция в своей начальной формулировке, представленной выше, достаточно выражено «человекомерна». Однако, как будет показано далее, она может служить мостом к следующему уровню обобщения. Важно тем не менее, что глубокая семиотика не распределяет, а детализирует синкретичный *der Sinn* Фреге, раскрывая механизм динамики смыслового комплекса и сопряжение в этой динамике активной роли как социальной практики, так и акторов и их субъектности.

Кроме того, деятельностно-практическая природа социального значения позволяет преодолеть референциально-экстенционалистскую ограниченность семантики логического анализа. Речь идет о дополнении семантического оценивания суждений на соответствие реальности (истинность / ложность) соответствием целям деятельности и правилам ее осуществления. Такая трехмерная «стереометрическая» семантика не только соответствует структуре любой социально-культурной практики, имеющей цели, правила (нормы) и ресурсы реализации, но и реализует тем самым ценностно-нормативный синтез осмысленного знания, сближая научное знание с другими формами знания — научными, техническими, политическими, моральными, художественными, образовательными, экономическими идеями. В данной работе не будем углубляться в эту перспективу, тем более что она была достаточно освещена ранее (Тульчинский, 2019б).

Прагмасемантика смысла

Выделенные три «человекомерных» аспекта смысла — «аутичность» (необходимость внаходимости), контекстуальная интенциональность (телеологичность, зависимость от социально-культурных практик) и роль субъектности — принципиально важны для смыслообразования. Проявление механизма их взаимосвязи и является главной целью данной работы. Эскизно эта связь уже была прослежена в начале статьи. Дальнейшее прояснение предполагает подход, который мог бы дать некий «общий знаменатель», концептуальную платформу сведения трех выделенных аспектов в общую систему взаимодействия. В качестве такого подхода предлагается концепция «прагмасемантики» (Zolyan, 2021, p. 247–248) как комплекса и интерфейса смыслообразования, увязывающего анализ содержания и значения текста с контекстом социально-культурной практики его использования. Предпосылки такого подхода были разработаны международным коллективом в рамках исследования механизмов смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках (Между миром и языком, 2022). Наиболее полно концепция прагмасемантики с детальной расстановкой принципиально важных акцентов семиозиса представлена С. Т. Золяном в его публикации в «Вопросах философии», в которой очень точно расставлены принципиально важные акценты семиозиса (Золян, 2023а). С. Т. Золян представляет прагмасемантику не просто как буферную или пограничную зону, а именно как особую область, в которой создаются смысловые структуры, как каскад интерфейсов, репрезентирующий отношение между миром, языком и культуральным контекстом. При этом прагматика как таковая не связывается с антропоморфным субъектом, наделенным сознанием. Речь идет именно о контекстах использования знаков и знаковых систем. И этот контекст воплощен, впаян в материальную форму знака. Грубо говоря, болт помнит, что он болт, а гайка — что она гайка.

Любая система обладает интенциональностью — как стремлением системы сохранить свою целостность. Это проявляется не только в био-

системах (витальность), но и в физических, химических, космических образованиях. Различия — в конкретике систем. Любая система с отрицательной обратной связью, выстраивающей ее гомеостаз, порождает квазисубъекта (в терминологии Ч.С. Пирса) как регулятора интенциональности. Р. Деннет и А. Дамасио называют такие состояния базовой, первичной формой сознания, над которой надстраиваются все более сложные формы — в силу нарастающей сложности систем — вплоть до рефлексии в духе математически описанной «странной петли» (strange loop) Р. Хофштадтера (Хофштадтер, 2022).

Прагмасемантика есть игра интерфейсов контекстов этих практик (паттернов, фреймов). Но фактор динамики, смены, совмещения таких контекстов ставит проблему универсального интерфейса, реализующего такую динамику. И пока известен только один подобный универсальный интерфейс — личностная субъектность. Ее роль — суперактуальная проблема в связи с расширением цифровых (формализованных, математизированных, алгоритмичных) форматов коммуникации, пронизывающих практически все сферы современной социальной жизни.

Поэтому вполне логично С.Т. Золян включает в прагмасемантику принципиальную для смыслообразования роль субъектности, которую он связывает с ключевым для прагмасемантической системы оператором — местоимением «Я». Оно не только указывает на говорящего, относительно которого задаются остальные координаты контекстуализации (место, время, мир); оно одновременно задает границу между различными семиотическими структурами, это уже иное «Я», семиотическое «Я», которое есть отношение между некоторой знаковой структурой и описывающей его мета-структурой. (Золян, 2023а, 2023б). Это уже субъектность, порождающая предмет суждения (высказывания). Как известно, в логике субъектом называется предмет суждения, которому приписывается предикат. И мы, таким образом, имеем дело с самопорождением автора и предмета семиозиса, их совпадением.

Субъектность — точка склейки ленты Мёбиуса, «странной петли» Хофштадтера — точка входа в герменевтический круг смыслообразования. Она предстает блуждающим аттрактором, универсальным интерфейсом смыслообразования. В этом плане она удивительно напоминает гуссерлевского трансцендентального субъекта, каковой у Гуссерля не психосоциальная личность, а что-то вроде слепого пятна в глазу, которое само не наблюдаемо, но без которого зрение невозможно. Поэтому дальнейшее рассмотрение «имеет смысл» продолжить именно фактором субъектности. И такое рассмотрение в целях большей ясности оправданно вести в «человеческом», имея в виду возможность выхода за этот горизонт обобщения.

Субъектность как фактор прокреативности смыслообразования

Представления о субъектности, о таких ее проявлениях, как самосознание и свобода воли, не только определяют основное содержание гуманитарного знания, теорию и практику морали, политики, права, ху-

дожественной культуры, воспитания, образования в целом, но и, можно сказать, определяют сердцевину антропологического содержания нашей цивилизации.

Ключевыми они являются, таким образом, и для динамики смыслообразования. Если смысл открывает вход в пространство динамики семиозиса, то проследивание этой динамики нуждается в некоем пространстве ее проявления. И первое, что напрашивается в качестве аппарата описания такого пространства, — это феноменология сознания. И такая феноменология не сводится к реализации гуссерлевского подхода, который сам в этой связи заслуживает нового прочтения, выводящего семиозис за рамки гуссерлевских плохо операционализируемых концептов.

Самосознание есть осознание себя как чего-то особого, отдельного, выделенного в жизненном потоке, рефлексия. В сочетании с активацией себя как актора — оно образует самость («яйность», *die Ichkeit, I-concept*). А если я осознаю себя плюс собственную ответственность за факт бытия своего Я и за проявления этого бытия (деяния или недеяния), то это уже и составляет проявление субъектности — ответственного самосознания самости.

Собственно, именно наличие развитой субъектности выделяет человека из животного мира, в котором можно найти проявления «прото-сознания» (*proto-self* — как *bios* живого организма) и «базового сознания» (*core self* — как чувственно выраженная телесная выделенность в потоке ощущений, реакций от рецепторики) (Damasio, 2010).

В рамках нашего рассмотрения важно, что самосознание возникает в процессе социализации, освоения личностью социально-культурных практик, сопровождаемого дискурсивной коммуникацией, в которой родители, учителя, вырывают личность из причинно-следственных связей, замыкая их на ней, делая актором, *causa sui*, причиной происходящего. И к третьему году жизни ребенок осваивает наррацию от 1-го лица, являющуюся текстологической основой самосознания и памяти.

Таким образом, фактически субъектность — эпифеномен культуры. Главное в субъектности — взятие индивидом на себя ответственности за происходящее, происходившее или то, что может произойти (наверное, это имеет в виду И.Д. Невважай, говоря о «респонсивной функции» сознания). И этой ответственностью изначально «грузят» другие, а субъектность оказывается вторичной, производной по отношению к этой ответственности. В этом плане глубоко и принципиально прав был М.М. Бахтин в своих размышлениях о том, что сознание, разум не только вторичны по отношению к ответственности, но и являются ее инструментом, мерой осознания своих возможностей влияния на происходящее (Бахтин, 1986). Вторична по отношению к ответственности и свобода — «богоподобная» способность, добытийный и внебытийный источник бытия, чувствилище трансцендентного (Бердяев, 1989). Свобода — не «дыра в бытии» (Н.А. Бердяев, Ж.П. Сартр), а челнок, ткущий ткань бытия. И челнок этот — результат социализации, (не)лишний раз подтверждающий, что человек — существо социальное.

Более того, этот эпифеномен социальной аккультурации дает возможность его носителю выстраивать целостный осмысленный нарратив самосознания, «роман своей памяти», возвращаясь к его началу и переписывая начальные «главы» (Хенрих, 2018). Речь идет о целостной, но незаконченной и неполной системе, открытой к новому развитию, выбору ситуации и места в ней, дающих возможность нахождения вне ситуаций и между ними, а значит — и смены контекстов, то есть перехода от одной социально-культурно практики к другой, а то и создания новых практик. Такая ситуативная подвижность, активность в позиционировании, способность к лиминальности — главные характеристики субъектности, которая оказывается прагмасемантическим универсальным интерфейсом, реализующим взаимодействие между индивидуальным и социальным, реальным и воображаемым, переход от ситуаций физической реальности к реальности надежд, тревог, желаний, — и наоборот.

Ход рассуждения возвращает нас к механизму динамики смыслообразования в соотношении социальных практик и субъектности как порождения и фактора развития этих практик.

Синхрония и диахрония связи социального и субъектного планов смыслообразования: глубокая семиотика

Соотношение и взаимосвязи социального и субъектного аспектов (факторов) смыслообразования не исчерпывается порождением субъектности в процессе освоения социально-культурных практик, сопровождаемого освоением нарративной коммуникации. Оно проявляется и в развитии самих этих практик, в котором нетривиальное значение имеет обратное влияние.

Структурно-синхронически это выражается в смысловом содержании знаковых систем культуры, как это представлено в рассмотренной выше концепции глубокой семиотики. Если традиционные семиотика и семиология ориентированы на выявление, анализ смысла в «готовых», уже данных знаковых системах, а социальная семиотика М. Халлидея ограничивается рассмотрением социальных контекстов (паттернов, фреймов), то «глубокая семиотика» переходит от синхронического анализа к анализу диахронии, динамики развития знаковых систем, позволяя интегрировать междисциплинарные возможности такого анализа, и, что особенно важно, открыть перспективу расширения анализа смысла до процессов его воплощения.

Например, диахрония личностных смыслов и социальных значений проявляется в развитии ЦРС культуры, их институционализации — в соотношении в этом процессе смыслового и социально-организационного аспектов.

Начинается этот процесс с появлением некоей сугубо личностной идеи, мысли, образа, которые могут так и остаться фактом личностного переживания — не более. Но если человек делится этой идеей с другими, может возникнуть некое общее понимание. Все может остановиться и на этом уровне, но не исключено, что на базе общего понимания воз-

никнет регулярное неформальное общение (встречи, переписка и т. п.). Такое общение может перерасти в достаточно формальное, систематизированное общение (семинары, конференции, клубы), могут появиться лидеры, программы, манифесты, вербовка сторонников. В какой-то момент у такого сообщества возникает потребность в медийных ресурсах, финансировании, помещении, здании и т. д. Появляется менеджмент, хозяйственное содержание и т. д.

В этой динамике способ осмысления и организация социально-культурных практик неразрывно связаны и взаимостимулируют друг друга: динамика развития ЦРС выражает этапы институционализации от идеи и неформального общения по их поводу до развитых институтов (вплоть до организаций и учреждений) — в зависимости от регулярности и интенсивности коммуникации. При этом особого внимания заслуживает практика повторов переживаний (ритмики, обрядов, ритуалов, устойчивых паттернов) в формировании и закреплении смысловых структур в социальной и личной культуре.

Это позволяет рассматривать динамику институционализации смысловых структур как переход от личностного знания к знанию, с одной стороны, все более распределенному, а с другой — формирующему общности единомышленников вплоть до социальных институтов. На первых этапах институционализации ведущую роль играет смысловой аспект, на поздних — социальный. Поэтому институционализированные формы осмысления, рутинизированные в некоторые профессии, специальности и дисциплины, представляют собой отлившиеся в институционные формы социальной организации виды осмысления. С этой точки зрения, как писал С. Тулмин, каждое научное понятие — это интеллектуальный зародыш научно-исследовательского института или лаборатории, а последние — суть институционализированные понятия (Тулмин, 1984, с. 155–156). Аналогичные стадии проходят ЦРС в бизнесе, политике, религии, искусстве. Поэтому, в принципе, развиваемый подход дает ответ на главный вопрос институционализма в теории экономической социологии, политологии (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011) — как формируются социальные институты.

В институциональной форме в смысловых комплексах уже четко разделяются целевые, нормативные и фактологические аспекты, задаваемые соответствующими компонентами ЦРС как контекста смыслообразования. На первых стадиях оценки, нормы и описания еще синкретичны, слабо отрефлексированы. Так, политические, научные, художественные идеи суть одновременно и характеристики реальности, и выражение ценностной позиции, и программа действий по ее реализации. Аналогично и для ребенка его игрушки, другие вещи суть именно воплощенные идеи — реальность, взятая в контексте различных программ манипулирования ими. И в этих случаях можно говорить о составляющих измерениях ценностно-нормативного синтеза осмысленного знания, использовать аппарат стереометрической семантики (Между миром и языком, 2022).

При этом важно понимать, что ключевую роль в этой динамике играет личностное (субъектное) осмысление с его возможностями использовать отклонения, перестановки, сами контексты, менять правила игры, выходя в позицию «внеаходимости».

Субъектность и апофатика

Проведенное выше рассмотрение представляет версию операциональной конкретизации прагмасемантики как интерфейса текстуализации смыслообразующих контекстов. Однако ценностно-нормативный синтез знания, роль и динамика в этом процессе ЦРС представляют смыслообразование «от 3-го лица» — как «на входе» (с позиции адресанта), так и «на выходе» (с позиции адресата) коммуникации.

Предлагаемый подход при этом ограничивается производством и воспроизводством определенных ситуаций, когда смысл предстает некоей ситуационной социальностью, моделируемой до автоматизма, с минимальной ролью, если не элиминацией субъектности. Между тем самое важное и интересное в динамике смыслообразования — это именно выбор определенной конкретной ситуации и места в ней, выход за ее рамки, смена контекстов, то есть переход от одной социально-культурно практики к другой, а то и создание новых практик. Такая ситуативная подвижность, активность в позиционировании, способность к лиминальности, по сути дела, являются характеристиками субъектности.

Природу субъектности довольно удачно представил Д. Хофштадтер в вышеупомянутой модели «странной петли», образуемой замыканием системы означающих при ее самоописании в духе известных парадоксально самопорождающих гравюр М. Эшера (Хофштадтер, 2022). Это и есть трансцендентальный субъект — точка сборки субъекта, в которой соединяется перекрученная «петля Мёбиуса» бытия. Самосознание самости, будучи результатом социализации личности, в своем рефлексивном самоописании замыкается на себя, оказываясь интерфейсом, реализующим взаимодействие между реальным и любым другим возможным миром, переход от ситуаций физической реальности к воображаемой — и обратно, а то и позволяющим рассматривать их одновременно. Недаром в хайдеггеровском выражении человеческого бытия как *Dasein* (вот-бытие) местоимение *da* имеет два значения — «здесь» и «там» (как, впрочем, и амбивалентное русское «вот») (Хайдеггер, 2015).

Субъектность, представленная в *Dasein*, — не субъект, наблюдающий и «отражающий» реальность, не отражающее ее сознание. Это процесс, реализующийся одновременно во внутреннем и внешнем мирах посредством их единого описания на основе единого онтологического (экзистенциального) допущения. Такие *ontological commitments*, *existential assumptions* о непустоте предметной области и обеспечивают возможность содержательных рассуждений в логике. Собственно, именно этот онтологический импульс «да будет» лежит в основе многих

практик — от молитвы матери о возвращении сына с фронта до возгласа ученого, ставящего эксперимент. И в том и в другом случае реализуется импульс «да будет так!» — различие состоит в степени активности подготовки возможной реализации предполагаемой ситуации.

В «странной петле» самосознания внутреннее замыкается на внешнее, социальное на индивидуальное. Тем самым носитель самосознания обретает горизонт видения мира, уходящий за рамки физического присутствия, а с этим и способность не только к реагированию на ситуативность, но и к потенцированию ситуативности, прокреативного преадаптационного реагирования на свое окружение (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018; Человек как открытая целостность, 2022). Тем самым субъектность — эта точка сборки свободы и ответственности — в ее постоянной готовности и даже стремлении стать иным, другим, выступает универсальным интерфейсом порождения осмысления и смыслообразования.

Фокусировка этой петли, подобно центру тяжести тора, находится вовне любой ситуации, в пустоте аута бахтинской внеаходимости. В философии и эстетике давно отмечается творящая роль пустоты, «использование пустоты как источника энергии для воображения» (Шурипа, 2021, с. 20), позволяющей видеть эстетические объекты, этические жесты, эмоциональные оценки и прочие оттенки осмысления. На этом строится «негативная диалектика» творчества у Т. Адорно, ее современное развитие и расширение на материале художественного творчества и политики (Магун, 2020; Magun, 2013).

Пустота, незаполненность субъектности как «человека без свойств» с его изначальной «нехваткой» отрицает реально сущее, предполагая заполнение этой пустоты, создающее питательную среду прокреативности. Это проявляется в самых различных форматах от нонсенса до революции. Наиболее характерным примером является художественное творчество с его преодолением барьера существующего и переходами от созерцания существующего только в воображении (не существующего, ничто, взывающего к осуществлению) к его воплощению. Как писал еще Леонардо да Винчи, «среди всех вещей... существование ничто — величайшее. Оно... захватывает все минувшие дела и грядущие, как природы, так и существ одушевленных и ничего не имеет от неделимого настоящего. Оно не распространяется на сущность какой-либо вещи» (Леонардо да Винчи, 2010, с. 162). Не будучи причастным ничему, не раскрывая сущность вещей, ничто создает бэкграунд, условие их постижения.

Особого внимания в этой связи заслуживает роль отрицательных высказываний — не как отрицающих существование и параллельно утверждающих пустоту предметной области (Бродский, 1973), а как дополняющих универсум рассуждения носителями отрицательных предикатов (Тульчинский, 2022б) — пока еще позитивно не явленных в этом мире — с нагружением некими новыми предикатами: отрицание *не столы* — как утверждение *не-столы*, то есть дополнение столов до полного универсума, включая прочую мебель, всех живых существ, космические тела, абстрактные объекты etc.

Это вполне соответствует идее Ф. де Соссюра, что язык — замкнутая на себя структура, в которой внутренние различия между означающими важнее внешних связей с означаемыми (Соссюр, 1999, с. 119). Другими словами, для Соссюра в языке главное не референциальность (связи означающих и означаемых условны, будучи обусловлены использованием языка), а дифференциальность означающих, то есть пробелы, паузы, дистанции, пустоты. Поэтому, даже в плане трактовки смысла из структуры организации текста, в самом конструировании смыслопорождающего текста ключевую роль играют пробелы (Эпштейн, 2004), дающие возможность выстраивания различных смысловых пазлов. И носителями такой возможности выступают именно пробелы и пустоты.

Именно паузы, интервалы и делают знаки знаками, позволяют понимать смысл знака, который всегда отделен от других знаков на фоне небытия. Такая причастность знаков к небытию дает возможность читателю, слушателю зрителю мысленно комбинировать их и переноситься в другие реальности, не теряя себя, а наоборот — задавая новую точку зрения, новый ракурс и позицию, утверждая свою субъектность.

Вообще всякому смыслу предшествует ничто — оно до и после каждого *dixi*. Да и коммуникация не сводится к «доставке» смысла от источника к адресату или простому обмену смыслами. Возможна и «экс-коммуникация» (Galloway, Thacker, Wark, 2014) — умолчания, а то и отказ от коммуникации, вплоть до «отмены» (canceling) потенциального партнера. Но и такое отсутствие «смыслового обмена» предполагает домысливание, наполнение пустоты каким-то своим контентом.

Показательна критика постмодернистского релятивизма со стороны А. Бадью: истина укоренена в идее пустого множества, которое, не имея воплощения (образа, места), присутствует между любыми числами, сколь угодно близкими в числовом континууме, представлено в любом множестве, позволяя различать его элементы. В этой связи Бадью провозглашает универсализм, но не позитивный универсализм Нового времени, а универсализм разрыва, отсутствия, пустоты, задающей возможность любой ситуации (Badiou, 2007).

В качестве такового «пользователя пустотами» и выступает субъектность, гуссерлевский трансцендентальный субъект, носителем которого является каждый человек, обладающий самосознанием самости. В этом плане личностная субъектность предстает как метаконтекст — источник, средство и результат смыслопорождения. Согласно В. В. Налимову, смыслообразование аналогично порождению элементарных частиц при воздействии энергетических импульсов на физический вакуум. Так и при смыслопорождении мы имеем дело с «семантическим континуумом», в котором «есть всё». А конкретные «распаковки» смыслов образуются при воздействии на него вероятностного фильтра « μ -функции», в качестве которой Налимов рассматривает личностную индивидуальную субъектность (Налимов, 1974; 2007).

Субъектность сама является пробелом в бытии, она есть незаполненность, незавершенность, готовая к дополнениям и перезагрузкам. Человеческое бытие и есть нехватка, отсутствие, утрата, стремление к «перемене участи». Главная идентичность самосознающей личности — «человек без свойств», пластичная готовность к развитию, становлению иным. В духе Бадью, субъектность — подобно пустоте, которая не уместается в знаки, блуждающий избыток, соединяющий несоединимое. Будучи порождением телесности, социализации, языка, субъектность, как универсальный интерфейс, сводит их, используя как опции в смыслообразовании. «Я» — самоозначающее без жестко определенного означаемого, самодостаточный знак самого себя, как «человека без свойств», пластичной сущности, готовой к наполнению новым содержанием, способной к самоизменению. Можно сказать, что субъектность — ничто, творящее осмысленное нечто из ничто.

Как самосознание самости, субъектность есть рефлексивное само-описание или самоописывающая рефлексивность, то есть система противоречивая, что является азами возникновения и развития логической семантики начиная с теории типов Б. Рассела, теоремы К. Гёделя, концепции логической семантики А. Тарского. Как противоречив фольклор, дающий примеры осмысления любому случаю из жизни («семь раз отмерь, один раз отрежь», но «смелость города берет»), так и способы философствования, претендующие на систематическую универсальность, вроде гегелевской, начинают с противоречия. А Фихте в своих «основах наукоучения» начинает с Я, творящего из ничто. С меона (ничто) начинает развертку семиозиса А.Ф. Лосев (Лосев, 1999), испытавший серьезное влияние русского имяславия с его неоплатонистской установкой порождения нечто из саморазличения ничто. Подобно слепому пятну в глазу, которое, будучи само невидимым, является условием феномена зрения, так и субъектность — точка сборки свободы и ответственности — есть ничто, творящее смысл из ничто, означающее без означаемого, порождающее означаемые.

Механизм этой роли субъектности до сих пор действовал и действует как «человеческий, слишком человеческий». Однако бурное развитие самообучающихся нейросетей искусственного интеллекта позволяет говорить об общей семиотической природе смыслопорождения. Предметность (*reference*) порождается самозамыканием цепочек означающих в парадоксально целостные петли Д. Хофштадтера, М.К. Эшера, ДНК. Самозамыкание каузальностей, порождающее означаемое *causa sui* (*reference, die Bedeutung*). А вот *sense, Sinn* возникает как оплотнение другими, за счет копуляции в *puzzle*. *Reference* телесно в том смысле, что самореферативно (генетический код, вирус, город). Так из бесконечности пакуются конечные телесности, которые потом могут распаковывать бесконечное разнообразие смыслов (в духе Налимова). Чтобы самой *reference* распознать себя, необходим выход в *out*, в позицию вненаходимости, во внешний контекст. И *absolute Out is God*. Дух над

бездной Ничто. И в начале было Слово! Наверное, этот тот случай, когда можно говорить об «образе и подобии» в человеческой природе, а сама эта метафора предстает ключом к пониманию природы смыслообразования. Как писал Г. С. Померанц, бытие коренится в сердце души человеческой. А та (субъектность, образовавшаяся в словесной коммуникации!) оказывается чувствилищем свободы — трансцендентного, добытийного и внебытийного источника (потенциатора) бытия.

Похоже, что европейская мысль, начинавшаяся в Новое время с катафатического преодоления традиционного христианского апофатизма, возвращается к истокам, так как апофатическая установка оказывается обобщением катафатической (Гульчинский, 2022a), и позитивное научное знание приступает к разработке конструктивного содержания апофатики. А смыслообразование предстает довольно строгим алгоритмом, задаваемым контекстом соответствующих социально-культурных практик с ключевой ролью субъектности как источника прокреативной преадаптации системы этих практик.

Ergo: вместо заключения

Проведенное рассмотрение возможности прагмасемантического подхода, позволяющего систематически представить целостный процесс смыслообразования, открывает нетривиальный междисциплинарный потенциал, важный для развития не только гуманитаристики. Реализация прагмасемантической концепции смыслообразования позволяет говорить об основаниях междисциплинарного синтеза (конвергенции) научного знания, открывая новые перспективы, возможности логико-семантического обоснования практических рассуждений, философии поступка как вменяемого действия, метафизики свободы и ответственности, ценностно-нормативного анализа культурогенеза, соотношения рациональности и эффективности, гуманитарной экспертизы и социально-культурного инжиниринга.

Для современной ситуации тотальной цифровизации и перспективы постчеловечности все более востребованной становится гуманитарная экспертиза. Тем самым практическая философия смысла в новом качестве возвращается к своему истоку субъектности. Гуманитарное знание необходимо в научно-технических разработках, а традиционный технологический инжиниринг расширяется до социально-культурного инжиниринга. Смысловая картина мира приобретает все более операциональный и измеримый характер, но пока еще зависимый от человека и его целей.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» (<https://rscf.ru/project/22-18-00591>) в Балтийском федеральном университете им. И. Канта, Калининград.

Список литературы

- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М., 2018.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология техники. Ежегодник. 1984–1985. М., 1986. С. 80–160.
- Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
- Бродский И. Н. Отрицательные высказывания. Л., 1973.
- Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.
- Золян С. Т. Прагматика как самопорождение субъекта // Вопросы философии. 2023а. №7. С. 93–103. doi: 10.21146/0042-8744-2023-7-93-103.
- Золян С. Т. Местоимение «я»: механизм само- и ино-описания // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2023б. №2. С. 26–39. doi: 10.31912/pvrl-2023.2.2.
- Ильин М. В. Логономические системы: рефлексия, осмысленность и вербализация действия // Социальная семиотика: точки роста. СПб., 2020. С. 30–32.
- Куренной В. Семантический треугольник Готлоба Фреге. URL: <https://postnauka.ru/wtf/154781> (дата обращения: 01.02.2023).
- Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
- Леонардо да Винчи. Избранные произведения : в 2 т. М., 2010. Т. 1.
- Лосев А. Ф. Философия имени / Самое само : сочинения. М., 1999.
- Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000.
- Магун А. В. Искус небытия: Энциклопедия диалектических наук. СПб., 2020. Т. 1 : Отрицательная эстетика.
- Между миром и языком: текст и смысл в коммуникативном контексте / под ред. С. Т. Золяна и Г. Л. Тульчинского. Калининград, 2022.
- Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1974.
- Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 2007.
- Невважай И. Д. Смысл знака и смысл значения в эпистемологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. №71. С. 29–38.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
- Павлова В. Д., Чупахин Н. П. От философии смысла к философии культуры // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. №5 (21). С. 50–55.
- Соколов Э. В. Культура и личность. Л., 1972.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999.
- Тулмин С. Человеческое понимание. М., 1984.
- Тульчинский Г. Л. К проблеме смысла в социальной семиотике: глубокая семиотика как концептуальное расширение социальной семиотики // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 15–26.
- Тульчинский Г. Л. Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики» // Вопросы философии. 2019а. №11. С. 115–125.

Тульчинский Г.Л. Тело свободы: ответственность и воплощение смысла. СПб., 2019б.

Тульчинский Г.Л. Апофатика и институционализация: прагмасемантический анализ // Политическая концептология. 2022а. №3. С. 29–48.

Тульчинский Г.Л. От Слинина к Кэрроллу и обратно. Апофатика и нонсенс как предпосылки логического анализа // Логико-философские штудии. 2022б. Т. 20, №2. С. 23–53. doi: 10.52119/LPHS.2022.50.23.004.

Фомин И.В., Ильин М.В. Социальная семиотика: траектории интеграции социологического и семиотического знания // Социологический журнал. 2019. Т. 25, №4. С. 123–141.

Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2015.

Хенрих Д. Мышление и самобытие. Чтения о субъективности. М., 2018.

Хофштадтер Д. Я – странная петля. М., 2022.

Человек как открытая целостность / отв. ред. Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова. Новосибирск, 2022.

Шурина С. Действие и смысл в искусстве второй половины XX века. СПб.; М., 2021.

Эпштейн М.Н. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М., 2004.

Badiou A. Being and Event. N. Y., 2007.

Damasio A. Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain. N. Y., 2010.

Frege G. Function und Begriff. Vortrag gehalten in der Sitzung vom 9. Januar 1891 der Jenaischen Gesellschaft für Medicin und Naturwissenschaft. Jena, 1891.

Frege G. Über Begriff und Gegenstand // Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1892а. Bd. 16. S. 192–205.

Frege G. Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1892б. Bd. 100. S. 25–50.

Frege G. Der Gedanke: Eine logische Untersuchung // Beiträge zur Philosophie des Deutschen Idealismus. Erfurt, 1918–1919. Bd. 1. S. 58–77.

Galloway A. R., Thacker E., Wark M. Excommunication. Three inquiries in media and mediation. Chicago, 2014.

Magun A. Negative Revolution. Modern Political Subject and Its Fate after the Cold War. L.; N. Y., 2013.

Zolyan S. On pragma-semantics of expressives. Between words and actions // Studies at the Grammar-Discourse Interface / ed. by A. Haselow, S. Hancil. Amsterdam, 2021. P. 245–271.

Об авторе

Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: gtul@mail.ru

Для цитирования:

Тульчинский Г.Л. Лента Мёбиуса прагмасемантики смысла: от культуры через субъектность в ничто – и обратно // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 8–30. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-1.

THE MOBIUS STRIP OF THE PRAGMASEMANTICS OF SENSE:
FROM CULTURE THROUGH SUBJECTIVITY
TO NOTHINGNESS AND BACK

G. L. Tulchinskii

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia
Saint Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Nab., Saint Petersburg, 199034, Russia
Higher School of Economics National Research University, Saint Petersburg, Russia,
16 Soyuza Pechatnikov St., Saint Petersburg, 190008, Russia

Submitted on 23.02.2023

Accepted on 25.05.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-1

The author endeavors to systematically present sense formation through the lens of the pragmasemantic approach. It enables the demonstration of how the primary factors of sense formation, socio-cultural practices and personal agency interact. Their relationship is non-linear: subjectivity results from the assimilation of socio-cultural experiences and the accompanying narrative communication. Self-consciousness of the Self arises from the socialization of the individual through reflexive self-description. Thus, it engenders a "strange loop" (as described by Hofstadter), in which the inner becomes entwined with the outer, and the social intertwines with the individual. In this way, the possessor of self-consciousness gains a broader worldview extending beyond physical existence. This expanded perspective not only facilitates responses to situationality but also enhances the potential to proactively pre-adapt to one's environment. Selfhood is a flexible entity, receptive to new content, capable of self-modification, and open to change. The primary identity of the self-aware individual is the self-sufficient personality without any specific characteristics. Human existence is marked by absence, lack, loss, and an aspiration for change. It resembles an emptiness that defies classification, a drifting surplus that connects the unconnected. In this context, the article places particular emphasis on the apophatic nature of sense formation. Pauses, intervals, breaks, and gaps give rise to signs within the backdrop of non-existence. Subjectivity functions as a 'user of voids', serving as a metacontext, a source, means, and outcome of sense formation. It exists as a gap within being, an inherent incompleteness ready for completion and replenishment. In this regard, personal agency manifests as a universal interface, potentially facilitating infinite interconnections across contexts. This interface facilitates interactions between the tangible reality we inhabit and any conceivable alternative worlds. It enables transitions from physical reality to the realm of imagination and vice versa, or even simultaneous consideration of both.

Keywords: *apophatic, deep semiotics, culture, pragmasemantics, self-consciousness, sense, subjectness*

The research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00591 "Pragmasemantics as an interface and operational system of sense formation" carried out at Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), <https://rscf.ru/project/22-18-00591/>.

References

Asmolv, A. G., Shekhter, E. D. and Chernorizov, A. M., 2018. *Preadaptatsiya k nepredelennosti: nepredskazuemye marshruty evolyutsii* [Pre-Adaptation to Uncertainty: Unpredictable Evolutionary Routes]. Moscow, 212 p. (in Russ.).

Badiou, A., 2007. *Being and Event*. New York: Continuum, 526 p.

- Bakhtin, M. M., 1986. To the philosophy of action. In: *Filosofiya i sotsiologiya tekhniki. Ezhegodnik. 1984 – 1985* [Philosophy and sociology of technology. Yearbook. 1984 – 1985]. Moscow, pp. 80 – 160 (in Russ.).
- Bakhtin, M. M., 1979. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 424 p. (in Russ.).
- Berdyayev, N. A., 1989. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom. The meaning of creativity]. Moscow, 608 p. (in Russ.).
- Brodsky, I. N., 1973. *Otritsatel'nye vyskazyvaniya* [Negative statements]. Leningrad, 104 p. (in Russ.).
- Da Vinci, L., 2010. *Izbrannye proizvedeniya Leonardo da Vinci* [Selected works Leonardo da Vinci]. Vol. I. Moscow: Art. Lebedev Studio Publishing House, 444 p. (in Russ.).
- Damasio, A., 2010. *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. New York, 384 p.
- Epstein, M. N., 2004. *Znak probela. O budushchem gumanitarnykh nauk* [Gap sign. On the future of the humanities]. Moscow, 864 p. (in Russ.).
- Fomin, I. V. and Ilyin, M. V., 2019. Social Semiotics: Paths Towards Integrating Social and Semiotic Knowledge. *Sotsiologicheskii Zhurnal* [Sociological Journal], 25 (4), pp. 123 – 141, <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6822> (in Russ.).
- Frege, G., 1891. *Function and Begriff. Vortrag gehalten in der Sitzung vom 9. Januar 1891 der Jenaischen Gesellschaft für Medicin und Naturwissenschaft*. Jena, 1891.
- Frege, G., 1892a. Über Begriff und Gegenstand. *Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie*, Bd. XVI, pp. 192 – 205.
- Frege, G., 1892b. Über Sinn und Bedeutung. *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, Bd. 100, pp. 25 – 50.
- Frege, G., 1918–1919. Der Gedanke: Eine logische Untersuchung. *Beiträge zur Philosophie des Deutschen Idealismus*, Bd. I. Erfurt, pp. 58 – 77.
- Galloway, A. R., Thacker, E. and Wark, M., 2014. *Excommunication. Three inquiries in media and mediation*. Chicago: The University of Chicago Press, 216 p.
- Goffman, E., 2004. *Analiz freimov: Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frames Analysis: An Essay on the Organization of Everyday Experience]. Moscow (in Russ.).
- Heidegger, M., 2015. *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow (in Russ.).
- Henrich, D., 2018. *Myshlenie i samobytie. Chteniya o sub'ektivnosti* [Thinking and being. Readings about subjectivity]. Moscow (in Russ.).
- Hofstadter, D., 2022. *Ya – strannaya petlya* [I am a strange loop]. Moscow, 512 p. (in Russ.).
- Ilyin, M. V., 2020. Logonomic Systems: Reflection, Meaningfulness and Verbalization of Action. In: *Sotsial'naya semiotika: točki rosta* [Social semiotics: points of growth]. St. Petersburg, pp. 30 – 32 (in Russ.).
- Kiyashchenko, L. P., ed., 2022. *Chelovek kak otkrytaya tselostnost'* [Man as open integrity]. Novosibirsk, 420 p. (in Russ.).
- Kurennoy, V., 2018. *Semanticheskii treugol'nik Gotloba Frege* [The Semantic Triangle of Gottlob Frege]. Available at: <https://postnauka.ru/wtf/154781> [Accessed 1 February 2023] (in Russ.).
- Latour, B., 2014. *Peresborka sotsial'nogo: Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow (in Russ.).
- Losev, A. F., 1999. *Filosofiya imeni / Samoe samo: Sochineniya* [Philosophy of the name / The most self: Essays]. Moscow, 1024 p. (in Russ.).
- Lotman, Yu. M., 2000. *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stat'i. Issledovaniya. Zametki* [The semiosphere. Culture and explosion. Inside the thinking worlds. Articles. Researches. Notes]. St. Petersburg, 704 p. (in Russ.).
- Magun, A., 2013. *Negative Revolution. Modern Political Subject and Its Fate after the Cold War*. London; New-York: Bloomsberry, 288 p.

Magun, A.V., 2020. *Iskus nebytiya: Entsiklopediya dialekticheskikh nauk. Tom 1. Ot-ritsatel'naya estetika* [Temptation of Non-Being: Encyclopedia of Dialectical Sciences. Volume 1. Negative aesthetics]. St. Petersburg, 462 p. (in Russ.).

Nalimov, V.V., 1974. *Veroyatnostnaya model' yazyka. O sootnoshenii estestvennykh i iskusstvennykh yazykov* [Probabilistic model of the language. On the relationship between natural and artificial languages]. Moscow, 272 p. (in Russ.).

Nalimov, V.V., 2007. *Spontannost' soznaniya: Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arkhitektonika lichnosti* [Spontaneity of Consciousness: Probabilistic Theory of Meanings and Semantic Architectonics of Personality]. Moscow, 198 p. (in Russ.).

Nevvazhay, I.D., 2023. Sense of sign and sense of meaning in epistemology. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 71, pp. 29–38, <https://doi.org/10.17223/1998863X/71/4> (in Russ.).

North, D.C., Wallis, J.J. and Weingast, B.R., 2011. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow, 480 p. (in Russ.).

Pavlova, V.D. and Chupahin, N.P., 2014. Philosophy of meaning to philosophy of culture. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], 5(21), pp. 50–55, <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1405> (in Russ.).

Saussure, F. de, 1999. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course of general linguistics]. Ekaterinburg (in Russ.).

Shuripa, S., 2021. *Deistvie i smysl v iskusstve vtoroi poloviny XX veka* [Action and Meaning in the Art of the Second Half of the 20th Century]. St. Petersburg; Moscow (in Russ.).

Sokolov, E.V., 1972. *Kul'tura i lichnost'* [Culture and personality]. Leningrad, 228 p. (in Russ.).

Tulchinskii, G.L., 2018. The problem of meaning in Social Semiotics: deep semiotics as a conceptual extension of Social Semiotics. *Slovo. ru: Baltic accent*, 9 (4), pp. 15–26, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-4-2> (in Russ.).

Tulchinskii, G.L., 2019a. Extensions of the Semiotic Analysis Capabilities: the Sources and Content of the "Deep Semiotics" Concept. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 11, pp. 115–125, <https://doi.org/10.31857/S004287440007358-8> (in Russ.).

Tulchinskii, G.L., 2019b. *Telo svobody: otvetstvennost' i voploshchenie smysla* [The Body of Freedom: Responsibility and Embodiment of Meaning]. St. Petersburg, 470 p. (in Russ.).

Tulchinskii, G.L., 2022a. Apophatic and Institutionalization: Pragma-Semantic Analysis. *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*, 3, pp. 29–48, <https://doi.org/10.18522/2218-5518.2022.3.2948> (in Russ.).

Tulchinskii, G.L., 2022b. From Slinin to Carroll and Back: Apophaticism and Nonsense as Preliminaries for Logical Analysis. *Logiko-filosofskie studii* [Logical and philosophical studies], 20 (2), pp. 23–53 <https://doi.org/10.52119/LPHS.2022.32.65.012> (in Russ.).

Tulmin, S., 1984. *Chelovecheskoe ponimanie* [Human understanding]. Moscow, 328 p. (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2021. On pragma-semantics of expressives. Between words and actions. In: A. Haselow and S. Hancil, eds. *Studies at the Grammar-Discourse Interface*. Amsterdam: J. Benjamins Publ., pp. 245–271.

Zolyan, S.T. and Tulchinskii, G.L., eds., 2022. *Mezhdru mirom i yazykom: tekst i smysl v kommunikativnom kontekste* [Between Language and World: Meaning and Text Within a Communicative Space]. Kaliningrad (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2023a. Pragmatics as a Self-Generation of a Subject-on-Its Own. *Vo-prosy filosofii* [Problems of Philosophy], 7, pp. 93–103, <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-7-93-103> (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2023b. "I" as a Subject of Self- and Other-Reference: A Linguistic Perspective. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2, pp. 26–39, <https://doi.org/10.31912/pvri-2023.2.2> (in Russ.).

The author

Dr. Grigorii L. Tulchinskii, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University; Saint Petersburg State University; Higher School of Economics National Research University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: gtul@mail.ru

To cite this article:

Tulchinskii, G. L., 2023, The Mobius strip of the pragmasemantics of sense: from culture through subjectivity to nothingness and back, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 4, pp. 8–30. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-1.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ЗНАКИ И СМЫСЛЫ КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

А. В. Кравченко

Байкальский государственный университет
664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11
Поступила в редакцию 30.03.2023 г.
Принята к публикации 05.05.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-2

Нерешенность центральной для лингвистики проблемы языкового значения объясняется наследием дуалистичной философии, определяющей исходные эпистемологические установки, поэтому семиотическая проблема триады «знак – значение – смысл» рассматривается как методологическая проблема, порождаемая философией объективного реализма и основанной на ней репрезентационалистской теорией познания. Подход к языковому знаку как некоему внешнему по отношению к человеку объекту с присущими ему свойствами, то есть его объективизация, характерная для лежших в философское основание семиотического анализа логических построений Фреге, вкупе с укоренившимся ошибочным пониманием природы и функции языка как скорее инструмента коммуникации, нежели способа существования человека как живой (когнитивной) системы, препятствует научному объяснению как того, так и другого. В качестве альтернативы предлагается подход к центральной проблеме семиотики в рамках конструктивистской эпистемологии, позволяющей преодолеть противоречия в объективистской интерпретации и объяснении знака, значения и смысла, которые являются эмерджентными феноменами. Конструктивистский подход дает новое понимание природы значения и смысла как синтеза системных и индивидуальных когнитивных процессов, «схваченных» словом и составляющих основу человеческого познания.

Ключевые слова: язык, языковой знак, эмерджентность, реляционная область, система, конструктивизм, познание

1. Введение

Проблеме языкового знака, его природе и функции посвящена огромная литература, что, однако, не мешает самой проблеме оставаться по-прежнему практически не решенной. Главный камень преткновения – это анализ языкового знака как особого рода сущности, функция которой, как принято считать, состоит в репрезентации предметов, явлений и отношений действительности, как она понимается в философии объективного реализма, а именно: мир устроен определенным образом – независимо от наших репрезентаций того, как он устроен (Searle, 1998, р. 32), а языковые знаки обозначают и выражают определенные «кусочки» этой действительности (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 167). Отношение языковых знаков к объектам действительности и их структура (форма и содержание) изучаются

семантикой как разделом семиотики, при этом исследование содержательных аспектов языковых знаков традиционно следует положениям сосюрковского учения о знаках — семиологии.

Семиологическое понятие языкового знака как материальной формы (означающего), наполненной идеальным содержанием (означаемым), и языка как системы таких знаков, служащих инструментом для выражения идей и обмена информацией, продолжает доминировать в лингвосемиотических исследованиях, хотя оно давно и обоснованно критикуется как неадекватное (Дорошевский, 1973; Блюменау, 1982; Keller, 1998; Кравченко, 2021). Наследие дуалистичной философии объективного реализма, пустившего глубокие корни в естественных науках с обслуживающими их аппаратами математики и формальной логики, до сих пор определяет подходы лингвистов-структуралистов к решению различных лингвистических проблем. Призыв Ф. де Соссюра изучать язык как систему знаков «в себе и для себя» предполагает его объективизацию, рассмотрение его как части «объективной» реальности, которая не зависит от познающего эту реальность субъекта. И коль скоро язык при таком подходе предстает как самодовлеющая сущность, внешняя по отношению к человеку, который использует его в инструментальной функции, научное изучение языка, как и изучение любого другого явления «объективной» реальности, понимается как возможность применения к нему аналитических процедур, используемых в формальной логике и математике.

Не стала исключением и центральная проблема семиотики — проблема знака вообще и языкового знака в частности. В фокусе этой проблемы оказался так называемый «семантический треугольник Огдена — Ричардса» (Ogden, Richards, 1923), в основу которого легли представления философа и логика Г. Фреге (Frege, 1892) о структуре языкового знака как отношении между его формой (телом знака, означающим) и значением (предметом, референтом), опосредованном смыслом (означаемым, выражаемым понятием). Несмотря на то что идея семантического треугольника уже на протяжении более ста лет привлекает внимание ученых, стремящихся понять природу языкового значения в надежде приблизиться к пониманию того, что представляет собой познание, споры вокруг него не утихают. Но они и не утихнут до тех пор, пока исходным посылом в анализе языкового знака будет представление о нем как внешнем по отношению к человеку объекте, этаким контейнере, вмещающем содержание в виде значения и смысла.

Предложенное Фреге различие между значением (обозначаемым предметом) и смыслом (способом данности предмета) как двумя содержательными сторонами языкового знака обросло со временем множеством интерпретаций, нередко различающихся кардинально. Не преследуя цели дать подробный анализ таких интерпретаций, я остановлюсь на понятиях «знак», «значение» и «смысл» и попробую показать, в чем кроется главный недостаток в объяснении предложенной немецким математиком триады, попытавшись ответить на вопрос: «Является ли “смысл” свойством языкового знака, воспринимаемым и описываемым наблюдателем?»

2. О понятии языкового знака

Начать следует с рассмотрения того, что именно следует понимать под языковым знаком. В первую очередь мы должны определиться с тем, что мы объясняем: язык как систему «в себе и для себя», находящуюся «где-то там», в «объективной реальности» и состоящую из языковых знаков как отдельных ее компонентов, или язык как особый вид человеческого интерактивного поведения, имеющего системный характер и состоящего из образующих его процессов и отношений между ними, включая языковой семиозис.

В ортодоксальной лингвистике, методология которой основана на инструментальной метафоре (Кравченко, 2022), язык — это система знаков для кодирования значений с целью дальнейшего обмена ими в процессе коммуникации. При этом само использование инструментальной метафоры обусловлено глубочайшим заблуждением методологического характера, которое я называю «великой подменой научного объекта» (Кравченко, 2013, с. 27). Хотя сам Соссюр подчеркивал, что естественный (звуковой) и искусственный (письменный) язык отнюдь не одно и то же, в лингвистике утвердилась традиция рассматривать их как тождественные, что неизбежно привело к письменноязыковой предвзятости лингвистики как научной отрасли (Linell, 2005). Именно изучение различного рода текстов, существующих вне пространства-времени в виде структурированных систем особых графических знаков (артефактов), с которыми можно проводить различные манипуляции, способствовало утверждению взгляда на язык как «системно-структурное образование» — систему знаков как объектов с присущими им свойствами, которые можно изучать «в себе и для себя». Соответственно, объяснение языка, его природы и функции отождествляется с объяснением природы и функции языковых знаков, под которыми понимаются не акустико-артикуляционные явления, наблюдаемые в конкретных ситуациях диалогического взаимодействия и интерпретируемые с опорой на совокупность самых разнообразных факторов поведенческой динамики, воспринимаемых и осознаваемых собеседниками «здесь-и-сейчас», но их графические репрезентации, которые представляют собой *знаки знаков*. Неадекватность такого понимания языкового знака ведет к неадекватности понимания языка в целом, и наоборот, непонимание языка как системного поведения человека ведет к неадекватности понимания языкового знака — именно по этой причине лингвистика как наука, со всеми ее теоретическими «достижениями», не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на повседневную жизненную практику человеческого сообщества (Кравченко, 2021).

Традиционная лингвистическая семантика исходит из изначальной, предзаданной знаковости слова, рассматривая его как материальный объект особого рода (соссюровский «акустический образ», означающее), наполненный идеальным содержанием («значением», или означаемым). Поскольку в подавляющем большинстве случаев между словом и тем, знаком чего это слово является, нет какой-либо видимой он-

тологической зависимости, собственно знаковое отношение принято считать произвольным. Однако с точки зрения эпистемологии такой подход нельзя признать адекватным, поскольку он игнорирует примат феноменологии в чувственно-опытном познании мира: любая сущность — и языковые знаки не являются здесь исключением — идентифицируется и категоризируется по мере накопления опыта в процессе взаимодействий организма со средой. Строго говоря, в функции знака вообще может выступать все что угодно (Дорошевский, 1973; Kravchenko, 2003a), то есть знаковое отношение не встроено в природу (Putnam, 1983, р. XIII), а сама знаковая функция тех или иных компонентов среды является *эмерджентным свойством*. Это очень важно понимать, поскольку естественный язык потому и называется естественным, что для каждого появившегося на свет младенца языковые знаки (звучащие слова и выражения) изначально, то есть естественным образом, представляют собой всего лишь один из многих видов компонентов среды, к которой человеческий организм должен приспособиться, научившись ориентироваться в ней. Важнейшая часть этой среды — реляционная область языка как динамичная область отношений между членами говорящего на одном языке сообщества. Эти отношения порождаются и координируются в процессе языковых взаимодействий как интерактивного поведения ориентирующего характера — именно поэтому Ч. Моррис (Morris, 1938) говорил о языке как эволюционном продолжении человеческого сенсориума.

Знак — это то, что позволяет интерпретатору принимать в расчет нечто, отсутствующее в текущем восприятии, и в этом состоит его семиотическая функция. Мы знаем, что нечто является знаком, благодаря имеющемуся у нас опыту предшествующих взаимодействий со средой. Этот опыт сохраняется в памяти как динамической сети состояний относительной нейронной активности, являющихся репрезентациями физических (телесных) взаимодействий (Kravchenko, 2008, р. 99). Накопленный таким образом опыт позволяет нам устанавливать ассоциативную связь между тем, что дано в текущем восприятии, и тем, что перцептуально отсутствует, но хранится в памяти, то есть мы категоризируем наблюдаемый компонент среды как «метку» (лат. *signum*) чего-то другого, чего-то значимого в опыте ориентирующих (адаптивных) взаимодействий наблюдателя со средой, и эта значимость определяется ценностью того, что «обозначено» знаком. Значимость эта не является внутренним свойством того, что находится в поле восприятия. Она возникает в потоке «живого» опыта организма в процессе хеббовского обучения (Hebb, 1949) и опосредуется поведенческой реакцией организма на тот компонент среды, который воспринимается и интерпретируется как знак. Способность ориентироваться в своих взаимодействиях со средой на основе интерпретации ее воспринимаемых компонентов через соотнесение с сохраненным в памяти опытом аналогичных взаимодействий в прошлом — суть семиозиса как жизненного (когнитивного) процесса у высших животных. В этом смысле «всякая деятельность есть познание, всякое познание есть деятельность» (Maturana, Varela, 1987, р. 26).

Естественный язык — это не система математических знаков и выражений типа графических символов « $a = a$ » или « $a = b$ », с рассмотрения которых Фреге начинает свои рассуждения о смысле и значении. В отличие от естественных языковых выражений как компонентов диалогических взаимодействий «здесь-и-сейчас», эти письменные выражения, которые Фреге называет предложениями — как и любые другие графические образы слов естественного языка, из которых состоит любое и всякое предложение, — представляют собой примеры текстов как культурных артефактов. Когнитивная динамика взаимодействий с текстами (создание текста автором и его прочтение читателем) самым существенным образом отличается от когнитивной динамики диалогических (естественных языковых) взаимодействий (Kravchenko, 2009). Речь и письмо — явления разной онтологии, и знак языкового знака (графическая репрезентация «живого» слова) — совсем не то же самое, что собственно языковой знак как компонент системной динамики человеческого интерактивного поведения.

Алфавитное письмо как вид когнитивной деятельности представляет собой принятую в обществе практику репрезентации компонентов естественных языковых знаков (точнее, их означающих — определенных последовательностей звуков речи, из которых состоят слова), воспринимаемых в аудиальной модальности в реальном времени диалогического взаимодействия, посредством специальных графических символов (букв как условных обозначений звуков), воспринимаемых уже в другой, визуальной модальности вне их привязки к конкретной ситуации «здесь-и-сейчас». Всякий алфавит можно рассматривать (с небольшими оговорками) как своеобразный код — систему знаков, в которой между означающим (буквой) и означаемым (звуком) существует практически однозначное соответствие — условие, которому должен отвечать всякий код (Kravchenko, 2020). Однако это не превращает кодируемое буквами означающее естественного языкового знака в элемент кода (Kravchenko, 2007).

В случае звучащего слова как компонента системной динамики человеческого сообщества мы имеем дело с абстракцией первого порядка: языковой знак — это способ принятия человеком в расчет аспектов среды, не данных в непосредственном чувственном восприятии (Morris, 1938). В случае же слова написанного мы имеем дело с абстракцией от абстракции, то есть с абстракцией второго порядка: последовательность условных графических символов репрезентирует не воспринимаемое в аудиальной модальности «живое» слово, уже само по себе являющееся абстракцией (Kravchenko, 2021). Как следствие отождествления естественных языковых знаков с их письменными репрезентациями (знаками знаков), базовый понятийный аппарат ортодоксальной лингвистики (фонема, слово, предложение) оказывается весьма проблематичным, а в развитых письменных культурах происходит когнитивная реконфигурация языка, в результате которой, образно говоря, карта территории (письмо) становится самой территорией, то есть языком (Davidson, 2019), и мы со школьной скамьи привыкаем к тому, что слово «начинается с такой-то буквы», а сами слова — это самостоятельно существую-

щие объекты (например, в словарях), анализом которых и призвана заниматься наука, будь то лингвистика, семантика, семиотика или формальная логика с ее семантической теорией истины.

Недостатки предметной (объективистской) интерпретации языкового знака, взятой на вооружение лингвистической семантикой, равно как и альтернативного ей субъективистского подхода, восходящего к идеям В. фон Гумбольдта и Б. Л. Уорфа о единстве языкового знака и мысли, подробно рассмотрены в (Кравченко, 2013, глава 4). В частности, было показано, что «семантический треугольник» рисует ущербную картину, поскольку не учитывает еще один, четвертый фактор — *иное* сознание как необходимое условие онтогенеза языкового значения, которому просто нет места в «семантическом треугольнике». Естественноязыковое поведение (координированные взаимодействия ориентирующего характера) изначально *межсубъектно*, оно носит диалогический характер (Линелл, 2013) и имеет деятельностьную природу.

Как подчеркивал полвека назад Г. П. Щедровицкий (2004), знак не может рассматриваться ни как вещь, ни как свойство, ни как отношение, поскольку он существует и только может существовать как компонент деятельности. Лишь объяснив пути возникновения и способы существования значений и смыслов в человеческой деятельности, можно объяснить природу знаков и семиотические процессы, суть которых не в том, что существующие сами по себе значения и смыслы передаются с одного места в другое (как принято считать в стандартной теории языковой коммуникации), но в том, что они индуцируются, возникают в процессе семиотической (языковой) деятельности, в которой только и существуют знаки. Как и собственно знак, значение и смысл — *эмерджентные феномены*. Но в чем же между ними различие?

3. Значение и смысл

Согласно Фреге (Frege, 1892, S. 27), правильная связь между знаком, его смыслом и значением должна быть такой, чтобы знаку соответствовал определенный смысл, а смыслу, в свою очередь, — определенное значение, в то время как одному значению (одному предмету) соответствует не только один знак. Но что такое «правильная связь»? Для логики и математика это связь, выявляемая логическим (рациональным) способом, — неслучайно рассуждения Фреге о смысле и значении связаны с рассмотрением простых математических равенств (предложений) « $a = a$ » и « $a = b$ » и их познавательной ценности, которая, как заключает Фреге, в равной мере определяется как смыслом, так и значением. Однако говорить о познавательной ценности предложения, не определившись с тем, что такое познание как процесс и в чем его функция, — значит оставлять без ответа главный вопрос о природе познания вообще и человеческого познания в частности. Несмотря на то, что триада «знак — смысл — значение» стала основой современной семантики в логике, лингвистике и семиотике, в непрекращающихся вокруг нее дискуссиях обычно не принято ставить главный вопрос: «Что такое (по)знание с точки зрения общей теории систем?»

Тот факт, что в русском языке слова «знак», «значение», «знание» — одного корня, недвусмысленно говорит о том, что понятия эти связаны между собой самым тесным образом (Кравченко 2001; Kravchenko 2003б). Понять, что такое *познание* как процесс, и что такое *знание* как результат этого процесса, можно, лишь поняв, что такое *знак* вообще и языковой знак в частности. Человеческое познание отличается от познания у других животных тем, что когнитивная область человека — это область языковых взаимодействий как особого вида координаций кооперативного поведения в консенсуальной области: все, что человек делает, он делает в языке. Другими словами, в случае «человека говорящего» познание сопряжено с языком, и одно не может быть отделено от другого (Bunnell, 2015). Следовательно, чтобы понять природу человеческого познания, необходимо понять (= «ухватить») природу языка как семиотического поведения, включающего операции над тем, что мы называем языковыми знаками — словами и выражениями.

Как становится ясным из приведенных выше соображений о понятии языкового знака, Фреге использует рационалистический подход к анализу знаков естественного языка (слов и выражений): они предстают как предметные сущности контейнерного типа, существующие «где-то там», в «объективной» реальности. Это позволяет ему утверждать, что смысл знака может быть общим достоянием многих, и, следовательно, не является частью или модусом души отдельного человека (Frege, 1892, S. 29), и в этом заключается его принципиальная ошибка. Определение смысла как «способа данности предмета» ведет к онтологической зависимости значения от смысла, и Фреге, идя в своих рассуждениях от знака к смыслу и от смысла к значению, указывает, что наличие смысла еще не предполагает наличия значения. Тем самым он принимает автономное существование знаков и смыслов как данность, то есть знаки — это особые объекты, обладающие особыми свойствами как системой отношений, которая и предстает в виде триады «знак — смысл — значение», при этом наличие последнего вовсе не обязательно: знак может не иметь значения. Подобная пропозиция противоречит нашему интуитивному пониманию знака как того, что имеет значение, потому что *если нет значения, то нет и знака*.

В лингвистической семантике различие между значением и смыслом обычно соответствует различию между предметным (денотативным) и понятийным (сигнификативным) значением. При этом огромное количество языковых знаков не имеет предметного значения (в этом Фреге, несомненно, прав), обозначая лишь абстрактные понятия — *любовь, ненависть, дружба, вражда, зависть, благородство, преданность, предательство* и т. п. Это не мешает им быть полноценными и очень важными языковыми знаками (чем-то, обладающим значением), участвующими в создании морально-ценностных ориентиров для членов языкового сообщества. Это возникающее противоречие может быть разрешено при более внимательном взгляде на то, что принято считать означаемым языкового знака.

Философия объективного реализма и основанная на ней репрезентационалистская теория познания исходят из отражательной функции

языка, якобы представляющего образы внешнего мира, формирующиеся в сознании. Напротив, альтернативная эпистемология радикального конструктивизма, к которой обращается все большее число исследователей в различных гуманитарных областях (Кравченко, 2015), подходит к отношению между языком и миром принципиально противоположным образом: мир, в котором мы живем, является образом языка, на котором мы говорим (Maturana, 1970; 1978; Glaserfeld, 1995; Foerster, 2002). Это не превращает мир в некий эфемерный конструкт, порождаемый сознанием, но устанавливает онтологическую связь между языком как способом существования человека в мире и миром как когнитивной областью — реляционной областью языковых (ориентирующих) взаимодействий. Другими словами, языковые знаки не выступают в роли субститутов обозначаемых ими предметов и явлений, как принято считать в картезианской теории познания, — в противном случае у лингвистов не было бы поводов рассуждать о референтном и нереферентном употреблении имен. Но если референция к объектам действительности не является главной функцией языковых знаков как компонентов деятельности ориентирующего характера, то в чем состоит их функция в процессе познания как жизненной деятельности человека? Что значит «интерпретировать нечто как языковой знак»?

Согласно Р. Келлеру, «знаки — это намеки более или менее определенного характера, приглашающие другое лицо сделать определенные выводы и обеспечивающие возможность для него прийти к этим выводам... Процесс прихода к таким выводам называется **интерпретацией**; цель этого процесса — **понимание**» (Keller, 1998, p. 90). По мнению Т. Дикона, интерпретировать нечто как знак — значит интерпретировать данные в непосредственном восприятии физические условия среды «как репрезентирующие другие, перемещенные (displaced) или еще не реализованные возможные условия» (Deacon, 2015, p. 294). В этом определении оба типа условий относятся к чему-то отсутствующему в текущем восприятии; вместе с тем они принадлежат двум различным, хотя и пересекающимся онтологическим областям. «Перемещенные условия» — это условия, явленные наблюдателю в его прошлых взаимодействиях со средой; они сохраняются в памяти как репрезентации — состояния относительной активности нейронных ансамблей, вызванные взаимодействиями организма со средой. В этом смысле «перемещенные условия» «реальны» постольку, поскольку они являются частью живого опыта наблюдателя. «Нереализованные возможные условия» — это условия, которые могут иметь место во взаимодействиях наблюдателя со средой в (недалеком) будущем, но которые пока не являются частью живого опыта, и в этом смысле они не «реальны»: они представляют собой потенциалности, нечто, что может произойти, но не обязательно произойдет.

Но как могут чувственно воспринимаемые физические условия репрезентировать (то есть «представлять вновь») нереализованные условия как потенциалности, еще не ставшие частью живого опыта? Это становится возможным исключительно в мире как образе нашего языка, в котором мы существуем и функционируем как наблюдатели, ин-

терпретирующие и описывающие наблюдаемое. Именно потому, что «потенциальность» — это имя существительное, а существительные, как правило, обозначают вещи в мире наблюдателя, а также потому, что мы не можем вырваться из эпистемологической ловушки языка, на котором говорим (Кравченко, 2016), мы склонны рассматривать и описывать потенциальности как нечто существующее и потому способное выступать объектом чувственного восприятия в наших будущих взаимодействиях со средой. Мы категоризируем наш опыт как поток ощущений, движущийся вдоль временной оси от прошлого через настоящее к будущему как временным областям, существующим в нашем мире. Однако, как было показано (Охоцимский, Кравченко, Дружинин, 2021), организация временного ряда, связывающего то, что есть, с тем, чего уже нет или еще нет, возможна лишь в языковом семиозисе: «прошлое» и «настоящее» суть семиотические конструкты, они принадлежат настоящему так же, как и любой мыслительный акт.

Когда мы говорим о прошлом или будущем, мы, сами того не осознавая, принимаем мир, конструируемый в языке, или «объективность со скобками», за реальный мир как поток опыта, переживаемый в нашем обманчивом настоящем, или «объективность без скобок»:

объективность со скобками влечет за собой принятие того, что существование приносится различениями, которые делает наблюдатель, что областей существования столько, сколько видов различения проводит наблюдатель: объективность в скобках влечет за собой множественные миры (*multiversa*), она подразумевает конститутивную зависимость существования от наблюдателя, и что областей истины столько же, сколько областей существования, порождаемых наблюдателем в проводимых им различениях (Maturana, 1988, p. 11).

Точно так же, как и в случае со временем, мы говорим о многих других вещах, имеющих процессно-реляционную природу, как если бы они были реально существующими предметами объективного мира, — таких, например, как *разум, знание, (само)сознание, мысль* и, конечно же, *смысл и значение*, а поскольку обозначенные такими словами «сущности» не даны нам в прямом чувственном опыте, мы начинаем прилагать усилия к тому, чтобы их обнаружить, применив специально разработанные «научные» методы и аналитические процедуры. Наглядным примером таких поисков являются многочисленные когнитивные исследования по обнаружению сознания как чего-то, существующего в «объективной реальности» (в мозге) и в силу этого выступающего, в свою очередь, вместилищем других «сущностей», таких как «мысли». Однако, как подчеркивал Х. фон Фёрстер, «когда у вас процесс становится предметом, вы ступаете на кривую дорожку. Многие из трудностей, препятствующие пониманию, происходят из того факта, что мы постоянно занимаемся предметами, которые в действительности являются процессами» (Foerster, 2002, p. 69). В функционировании нервной системы нет такой вещи, как «сознание». «Сознание» есть не что иное, как экспланаторное понятие (Maturana, Mpodozis, Letelier, 1995), как и

многие другие ненаблюдаемые «сущности» типа упоминавшихся выше. К кругу подобных «сущностей» относятся и интересующие нас «значение» и «смысл».

В онтогенезе категоризации артикуляционно-акустических явлений как (языковых) знаков предшествует понимание того, что они являются *конститутивными компонентами особого вида интерактивного поведения как способа существования живой системы* — сообщества говорящих индивидов. Будучи частью этой системы, ребенок научается координировать свое поведение, интегрируя его с поведением других на основе интерпретации той роли, которую языковые знаки играют в такой координации. Интеграция поведенческой динамики ребенка в общую динамику системы становится возможной благодаря тому, что накапливаемый «живой» опыт внутрисистемной динамики позволяет ребенку установить определенные закономерности в процессах функционирования артикуляционно-акустических явлений, то есть *приписать им значимости*. Та часть продукта интерпретации знака (слова, высказывания), которая в значительной степени совпадает у разных интерпретаторов, выступая в качестве ориентира при координации кооперативного поведения, и есть *значение* — способность знака функционировать как «метка», задающая некоторый общий для разных интерпретаторов ориентир в реляционной области языка.

Важно понимать, что то или иное значение конкретного языкового знака не является некоей автономной сущностью, как принято считать в традиционной семантике, оно *возникает* из совместного опыта употребления знака в языковых взаимодействиях. Именно потому, что оно социализировано, оно может быть охарактеризовано как «хранимое значение» (Демьянков, 1989, с. 55), но хранимое лишь в актуальном для системы опыте взаимодействий в когнитивной области. С изменением тех или иных аспектов когнитивной области деятельность практика и порождаемый ею актуальный опыт могут также изменяться, а с ними будет изменяться и «хранимое значение» (к вопросу об «асимметричном дуализме» языкового знака).

Существует мнение, что люди «создают» смыслы из своего опыта по мере продвижения к какой-то цели в настоящий момент (Morehouse, 2012; Staver, 2012). Однако смыслы — это не предметы, которые мы создаем наподобие различных артефактов для общего пользования и помещаем в слова как материальные контейнеры, доступные, как считает Фреге, многим. Смыслы сокровенны. В человеческом воязыковленном мире они являются аспектами динамики системы «организм — среда», включающей внутренние процессы корреляции нашего индуктивного поведения с целями, которые мы преследуем как наблюдатели в мире, созидаемом в языке как нашем способе жизни.

Смыслы возникают и «приходят» к нам в процессе мышления, который не является ни пассивным, ни отдельным видом деятельности. Мышление подразумевает взаимодействие между человеком и средой (Kellog, 1994). Как сделанное в языке различие, слово «мышление» — это «способ, которым наблюдатель косвенно отсылает к внутреннему функционированию нервной системы, участвующей в порождении

поведения... каждое животное имеет мозг, который мыслит в соответствии со способом жизни этого животного. Человеческий мозг мыслит языком (thinks in language)» (Maturana, Mpodozis, Letelier, 1995, p. 24).

Каждый индивид как компонент более сложной живой системы, каковой является сообщество говорящих на одном языке людей, уникален в той степени, в какой уникальна вся история его развития как живого организма (когнитивной системы). Как аспекты динамики этой системы, смыслы — запускаемые в процессе интерпретации языковых знаков нейронные процессы корреляции поведения с преследуемой этим поведением целью — всегда носят индивидуальный характер, они *лично окрашены*: слово «смысл» в русском языке — это личностная категория (Чечулин, 2011). Именно поэтому в ситуациях естественоязыкового общения, когда мы стремимся достичь понимания, мы апеллируем к понятию смысла, задавая уточняющие вопросы или поясняя собственные высказывания: — *Ах, как мне надоела эта жизнь!* — *В каком смысле?* (но не **В каком значении?*).

4. Заключение

Итак, отвечая на вопросы о том, что представляет собой процесс интерпретации языкового знака и в чем состоит различие между значением и смыслом, можно сказать следующее. Во-первых, подход к значению и смыслу как свойствам автономно существующих объектов, именуемых языковыми знаками, является и эмпирически, и теоретически несостоятельным — именно поэтому природа и свойства языковых знаков продолжают оставаться проблемой для рационалистически настроенных исследователей. Во-вторых, интерпретация языковых знаков — это двуединый процесс, включающий, с одной стороны, их идентификацию как общих ориентиров («меток») для координации кооперативного поведения индивидов как компонентов сложного целого — сообщества говорящих на одном языке людей как живой системы, а с другой — обусловленную индивидуальной историей развития корреляцию индуктивного поведения отдельного человека с общей динамикой системы в целом. В первом случае речь идет о *значении* языкового знака как условия осуществления языком функции обеспечения и сохранения целостности когнитивной системы (сообщества индивидов) как единства (языковых) взаимодействий. Во втором — о *смысле* как телеономическом факторе, влияющем на общую конгруэнтность динамики индивида и динамики сообщества как живых систем разного уровня организации. В-третьих, и значение, и смысл имеют эмерджентную природу, а собственно слова «значение» и «смысл», как сделанные в языке различения, позволяют нам «ухватить» важные процессные характеристики нашего способа жизни. Этот процесс «схватывания» и есть *понимание*.

Как следует из сказанного выше, проблемы, связанные с пониманием и объяснением природы и структуры языкового знака, имеют очевидную эпистемологическую подоплеку и вызваны экстраполяцией в лингвистику и семиотику модели знака, разработанной применитель-

но к решению математических и логических проблем в рамках философии объективного реализма. Находясь в эпистемологической ловушке языка и не имея возможности посмотреть на него со стороны, мы не можем увидеть и понять главного: язык — это не предмет со сложной структурой, системно-функциональные свойства которого определяются предметными же свойствами образующих его компонентов — языковых знаков как двусторонних сущностей, обладающих формой и содержанием. Язык как биологически функциональное поведение человека есть способ его существования как живой (когнитивной) системы. Понимание языка как реляционной области кооперативных взаимодействий ориентирующего характера ведет к пониманию природы значения и смысла как синтеза системных и индивидуальных когнитивных процессов, «схваченных» словом и составляющих основу человеческого познания.

Список литературы

- Блюменау Д. И. Проблемы свертывания научной информации. М., 1982.
- Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М., 1989.
- Дорошевичский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.
- Кравченко А. В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001.
- Кравченко А. В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысления познавательные установки языкознания. М., 2013.
- Кравченко А. В. Объективный реализм и биология познания: эпистемологический поворот // Гуманитарные чтения РГГУ — 2014 : сб. матер. М., 2015. С. 697–709.
- Кравченко А. В. Эпистемологическая ловушка языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. №3 (41). С. 14–26.
- Кравченко А. В. Что не так с лингвистикой как наукой // Методология современного языкознания — 3: сб. статей в честь юбилея В. А. Пищальниковой / отв. ред. К. С. Карданова-Бирюкова М., 2021. С. 163–176.
- Кравченко А. В. Экологическая парадигма в исследованиях языка: смена познавательных установок // Лингвоэкология: проблемы и пути их решения / отв. ред. А. П. Сковородников, Г. А. Копнина. Красноярск, 2022. С. 10–27.
- Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.
- Линелл П. Два взгляда на природу языка: формальная лингвистика (с ее письменной языковой предвзятостью) vs диалогическая лингвистика // Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях (Studia linguistica cognitiva 3) / отв. ред. А. В. Кравченко. М., 2013. С. 41–57.
- Охоцимский А. Д., Кравченко А. В., Дружинин А. С. Мыследействия и генезис времени в языковом семиозисе // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, №2. С. 7–28.
- Чечулин В. Л. Об этимологии слова «смысл» в русском и некоторых европейских языках // Приволжский научный вестник. 2011. №3. С. 77–79.
- Щедровицкий Г. П. Знаки и деятельность. М., 2004. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5272> (дата обращения: 01.03.2023).
- Bunnell P. Dancing with ambiguity // Cybernetics & Human Knowing. 2015. Vol. 22, №4. P. 101–112.

Davidson A. Writing: the re-construction of language // Language Sciences. 2019. Vol. 72. P. 134–149.

Deacon T.W. Steps to a science of biosemiotics // Green Letters: Studies in Eco-criticism. 2015. Vol. 19, №3. P. 293–311. doi: 10.1080/14688417.2015.1072948.

Foerster H. von. Vision, language and knowledge: The double blind // New paradigms, culture, and subjectivity / ed. by D.F. Schnitman, J. Schnitman. Cresskill, 2002. P. 65–81.

Frege G. Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. N. F. 1892. Bd. 100. S. 25–50.

Glaserfeld E. von. Radical constructivism: A way of knowing and learning. L., 1995.

Hebb D.O. The organization of behavior. N. Y., 1949.

Keller R. A theory of linguistic signs / transl. by K. Duenwald. Oxford, 1998.

Kellogg R.T. The psychology of writing. Oxford, 1994.

Kravchenko A.V. The ontology of signs as linguistic and non-linguistic entities: a cognitive perspective // Annual Review of Cognitive Linguistics. 2003a. Vol. 1. P. 179–191.

Kravchenko A.V. Sign, meaning, knowledge: An essay in the cognitive philosophy of language. Frankfurt a/M, 2003b.

Kravchenko A.V. Essential properties of language, or, why language is not a code // Language Sciences. 2007. Vol. 29. P. 650–671.

Kravchenko A.V. Biology of cognition and linguistic analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science. Frankfurt a/M, 2008.

Kravchenko A.V. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains // Pragmatics & Cognition. 2009. Vol. 17, №3. P. 527–548.

Kravchenko A.V. A critique of Barbieri's code biology // Constructivist Foundations. 2020. Vol. 15, №2. P. 122–134.

Kravchenko A.V. Approaching linguistic semiosis biologically: implications for human evolution // Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio. 2021. Vol. 15, №2. P. 139–158

Linell P. The written language bias in linguistics: Its nature, origins and transformations. L. ; N. Y., 2005.

Maturana H.R. Biology of cognition. BCL Report # 9.0 / University of Illinois. Urbana, 1970.

Maturana H.R. Biology of language: The epistemology of reality // Psychology and biology of language and thought / ed. by G. Miller, E. Lenneberg. N. Y., 1978. P. 28–62.

Maturana H.R. Ontology of observing: The biological foundations of self-consciousness and of the physical domain of existence // Texts in cybernetic theory: An in-depth exploration of the thought of Humberto R. Maturana, William T. Powers, and Ernst von Glasersfeld / ed. by R.E. Donaldson. Felton, 1988. P. 1–54.

Maturana H.R., Varela F.J. The tree of knowledge: The biological roots of human understanding. Boston, 1987.

Maturana H.R., Mpodozis J., Letelier J.C. Brain, language, and the origin of human mental functions // Biological Research. 1995. Vol. 28. P. 15–26.

Morehouse R.E. Beginning interpretive inquiry: A step-by-step approach to research and evaluation. L. ; N. Y., 2012.

Morris C.W. Foundations of the theory of signs // International encyclopedia of unified science / ed. by O. Neurath, R. Carnap, C.W. Morris. Chicago, 1938. Vol. 1, part 2. P. 1–59.

Ogden C.K., Richards I.A. The meaning of meaning: A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism. N. Y., 1923.

Putnam H. Realism and reason. Cambridge, 1983.

Searle J. R. Mind, language and society: Philosophy in the real world. N. Y., 1998.

Staver J. R. Constructivism and realism: Dueling paradigms // Second international handbook of science education / ed. by B. J. Fraser, K. Tobin, C. J. McRobbie. Dordrecht, 2012. P. 1017 – 1028.

Об авторе

Александр Владимирович Кравченко, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Байкальский государственный университет, Россия.

E-mail: sashakr@hotmail.com

ORCID: 0000-0001-6300-0540

Для цитирования:

Кравченко А. В. Знаки и смыслы как эпистемологическая проблема // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 31 – 47. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-2.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SIGNS AND SENSES AS AN EPISTEMOLOGICAL PROBLEM

A. V. Kravchenko

Baikal State University,
11 Lenina St., Irkutsk, 664003, Russia

Submitted on 30.03.2023

Accepted on 05.05.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-2

The semiotic problem of the triad “sign – meaning – sense” is discussed as a methodological problem caused by philosophy of external realism and the representational theory of cognition based on it. Reification of linguistic signs, along with the erroneous view of the nature and function of language as a communication tool rather than the mode of existence of humans as living (cognitive) systems, impedes scientific explanation of both language and linguistic signs. As an alternative, the core problem of semiotics is approached within the framework of constructivist epistemology that allows us to resolve the contradictions in the objectivist interpretation and explanation of sign, meaning, and sense which are viewed as emergent phenomena.

Keywords: *language, linguistic sign, emergence, relational domain, system, constructivism, knowledge*

References

Blumenau, D. I., 1982. *Problemy svertyvaniya nauchnoi informatsii* [Problems of collapsing scientific information]. Moscow (in Russ.).

Bunnell, P., 2015. Dancing with ambiguity. *Cybernetics & Human Knowing*, 22 (4), pp. 101–112.

Chechulin, V.L., 2011. On the etymology “smysl” (sense) in Russian and European languages. *Privolzhskii nauchnyi vestnik* [Privolzhsky Research Bulletin], 3, pp. 77–79 (in Russ.).

Davidson, A., 2019. Writing: the re-construction of language. *Language Sciences*, 72, pp. 134–149, <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2018.09.004>.

Deacon, T.W., 2015. Steps to a science of biosemiotics. *Green Letters: Studies in Ecocriticism*, 19 (3), pp. 293–311, <https://doi.org/10.1080/14688417.2015.1072948>.

Demyankov, V.Z., 1989. *Interpretatsiya, ponimanie i lingvisticheskie aspekty ikh modifirovaniya na EVM* [Interpretation, understanding, and the linguistic aspects of their computer modelling]. Moscow (in Russ.).

Doroszewski, W., 1973. *Elementy leksikologii i semiotiki* [Elements of lexicology and semiotics]. Moscow (in Russ.).

Foerster, H. von, 2002. Vision, language and knowledge: The double blind. In: D.F. Schnitman and J. Schnitman, eds. *New paradigms, culture, and subjectivity*. Cresskill NJ: Hampton Press, pp. 65–81.

Frege, G., 1892. Über Sinn und Bedeutung. *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, N. F., Bd. 100/1, pp. 25–50.

Glaserfeld, E. von, 1995. *Radical constructivism: A way of knowing and learning*. London: Falmer Press.

Hebb, D.O., 1949. *The organization of behavior*. New York: Wiley & Sons.

Keller, R., 1998. *A theory of linguistic signs*. Translated by K. Duenwald. Oxford: Oxford University Press.

Kellogg, R.T., 1994. *The psychology of writing*. Oxford: Oxford University Press.

Kravchenko, A.V., 2003a. The ontology of signs as linguistic and non-linguistic entities: a cognitive perspective. *Annual Review of Cognitive Linguistics*, 1, pp. 179–191, <https://doi.org/10.1075/arcl.1.10kra>.

Kravchenko, A.V., 2003b. *Sign, meaning, knowledge: An essay in the cognitive philosophy of language*. Frankfurt a/M et al.

Kravchenko, A.V., 2007. Essential properties of language, or, why language is not a code. *Language Sciences*, 29 (5), pp. 650–671, <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2007.01.004>.

Kravchenko, A.V., 2008. *Biology of cognition and linguistic analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science*. Frankfurt a/M et al.

Kravchenko, A.V., 2009. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains. *Pragmatics & Cognition*, 17 (3), pp. 527–548, <https://doi.org/10.1075/pc.17.3.03kra>.

Kravchenko, A.V., 2013. *Ot yazykovogo mifa k biologicheskoi real'nosti: pereosmyslyaya poznavatel'nye ustanovki yazykoznavaniya* [From the language myth to biological reality: Reassessing the epistemological assumptions of linguistics]. Moscow (in Russ.).

Kravchenko, A.V., 2015. External realism and biology of cognition: the epistemological turn. In: E.I. Pivovarov, ed. *Gumanitarnye chteniya RGGU – 2014* [The RGGU readings in the humanities – 2014]. Moscow, pp. 697–709 (in Russ.).

Kravchenko, A.V., 2016. The epistemological trap of language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 3 (41), pp. 14–26, <https://doi.org/10.17223/19986645/41/2> (in Russ.).

Kravchenko, A.V., 2020. A critique of Barbieri's code biology. *Constructivist Foundations*, 15 (2), pp. 122–134.

Kravchenko, A.V., 2021. Approaching linguistic semiosis biologically: implications for human evolution. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15 (2), pp. 139–158, <https://doi.org/10.4396/2021209>.

Kravchenko, A. V., 2021. What is wrong with linguistics as a science. In: K.S. Kardanova-Birukova, ed. *Metodologiya sovremennogo yazykoznaniiya – 3* [Contemporary linguistic methodology – 3]. Moscow, pp. 163–176 (in Russ.).

Kravchenko, A. V., 2022. The ecological paradigm in linguistic research: a shift in epistemological assumptions. In: A.P. Skovorodnikov and G.A. Kopnina, eds. *Lingvoekologiya: problemy i puti ikh resheniya* [Linguacology: problems and their possible resolution]. Krasnoyarsk, pp. 10–27 (in Russ.).

Linell, P., 2005. *The written language bias in linguistics: Its nature, origins and transformations*. London; New York: Routledge.

Linell, P., 2013. Two views on the nature of language: formal linguistics (with its written language bias) vs dialogical linguistics. In: A. V. Kravchenko, ed. *Kognitivnaya dinamika v yazykovykh vzaimodeistviyakh (Studia linguistica cognitiva 3)* [Cognitive dynamics in linguistic interactions]. Moscow, pp. 41–57 (in Russ.).

Maturana, H.R. and Varela, F.J., 1987. *The tree of knowledge: The biological roots of human understanding*. Boston MA: Shambhala.

Maturana, H.R., 1970. *Biology of cognition*. BCL Report # 9.0. University of Illinois, Urbana.

Maturana, H.R., 1988. Ontology of observing: The biological foundations of self-consciousness and of the physical domain of existence. In: R.E. Donaldson, ed. *Texts in cybernetic theory: An in-depth exploration of the thought of Humberto R. Maturana, William T. Powers, and Ernst von Glasersfeld*. Felton, CA: American Society for Cybernetics, pp. 1–54.

Maturana, H.R., Mpodozis, J. and Letelier, J.C., 1995. Brain, language, and the origin of human mental functions. *Biological Research*, 28, pp. 15–26.

Maturana, H.R., 1978. Biology of language: The epistemology of reality. In: G. Miller and E. Lenneberg, eds. *Psychology and biology of language and thought*. New York: Academic Press, pp. 28–62.

Morehouse, R.E., 2012. *Beginning interpretive inquiry: A step-by-step approach to research and evaluation*. London and New York: Routledge.

Morris, C.W., 1938. Foundations of the theory of signs. In: O. Neurath, R. Carnap and C.W. Morris, eds. *International encyclopedia of unified science*. Vol. 1, Part 2. Chicago: The University of Chicago Press, pp. 1–59.

Ogden, C.K. and Richards, I.A., 1923. *The meaning of meaning: A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism*. New York: Harcourt, Brace & World, Inc.

Putnam, H., 1983. *Realism and reason*. Cambridge: Cambridge University Press.

Searle, J.R., 1998. *Mind, language and society: Philosophy in the real world*. New York: Basic Books.

Shchedrovitsky, G.P., 2004. Signs and activity. *Center for Technologies in the Humanities*. Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/5272> [Accessed 1 March 2023] (in Russ.).

Simsy, A.D., Kravchenko, A. V. and Druzhinin, A.S., 2021. Action-thoughts and the genesis of time in linguistic semiosis. *Slovo. ru: Baltic accent*, 12 (2), pp. 7–28, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-2-1> (in Russ.).

Staver, J.R., 2012. Constructivism and realism: Dueling paradigms. In: B.J. Fraser, K. Tobin and C.J. McRobbie, eds. *Second international handbook of science education*. Dordrecht: Springer, pp. 1017–1028.

Yartseva, V.N., ed., 1990. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr. Alexander V. Kravchenko, Professor, Theoretical and Applied Linguistics, Baikal State University, Russia.

E-mail: sashakr@hotmail.com

ORCID: 0000-0001-6300-0540

To cite this article:

Kravchenko, A.V., 2023, Signs and senses as an epistemological problem, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 4, pp. 31–47. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-2.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

КАК УСТАНОВКИ И ИЛЛОКУТИВНАЯ СИЛА СТАНОВЯТСЯ КОМПОНЕНТАМИ СМЫСЛА: НЕКОТОРЫЕ СЛЕДСТВИЯ ИЗ АНАЛИЗА МНИМЫХ ИМЕН У ФРЕГЕ

И. Б. Микиртумов

Русское общество истории и философии науки
Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12/1
Поступила в редакцию 20.05.2023 г.
Принята к публикации 01.07.2023 г.
doi: 10.59222225-5346-2023-4-3

Фиктивные имена у Фреге имеют смысл, но не имеют значения. Они сами и содержащие их предложения объявляются мнимыми. Поскольку любое имя собственное рискует оказаться мнимым, следует учитывать намерение говорящего. Делая утверждение, он может подразумевать действительное или фиктивное. В последнем случае мысль выразить нельзя, и поэтому нельзя прийти к значению. Мнимые мысли у Фреге мало что значат для принятия решений и для действий, поэтому мы всегда хотим знать, идет речь о действительном или о мнимом. Чтобы это знание стало доступным, его нужно сделать содержанием предложения, то есть мыслью. Но далеко не всякое высказывание несет мысль, даже если имеет форму предложения. Я описываю три процедуры интенционализации, которые Фреге предлагает использовать для формирования предложения, несущего мысль, даже, если какие-то его компоненты не имеют значения: артикуляцию отношения именованного, формулирование пропозициональной установки намерения, формулирование пропозициональной установки, выражающей метафакциональный контекст. Таким путем намерение говорящего указать на действительный или фиктивный объект становится компонентом мысли, то есть смысла предложения. Сами фикции становятся компонентами мысли, если окажутся в косвенном контексте, где их смысл будет играть роль их значения. Взятый отдельно, смысл имени собственного представляет собой объект с параметром, который получает значение в ситуации употребления имени конкретным говорящим. Основания концепции Фреге сопоставляются с некоторыми положениями Аристотеля и Лейбница.

Ключевые слова: Фреге, смысл, значение, мысль, фикция, именование, пропозициональная установка, намерение

1. Смысл мнимого имени у Фреге и теория смысла

Логические свойства имен предметов, не существующих в действительности (фикций), первым исследовал Аристотель. Онтологический же статус несущего еще раньше рассмотрел Парменид. Как мы помним, он обращается сразу к небытию, то есть к максимуму несуществования. Небытием является лишь то, что никак и никогда не может существовать — ни в мысли, то есть интенционально, ни, тем более, за ее границами. Стоит, однако, подумать о небытии, как вследствие самого этого акта небытие приобщается существованию (Фрагменты, 1989,

с. 288). Тогда несуществующим, додумываем мы вслед за Парменидом, остается то, что пока не получило даже такого бытия или не может его получить. Но люди существа суетные и преходящие, многие вещи никогда не придут им в головы просто потому, что требуют слишком много времени и ресурсов сознания. Поэтому нужен абсолютный свидетель бытия и небытия, то есть божественный разум, теория которого была в наибольшей степени развита Лейбницем. В ней божественный разум «служит источником сущностей» (Лейбниц, 1989, с. 135), то есть всех понятий, и тем самым мыслит все возможные и невозможные предметы и мысли. Как можно назвать то, что не присутствует в виде сущности в божественном разуме? — Кажется, что это и есть небытие. Тогда можно спросить, что обозначено этим именем. Если ничто не обозначено, то имя «небытие» лишено десигната и является фиктивным. Мы при этом понимаем, что такое небытие, то есть владеем смыслом этого имени, как говорит уже Фреге, и знаем вдобавок, что это имя с необходимостью лишено значения, то есть что никакой предмет не является небытием, если только сам смысл не есть предмет. Если это не так, то концептуализация предмета в разуме создает лишь понятие о нем и не обеспечивает его существования. Но ведь небытие как концепт ничем не отличается от треугольника. В действительности, то есть наравне со столами, стульями и нашими телами, не существует ни одного треугольника, но лишь пространственные образования, в которых мы обнаруживаем треугольную форму. Не так ли обстоит дело и с небытием, причастны которому, например, только что рассеявшийся туман, завтрашний дождь, натуральное число, которое меньше, чем 2, и больше, чем 3, круглый квадрат, золотая гора, нынешний король Франции, козлоолень и много другое? Эти примеры напоминают об Аристотеле, Фреге, Мейнонге, Расселе и о продолжающейся логико-семантической дискуссии о несуществующем (см.: *The Language of Fiction*, 2021).

Фреге в ней является одной из главных фигур как создатель, с одной стороны, логики предикатов, постулирующей непустоту предметной области, то есть ведущей речь всегда о сущем, и, с другой, бикомпонентной теории значения, в которой наличие смысла выражения не гарантирует наличие денотата. Первая лежит в основе всех формализованных языков с квантификацией, вторая — в основе современной формальной семантики. Кроме того, Фреге различал мысль как смысл предложения, суждение как оценку ее истинности и утверждение как речевой акт, направленный на информирование других людей об установке говорящего относительно истинности мысли. Тем самым Фреге ввел в логику пропозициональные установки и речевые действия. Все это делает фрегевскую трактовку смысла и значения фиктивных имен важной для теории смысла самой по себе.

Высказываний Фреге о значении фиктивных имен не так много, их часто приводят и комментируют (Caplan, 2020; Munton, 2017; Recanati, 2021). Я тоже буду двигаться по этим цитатам, соблюдая в основном хронологический порядок, но сначала очень кратко опишу бикомпонентную теорию значения.

В работе «О смысле и значении» (1892) (Фреге, 2000a) мы находим семантику, адресованную равно «языку науки» и естественному языку, несовершенства которого должны, по возможности, искореняться. Две основные единицы языка — именное выражение и предложение — имеют смысл (Sinn) и значение (Bedeutung)¹. Значение зависит от типа выражения — собственное имя², понятийное слово (предикат), предложение; смысл представляет собой то, как задано значение. Если это имя собственное, то значением должен быть предмет, если предикат, то множество, возможно, пустое. Значением предложения является его истинностное значение — «истина» или «ложь». Смысл имен собственных задается отношением именования, смысл понятийных слов и словосочетаний — знанием соответствующих им свойств и отношений, а смысл предложения — это выражаемая в нем мысль. Наличие смысла не гарантирует значения. В частности, имена собственные, которые именуют несуществующие предметы, обладают смыслом, но лишены значения, и то же самое верно для предложений, которые содержат такие имена. Фреге называет подобные имена и предложения «мнимыми». Исключение составляют те случаи, когда такие выражения находятся в придаточных косвенной речи, где, согласно теории Фреге, значением предложения является его обычный смысл.

Характеризуя функционирование в языке мнимых имен и мыслей, Фреге в нескольких местах (я приведу их ниже) упоминает о намерениях говорящего указать на действительное или мнимое, на разную «ценность» действительного и мнимого для принятия решения и совершения действия, и, соответственно, на разную «силу» соответствующих высказываний. Названные факторы лежат на границе с прагматикой, и мы сегодня, кажется, не готовы принять их в качестве компонентов смысла. Однако, когда мы обращаемся к теории мысли Фреге как объективно сущего, а потом рассматриваем те инструменты, которые он предлагает использовать для модификации высказываний, не выражающих мысли, в предложения, выражающие мысль, мы обнаруживаем, что и прежде не артикулированные намерение говорящего, отношение именования и статус фиктивного оказываются компонентами мысли, то есть компонентами смысла. Тем самым не существующее в действительности нейтрализуется в объективно существующем в качестве содержания пропозициональных установок и семантических конвенций.

В своей относительно недавней статье Джесси Мантон вслед за рядом других авторов проанализировала в связи с семантикой фикций те

¹ Поскольку словом «значение», следуя англоязычной литературе, обозначают как оба компонента собирательно, так и второй их них, удобнее было бы пользоваться парой «смысл» и «денотат», как это делает Чёрч (1960). Но этого нельзя сделать в статье о самой теории Фреге.

² Имеются в виду также определенные дескрипции, то есть описания, сформулированные с определенным артиклем и предполагающие отдельный предмет в качестве значения. Фреге называет именами собственными как настоящие имена собственные («Сократ»), так и определенные дескрипции.

аспекты связи смысла и значения у Фреге, которые затрагивают установки и речевые действия. Ее выводы состоят в том, что смысл выражения у Фреге возникает из соединения его независимого от ситуации произнесения «объективного» содержания с намерениями говорящего, ответственного за конкретный речевой акт. Эта «центрированность на действии» описывает смысл правильнее, нежели «центрированность на выражении», поскольку смысл есть часть утверждения как речевого действия. Мантон полагает, что для Фреге движение от намерения выразить мысль к самой мысли, которое может и не довести до нее, оставшись мнимой мыслью, легитимируется тем, что условием, при котором мысль определяет значение, является ее утверждение (Munton, 2017, p. 3691 – 3692).

Здесь я также обращаюсь к намерению, силе, решению и действию как к возможным компонентам смысла или же как к его контекстуальным (метасемантическим) параметрам. Материалом в основном служат высказывания Фреге о смысле и значении фикций. Однако я прихожу к выводам, несколько отличным от выводов Мантон. Как я постараюсь показать, не смысл становится компонентом утверждения, но намерение говорящего оказывается компонентом смысла наряду с некоторыми другими метасемантическими факторами. Моя аргументация опирается на фрегевскую теорию мысли и на способы интенционализации содержания предложения, которые Фреге рассматривает как способы формирования мысли.

2. Аристотель: утверждения о несуществующем ложны, а отрицания истинны

Начать следует с Аристотеля, чья интерпретация фикций влиятельна, имеет ясные логические основания и важна для понимания Фреге. Стагирит обращается к проблеме фиктивных имен в связи с истинностью и ложностью. Определение истины у него дается в двух аспектах. Во-первых, как соответствие речи существу, то есть действительности: «говорить о существе, что его нет, или о не-существе, что оно есть, — значит говорить ложное; а говорить, что существе есть и не-существе не есть, — значит говорить истинное» (Аристотель, 1976, с. 141). Во-вторых, — указанием на характер такого соответствия: «истинное и ложное имеются при связывании и соединении» (Аристотель, 1978б, с. 93), и в «Метафизике»: «истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным и связанное связанным, а ложное — тот, кто думает обратное тому, как обстоит дело с вещами» (Аристотель, 1976, с. 250). Речь здесь идет об истинности суждения, где предмету приписывается свойство, то есть утверждается соединение, или связь, то есть нечто мыслимое — «составное» и нематериальное, — положение дел или факт, как мы сказали бы сейчас. О вещах «несоставных», то есть таких, которые мыслятся без соединения, Аристотель говорит, что

истина есть удостоверение [как бы] на ощупь (to thigein) и сказывание... а когда нельзя таким образом удостовериться, имеется незнание (в самом деле, относительно сути вещи ошибиться невозможно — разве что привхо-

дящим образом, — и одинаково обстоит дело и с сущностями несоставными, ибо и относительно них ошибиться нельзя; и все они существуют в действительности, не в возможности... относительно того, что есть бытие само по себе и в действительности, нельзя ошибиться, а можно либо мыслить его, либо нет. Относительно его ставится вопрос только о сути, а не о том, такого ли свойства оно или нет) (Аристотель, 1976, с. 250–251).

В этом пассаже речь идет, во-первых, о первых сущностях — отдельных материальных предметах, бытие которых удостоверяется чувственным восприятием, во-вторых, о «сущем самом по себе», то есть о вещах умопостигаемых, например о концепте треугольника, который либо мыслится, либо нет, и который не мыслится «ошибочно» как квадрат. Далее Аристотель говорит о «бытии как истине» и «небытии как ложном», имея в виду необходимые и невозможные соединения. Есть вещи, которые, если существуют, то только с такими-то свойствами, а иначе существовать не могут, как, например, дом является домом лишь при наличии крыши и стен. «Истина здесь в том, чтобы мыслить это сущее, а ложного здесь нет, как нет здесь и заблуждения, а есть лишь незнание ...» (Там же, с. 251), то есть незнание того, что такое дом.

О семантических свойствах имен несуществующих вещей речь идет в «Категориях». Здесь Аристотель объявляет все суждения, в которых несуществующим вещам приписываются свойства, ложными, а все отрицания свойств истинными (Аристотель, 1978а, с. 85). Суждение «Сократ здоров» указывает на наличие связи, которой нет, поскольку Сократа нет, и это же верно для утверждения «Сократ болен», а «Сократ не болен» истинно (Там же), поскольку связь здесь как раз отрицается.

Анализируя эти положения Аристотеля, Ярослав Слинин указывает на их сомнительные следствия, в частности на ложность суждений «Сократ человек», «Сократ есть Сократ» и истинность «Сократ не есть человек», «Сократ не есть Сократ», что, кажется, нарушает закон тождества и плохо вяжется с естественной языковой интуицией (Слинин, 2007, с. 288)³. Ниже мы найдем у Фреге способ решения этой проблемы, но и, опираясь на рассуждения Аристотеля, можно предположить, как указанное затруднение устраняется. Стагирит смотрит на суждение одновременно и со стороны субъекта, и со стороны предиката, так что там, где утверждается «Сократ человек», он спрашивает, каков перечень людей. И если, начиная фразу с имени «Сократ», мы вводим известную историческую фигуру, неявно отсылая тем самым к временному интервалу жизни Сократа, который присутствует как контекстуальный параметр интерпретации, то, начав фразу словосочетанием «множество людей», мы такие параметры не предполагаем, что по умолчанию означает «множество людей здесь и теперь». Это еще более очевидно для предиката, так сказать, утилитарного, а именно «входить в перечень афинских граждан», объем которого меняется во времени.

³ Говоря об Аристотеле, я опираюсь на ряд аргументов, представленных в этой работе.

Есть и еще один аспект. Суждение «Сократ есть Сократ» для Аристотеля не является частным случаем закона тождества в известной нам формулировке $A = A$, поскольку на позиции предиката не может стоять первая сущность. Поэтому в этом суждении второе вхождение «Сократа» есть сокращение либо предиката «быть Сократом» («обладать сократовостью»), либо предиката «быть человеком по имени Сократ». Аристотель не признаёт понятий об отдельных предметах, поэтому верно второе, и тогда Сократ на позиции субъекта предполагает контекстные параметры, а предикат «человек по имени Сократ» указывает на список людей, носящих это имя, что требует указания конкретного момента времени.

Суждения науки указанных трудностей избегают, поскольку должны быть необходимо истинными, что исключает упоминание в них имен отдельных вещей, а для выражения естественного языка должна быть осуществлена интенционализация контекста, состоящая в замещении имени предикатом.

3. Сущность и определение для несуществующего

Во «Второй Аналитике», характеризуя определение, Аристотель говорит следующее: «...о том, чего нет, никто не знает, что оно есть (но [известно только], что означает [данное] слово или название, как если я, например, скажу “козлоолень”. Но что такое “козлоолень” — это знать невозможно)». И вот почему: «если [дающий определение] доказал бы, что именно есть [данная вещь] и что она *есть*, то как же он это докажет одним и тем же доводом? Ведь определение выясняет что-то одно, как и доказательство. Но что такое человек и что человек *есть* — это не одно и то же (Аристотель, 1978в, с. 323). Чуть ниже Аристотель говорит о том, что не может быть определений «несущностей и несуществующего», хотя «обозначать можно и несуществующее» (Там же, с. 324). Наконец, «определение ничего не доказывает и не подтверждает» (Там же).

Аристотель хочет сказать, что назвать имя «козлоолень» можно, но при этом, если козлоолений не существует, то никаких их свойств установить нельзя, ибо ни с чем козлоолень не образует связи и соединения. Назвав козлооленя, мы что-то этим именем хотим обозначить и, по-видимому, мы не полностью лишены знания о козлооленях, но, вспоминая обсуждение этого вопроса Платоном в «Меноне», имеем какое-то приблизительное знание, которое надеемся уточнить и расширить (Платон, 1990, с. 588). В любом случае, употребляя имя «козлоолень», мы имеем представление или же, в лучшем случае, номинальное определение, которое, говоря словами Лейбница, «содержит лишь признаки для отличения предмета от других», но из которого не «видна возможность бытия самого предмета» (Лейбниц, 1984, с. 104). Все сущее в целом имеет целевую причину, каковая есть природа (Аристотель, 1981, с. 100), и каждое существующее возникает с целью реализации своей сущности в своем существовании (Аристотель, 1937, с. 36; Аристотель 1981, с. 99), поэтому никогда не приходящее к существованию не имеет сущности, а следовательно, не может и получить реального определения.

Чуть расширим контекст этой мысли Аристотеля: несуществующее здесь и сейчас не существует потому, что нет сущности, которая должна была бы им реализоваться здесь и сейчас, нет цели, которая бы достигалась его существованием. Если же вдруг появляется нечто, чего раньше не было, то мы спрашиваем о цели и, вслед за Аристотелем, говорим о прошлом этой вещи как о ее становлении из некоего «семени» и питающих его веществ. Для Аристотеля «быть» означает «быть в действительности», а планы возможности, прошлого и будущего присутствуют в сопряжении с сущим, — каким оно было, будет или может быть. Относящиеся к этим планам вещи все равно суть «несущее», которое может быть предметом мыслей и установок (желания и т.п.) (Аристотель, 1976, с. 238) как возможное сущее. Установку намерения мы встретим ниже у Фреге. Когда мы не находим в действительности козлооленья, рассуждения о том, мог бы он быть или нет и почему он не реализовался, затруднительны, поскольку с несущим никакие свойства не соединены и сущность его нам не известна. Если же вдруг козлоолень появится, то, во-первых, нам предстоит сначала убедиться в том, что новое существо есть именно то, что мы называли словом «козлоолень», во-вторых, мы сможем тогда увидеть его становление в прошлом и предположить, что для него возможно в будущем. Усмотреть сегодня становящееся и реализующееся завтра — это непростая задача, требующая наблюдательности, опыта и рассуждения по аналогии, то есть относящаяся скорее к искусству (*τεχνη*), нежели к науке.

Лейбниц, оказавший значительное влияние на Фреге⁴, с такой дискриминацией вещей из альтернативных возможных миров не был согласен. Для него «*все возможное требует существования, а потому [любое возможное] и существовало бы, если бы не препятствовало другое [возможное], которое также требует существования и несовместимо с первым. <...> Если бы в самой природе сущности не было никакой склонности к существованию, то ничего и не существовало бы*» (Лейбниц, 1984б, с. 123). Здесь, благодаря абсолютному разуму как носителю бытия сущностей, уравниваются в правах сущности из разных миров. Пусть не все возможное обретает существование по высшей воле (Лейбниц, 1989, с. 135, 144), но у несуществующих вещей есть сущности, и им можно дать реальные определения. Правда сделать это может только сам абсолютный разум, а мы — нет, так как не встречаемся с вещами в действительности и не можем их исследовать доступным нам опытом в конкретных обстоятельствах мира, в которых они реализовались, а потому не можем материалом опыта зацепить и актуализировать свернуто существующие в нашем разуме сущности и идеи. Это различие между Аристотелем и Лейбницем в применимости реального определения важно для понимания проводимого Фреге различия между суждением и определением, и столь же важна мысль Лейбница об автономном бытии сущностей вещей и идей в разуме божественном — развернуто и человеческом — свернуто.

⁴ Об этом — ниже.

4. Смысл имени собственного у Фреге: представления и предметы

Как возникает смысл имени собственного?⁵ Его «понимает каждый, достаточно знающий язык или совокупность обозначений, к которой принадлежит имя*»; тем самым, однако, значение, если оно имеется, освещено все же только с одной стороны. Всестороннее познание данного значения состояло бы в том, что мы могли бы для каждого заданного смысла указать, относится ли он к этому значению» (Фреге, 2000а, с. 231). В отмеченном звездочкой примечании Фреге приводит пример с различными вариантами смысла имени «Аристотель». Оно может звучать как «ученик Платона и учитель Александра» или же как «происходящий из Стагиры учитель Александра Великого». «Пока значение остается одним и тем же, — говорит Фреге, — эти колебания в смысле допустимы, хотя они и должны быть устранены при построении доказывающей науки и не должны встречаться в совершенном языке» (Там же).

Итак, смысл имени собственного усваивается вместе с языком и «совокупностью обозначений, к которой принадлежит имя». Как это можно понять? Существуют три возможности: знакомство⁶, косвенное знакомство и дескрипция. В примере Фреге полноценное знакомство невозможно, и приводимые Фреге суждения воспроизводят знакомство косвенное, то есть опосредованное свидетельствами других людей и укорененное в других объектах, также данных посредством косвенного знакомства. Таковы город Стагира, персоны Платона и Александра. Вторая часть цитаты указывает на дескриптивный компонент, компенсирующий «освещение с одной стороны». Он содержится в словах «ученик», «учитель», «происходить», так что мы имеем дело с сочетанием косвенного знакомства с дескрипцией. Таких сочетаний для имени «Аристотель» может быть множество. Рассказывают, например, что он собирался жениться на дочери царя города Ассос, так что «жених принцессы Ассоса» — это один из возможных смыслов имени «Аристотель», по поводу которого, говоря словами Фреге, мы хотели бы знать, «относится ли оно к данному значению». Косвенное знакомство прокладывает путь к данности Аристотеля *de re* в духе каузальной теории референции (Kripke, 1979), а дескриптивный компонент обеспечивает

⁵ Для нас интерес представляют именно имена собственные, поскольку объемы предикатов могут быть пустыми, а для дескрипций, подобных «натуральное число меньше, чем 2 и больше, чем 3», то есть, в современной терминологии, для неопределенных дескрипций, Фреге предлагал использовать число 0 (Фреге, 2000а, с. 240, прим.).

⁶ Термин принадлежит Расселу, но это удобное название для того, что мы теперь называем непосредственным когнитивным контактом с предметом, Фреге называл результатом его восприятия, а Аристотель выше — «удостоверением на ощупь». Во всех случаях имеется в виду, что предмет непосредственно воспринимается, возможно, безо всякого понимания его сущности или знания его свойств.

бесконечное разнообразие такого рода описаний. Знакомство — прямое или косвенное — может сочетаться или не сочетаться с дескрипцией. В первом случае владение смыслом собственного имени и означает «достаточно знать язык» как социально реализуемую систему обозначений. Во втором случае включается «совокупность обозначений», в которых знакомство сочетается с описанием.

Между именем собственным и предикатом лежит знакомство, создающее эффект данности *de re*, очевидно, иллюзорный для имен несуществующего. Артикуляция отношения именованного создает *de dicto*, правда как для фиктивных, так и для действительных имен. В статье «О понятии и предмете» (1892) Фреге говорит, что предложение «Существует Юлий Цезарь» бессмысленно, осмысленно же «Существует некий человек по имени Юлий Цезарь», в котором «человек по имени Юлий Цезарь» — это понятие. Объяснение этому мы находим в семантике кванторов в созданной Фреге для нужд оснований математики логике предикатов. Кванторы неприменимы к индивидам⁷, поскольку выражают свойства второго порядка, то есть свойства свойств. В частности, существование характеризует непустоту объема предиката, который, в свою очередь, выражает свойства предметов. Два других примера выглядят так: «Существует только одна Вена» и «Триест не Вена», где выражение «Вена», которое, как отмечает Фреге, может употребляться и как имя собственное, и как понятийное слово, употреблено в последнем качестве, т. е. должно читаться как «город, называемый Вена» (Фреге, 2000в, с. 259). Здесь мы видим тот же ход мысли, что и у Аристотеля.

Одним из ключевых аргументов Фреге является различие между предметом и представлением, которые часто сливаются в эквивокации. Так, говоря о Луне, мы по умолчанию не имеем в виду представление о ней, но ее саму — значение имени «Луна», тогда как, говоря о прекрасном, скорее, наоборот. Если нас спросят, соответствует ли чему-то наше представление о Луне, то такой вопрос, — говорит Фреге, — «может быть оставлен без ответа», поскольку «достаточно указать на намерение, которое руководило нами во время речи или мышления, чтобы иметь право говорить о значении знака, хотя и с оговоркой: если такое имеется» (Фреге, 2000а, с. 234). Обратим внимание на установку *намерения*. Фреге, как мы помним, различает предложение, суждение и утверждение, где первое выражает мысль, второе квалифицирует ее истинность, третье есть речевое действие, состоящее в сообщении другим людям мысли вместе с оценкой ее истинности. Упомянутое намерение, которое «руководит нами во время речи или мышления», состоит в том, чтобы в утверждении совершить указание либо на представление, либо на предмет.

К чему относится это намерение, к мысли, к ее оценке или к утверждению?

⁷ У Фреге речь идет, конечно, о предметах, то есть о таких сущностях, которые не являются предикатами, или предметно-истинностными функциями (свойствами и отношениями).

5. Действительное и мнимое для решений и действий

Мысль, которая сама по себе не зависит от того, имеют ли значения имена, входящие в выражающее ее предложение, «теряет для нас ценность, как только мы узнаём, что у какой-либо из ее частей отсутствует значение» (Фреге, 2000а, с. 234). Различие в ценности проявляется в том, как истинная мысль и предположение влияют на наши решения и действия. В «Логике» (1897) читаем: «...знание, например, некоторого закона природы, которым кто-то обладает, приводит последнего к определенным решениям, которые в свою очередь имеют следствием движение физических масс. При этом знание какого-либо закона следует воспринимать с точки зрения его воздействия на познающего человека, что, по-видимому, возможно, подобно тому как зрительное восприятие цветка можно рассматривать как опосредованное воздействие его на зрителя» (Фреге, 2000д, с. 315). Обратим внимание на слово «решение». То же соображение высказано в работе «Мысль. Логическое исследование»: «...постижение мною мысли, выражаемой в теореме Пифагора, может иметь следствием то, что я признаю ее истинной, а затем, применяя ее и принимая соответствующее решение, окажу воздействие на скорость движущихся тел. Таким образом наши действия бывают обычно подготовлены мышлением и суждением. Так мысли опосредованно могут влиять на движение физических масс» (Фреге, 2000е, с. 341). Последовательность событий такова: «когда мысль постигается, она поначалу вызывает изменения только во внутреннем мире того, кто ее постиг...», и «мысль не совсем нереальна, но ее реальность совершенно иного рода, чем реальность вещей. А ее действие вызывается активностью того, кто мыслит, — без него она бы не действовала, по крайней мере, настолько мы можем это заметить» (Там же, с. 342). Речь тут идет вовсе не о сфере чистой мысли, но о практике, так что «намерение» говорящего указать на значение воплощается в утверждении предложения, следствием чего должно стать решение адресата о действии. Последнее есть цена действительности значения.

Вымысел в произведении искусства вызывает «представления и чувства», связанные с эстетическим удовольствием, так что вопрос об истинности превратил бы его восприятие в «научное исследование» (Фреге, 2000а, с. 235). Тут Фреге формулирует центральное положение о связи смысла и значения, к которому мы еще вернемся: «стремление к истине — вот что всегда побуждает нас к переходу от смысла к значению». Чтобы правильно соотносить это положение с ценностью произведений искусства, следует помнить, что истинность предложения для Фреге есть истинность выражаемой в нем и объективно сущей мысли. Возможные миры Лейбница, столь нам теперь привычные, для Фреге не являются точками придания значения предложениям, все наши координаты времени, места, говорящего и т. д. — это то, что для Фреге должно быть артикулировано в самом предложении. Истинным для него является только то, что истинно, как бы мы теперь сказали, во всех возможных мирах. В «Логике» (1897) Фреге говорит о «дополнительных

разъяснениях», которые «зависят от обстоятельств» (Фреге, 2000д, с. 313), так что нельзя просто сказать «идет дождь», поскольку это предложение содержит, в современной терминологии, скрытые индексы (Schiffer, 1992), значение которых состоит в указании места, времени, иных деталей, позволяющих однозначно идентифицировать ситуацию и приступить к выяснению, истинна мысль или ложна, но нужно уточнить, где, когда и как он идет (Фреге, 2000д, с. 314).

Почему Фреге этого требует? Ответ, кажется, состоит в его лейбницеанской установке⁸. Доктрина, согласно которой мысли мы застаем готовыми, открываем их и постигаем, а не создаем, что они уже истинны или ложны и воздействуют на нас, но не друг на друга, принадлежит Лейбницу, который помещал в божественный разум все возможные миры в их логической полноте, так что все мысли, которые могут прийти нам в голову, оказываются уже продуманными богом. Можно спросить, как богу дано знание о том, что, вот, прямо сейчас у меня за окном идет дождь? Ответ очевиден: бог мыслит конкретный мир, время, место, иные аспекты ситуации и обладает мыслью, которая истинна безотносительно и может быть выражена предложением: «там-то и тогда-то в таком-то отношении идет дождь». В версии Лейбница тут же оказывается истинным и бесконечное множество предложений, выражающих то же положение дел, но с использованием имен других вещей — например, каждой из капель этого дождя, их частей, частей их частей и так до бесконечности.

«Мы можем мыслить, не вынося суждения», — говорит Фреге (Фреге, 2000д, с. 316), и практикуем это в сфере художественного вымысла, ведя речь о мнимых предметах, заданных представлениями. «Поэт, собственно, не живописует, не изображает, а лишь побуждает к живописному изображению, дает некие указания, некие намеки, оставляя целое на долю слушателя» (Там же, с. 317). Иными словами, «намерения» поэта не состоят в том, чтобы вызывать у нас ощущение реальности и побудить к действию, вызвать «движение физических масс» в мире своего вымысла⁹. В одном из примечаний в статье «О смысле и значении» Фреге выражает пожелание, чтобы для знаков, имеющих смысл, но лишенных значения, использовались бы особые выражения, которые можно было бы назвать «картинами» (Bilder). И слова актера, и сам актер на сцене — это такого рода картины, — добавляет Фреге, так что

⁸ О лейбницеанстве Фреге см.: (Мирошниченко, 2003, с. 279–289; Черноскутов, 2003; Lenzen, 1995; Heis, 2013).

⁹ Впрочем, эксперименты как раз противоположного рода известны хотя бы по тем театральным постановкам авангарда, в которых зрителю предлагается стать участником действия в перспективе двух противоположенных движений. В одном случае зритель превращается в актера и участвует в инсценировке, например суда и казни, а в другом спектакль превращается в реальные суд и казнь. Последняя возможность, то есть переход имитации реальности в реальность, не раз продумывалась в жанре фантастического реализма в литературе и кино. Фреге описал бы такой переход как смену одного намерения (указать на представление) на другое (указать на значение) и как амбивалентность знака, чреватого отсутствием значения.

истинная мысль, выраженная в форме «утвердительно-повествовательного предложения», но при этом на сцене, «не имеет своей обычной силы», хотя имеет то же самое содержание, что и при обычном способе выражения, она подчиняется принципу композициональности и к ней применимы все обычные синонимические переформулировки (Фреге, 2000а, с. 235). Фреге хочет сказать, что, поскольку намерение актера понятно зрителю, к его словам он относится «не всерьез», но не потому, что не схватывается и не оценивается выражаемая мысль, а потому, что она не рассматривается как основание для решений и действий. Если бы актер произнес «5 есть четное число», то зритель мог бы констатировать ложность этой мысли и наличие у персонажа неверного представления о действительности, но не заподозрил бы актера в попытке обмана публики, то есть в попытке создать ложное основание для решений и действий.

В статье «Логика. Введение» (1897) мы вновь встречаем «намерение»: «Без учета намерения нечто отобразить не может быть и речи об истине, о правде данной картины... предикат *истинности* приписывается, собственно, не самому представлению, а мысли о том, что оно, это представление, отображает некоторый известный предмет» (Фреге, 2000д, с. 309–310). Поэтому «логику не интересуют мнимые мысли», а физику не интересует «гроза на театральной сцене» (Там же, с. 309). Гроза на театральной сцене не есть гроза, а есть знак грозы, воспроизводящий ее признаки по принципу подобия. Такой знак призван вызывать именно представление о грозе в значительном числе ее деталей. Так действует и мнимая мысль, — она призвана вызвать представление о предполагаемой действительности, а мнимое имя — представление о предмете. Для иллюстрации Фреге не раз обращается к идее звукоподражания (Там же, с. 316), которая действует по принципу аналогии и вызывает эффект частичного подобия, а смысл мнимого имени возникает, во-видимому, из многих представлений, общего для какого-то общества людей.

Во «Введении в логику» (ок. 1906) функция вымысла объясняется так:

...мы все же не станем отказывать во всяком мыслительном содержании всем предложениям «Одиссеи», в которых встречается имя Одиссей. Подумаем, мы придем к заключению, что в «Одиссее» имя «Одиссей», в противоположность развивавшемуся нами взгляду, все-таки обозначает некоего человека. Но станут ли предложения, содержащие имя «Одиссей», после этого выражать иные мысли? Я полагаю, что нет. Мысли останутся теми же самыми; только они переместятся из поэтической области в область истины. Поэтому кажется, что предмет, обозначаемый каким-либо собственным именем, совершенно несуществен для содержания мысли, выражаемой тем предложением, которое это имя содержит. Для содержания мысли! В остальном, конечно, нам отнюдь не все равно, где мы находимся — в поэтической области или в области истины (Фреге, 2000г, с. 303).

Итак, для того чтобы донести содержание мыслей, которым соответствуют только лишь представления, мы используем специально для этого предназначенную «поэтическую область» коммуникации, терри-

торию несерьезного, своего рода «песочницу». Она строго отграничена от «области истины», в которой слова произносятся с намерением сообщить о том, что действительно, и вызвать соответствующую реакцию в виде решений и действий.

6. Три способа интенционализации

Хотя в статье «О смысле и значении» Фреге оставляет место для знакомства с предметом, говоря, в частности, о представлении, включающем в себя как чувственные характеристики предмета, так и обстоятельства знакомства с ним (Фреге, 2000а, с. 233; Ninan, 2019), его общая логицистская установка, выраженная, например, в «Основаниях арифметики» (1884) состоит в том, чтобы в науке идти от эмпирического к объективному, которое в случае математики оказывается и априорным. Идея «третьего мира» объективно сущих мыслей (Фреге, 2000е, с. 335) проводится с «Оснований арифметики» (1893) и «Основных законов арифметики» (1902): «Я отличаю объективное от осязаемого, пространственного, действительного. Земная ось, центр массы Солнечной системы являются объективными, но я не могу назвать их действительными, как саму Землю», — говорит Фреге, противопоставляя «схватываемое мыслью», которое доступно всем, «созерцаемому» индивидуально, которое передаётся плохо (Фреге, 2000ж, с. 27). В сфере «эмпирического» мы, с одной стороны, сталкиваемся с физическими вещами (действительное и объективное), а с другой — с собственными представлениями (действительное и субъективное). «Если предложение называют эмпирическим, потому что мы должны делать наблюдения, для того чтобы нам стало известно его содержание... тогда высказывается психологическое утверждение, которое относится только к содержанию предложения; является ли оно истинным тем самым не рассматривается. В этом смысле все истории Мюнхгаузена также являются эмпирическими; ибо, для того чтобы их можно было выдумать, конечно, необходимо делать различные наблюдения» (Там же, с. 17). Вещи здесь, несомненно, вызывают представления, которые, однако, живут своей жизнью и вольны соединяться и разделяться как им вздумается. Такова модель воображения.

Мир человеческих дел и обстоятельств не содержит в себе ничего такого, что можно было бы описать суждениями аналитическими и априорными, тут все случайно и лишено всеобщности. Представления выражаются в естественном языке, но при этом не выражаются мысли. Одни говорят о несуществующем как о существующем, другие о субъективном (представлении) как об объективном (понятии), третьи об объективном (понятии) как о физическом (предмете). Чувственное, конечно, создает условия для того, чтобы «видеть вещи», но его при этом недостаточно для «раскрытия перед нами внешнего мира», а «решение принимается во внечувственной сфере» (Фреге, 2000е, с. 340). Все это для Фреге есть следствие несовершенств естественного языка, которые заставляют признать, что, хотя мысли существуют независимо от человека, «в сознании, однако, должно быть нечто, нацеленное на мысль» (Там же), но относящееся к области представлений.

И тут Фреге делает вслед за Лейбницем ход, для которого, конечно, он не имеет оснований: он решает, что из высказывания, не выражающего мысли, но демонстрирующего нацеленность на нее, можно получить предложение, выражающее объективно сущую мысль. Чтобы так думать, нужно предполагать, что случайное и субъективное лишь кажутся таковыми, но что всегда есть контекст, в котором это случайное и субъективное оказываются частью необходимого и объективного. Фреге не предлагает никаких объяснений того, как, например, наряду с законами логики, объективное существование в виде мысли получает содержание предложения «Не существует человека по имени Юлий Цезарь», видимо, с уточнением параметра времени. Нам остается принять это решение Фреге, которое можно проследить по тем инструментам и приемам получения мыслей из «немыслей», которые отчасти описаны, отчасти намечены в связи с учетом индексных параметров и условий отделения законченной мысли от высказывания (Фреге, 2000е, с. 331 – 332), способов объективации мысли в коммуникации (Там же, с. 337 – 338), а также путей дифференциации мысли и представления (Там же, с. 338 – 339)¹⁰.

Назовем *интенционализацией* выражения *артикуляцию в нем условий установления истинности и способа данности упоминаемых в нем сущностей*¹¹. Фреге рассматривает три способа интенционализации: (1) артикуляцию отношения именованного, которая выражается суждениями вида «человек по имени Юлий Цезарь»; (2) артикуляцию намерения указать на действительное или фиктивное, выражаемую констатацией такого намерения говорящим или сообщением о его пропозициональной установке; (3) артикуляцию метафикционального контекста, которая также выражается сообщением о пропозициональной установке. Первые два способа мы рассмотрели выше, обратимся теперь к третьему.

В статье «Логика. Введение» (1897) Фреге объявляет предложение «У Сциллы шесть голов» лишенным значения, поскольку «Сцилла» является «мнимым собственным именем» (Фреге, 2000д, с. 308), хотя Сцилла в «Одиссее» действительно была о шести головах. У Фреге нет примера «Шестиголовая Сцилла шестиголова», но это предложение претендует, кажется, на аналитическую истинность, и Фреге отказал бы ему и в случайной. Основание следующее: «хотя и можно попытаться перетолковать все предложения так, что они станут предложениями о представлениях, это совершенно изменило бы их смысл, и мы получили бы совершенно другую науку, причем эта новая наука стала бы ветвью психологии» (Там же, с. 309). Можно ли поставить представления в

¹⁰ В этой работе эти идеи, высказывавшиеся и ранее, получают наиболее завершённую форму.

¹¹ Такого рода операция называется гиперинтенционализацией, но этот термин уместен там, где различены экстенциональный и интенциональный уровни. Первый соответствует приписыванию свойств и отношений предметам, второй – выражению пропозициональных установок, и тогда в случае появления выражений, в которых выражены факторы интерпретации, можно говорить о гиперинтенциональном (см.: Berto, Nolan, 2021).

контекст, в котором они стали бы частью содержания мысли? Можно. Мнимые имена порождают мнимые мысли, а «исключения из этого правила бывают тогда, когда мнимое собственное имя встречается в косвенной речи, составляющей какую-то часть всего предложения» (Там же). В самом деле, если сформулировать пропозициональную установку, то мы получим предложение, выражающее истинную мысль: «Созданная Гомером картина Сциллы рисует чудовище о шести головах». И тем самым мы создали так называемый метафигиональный контекст (Devine, 1974; Carlan, 2020), то есть ввели описание дискурса вымысла, имеющего «привязку» (Kamp, 2015) к реальному предмету — тексту «Одиссеи» или ее автору. В самом деле, в мире, где Одиссей и Сцилла действительны, они не являются персонажами «Одиссеи» Гомера, так как в поэме представлены «картины» Одиссея и Сциллы, которые не есть сами Одиссей и Сцилла в мире поэмы, и, наоборот, никакой плод вымысла не может быть действительным, даже если изображено действительное лицо, предмет или обстоятельство. Предметные области фикционального и метафигионального контекстов не пересекаются. Таким образом, фиктивные имена нейтрализуются в метафигиональном контексте, употребление *de re* стирается и замещается *de dicto*, то есть именами представлений¹².

Что затрагивает интенционализация — смыслы предложений или смыслы имен? Даммит полагает, что смыслы имен, причем понятийных, и что вместо, например, «белый», мы получим «белый в прошлом», «белый в будущем» и т. п. (Dummett, 1981, p. 387). Едва ли это верно. Мы не встречаем у Фреге таких предикатов и, тем более, имен собственных, а в отношении предложений с индексами он сообщает следующее: «Не возразят ли мне, что предложение “я голоден” может быть истинным для одного и ложным для другого? Предложение — вполне, но не мысль: ибо слово “я” в устах другого означает этого другого, и потому предложение, высказанное им, выражает другую мысль». И далее, переходя уже к вопросу об уточнении условий интерпретации, добавляет: «Все определения места, времени и т. п. принадлежат к той мысли, об истинности которой идет речь; бытие же истины само лишено места и времени» (Frege, 1893, S. XVI—XVII). Здесь условия интерпретации суть часть содержания мысли, образованной объективным смыслом предиката «быть голодным».

Артикуляция метафигионального контекста идет дальше артикуляции намерения указать на действительность или фиктивность. Как заметил Ариндам Чакрабартти, в системе антитез объективного — субъективного, действительного — мнимого невозможно различить предметы, существовавшие в прошлом, но ныне не существующие, те, которых пока нет, но которые появятся, и те, которые вымышлены, то есть их действительность никак не предполагается (Chakrabarti, 1997, p. 75—78). Фрегевский актер на сцене не просто выражает намерение говорить о

¹² Тайлер Бэрдж считает это негативным следствием «объективности» мысли (Burge, 1979).

фиктивным, но и демонстрирует происхождение фикции из воображения автора пьесы. Таким образом, поскольку вымышленное есть вид несуществующего, то вывести его на уровень мысли можно лишь задев два способа интенционализации.

7. Подражание как компонент смысла

В «Размышлениях о смысле и значении» (не ранее 1892) Фреге говорит о «поведении» имени: «...имя “Навсикая”, которое, вероятно, ничего не обозначает или не именуется... ведет себя так, будто оно называет некую девушку, и этим обеспечивается его смысл» (Фреге, 2000б, с. 251). Здесь наличие действительного или мнимого значения у имени связывается с его коммуникативными функциями. Задача мнимого имени подражать, вести себя так, «как будто» оно действительное, дабы воздействовать на адресата сообщения «всерьез» (Recanati, 2021, p. 26–27). Совместимо ли это с тем, что сама мнимость именованного «обеспечивает» смысл? Последний должен быть объективным, и, если он состоит в том, что такую-то феакийскую девушку зовут Навсикая, то к нему нельзя добавить ее несуществование, не сделав его мнимым непритворно. Однако обстоятельства существования и несуществования обычно не артикулированы, и имена тем самым недоопределены. Предложение «Навсикая встретила Одиссея на берегу» может после интенционализации иметь для говорящего и адресата различные смыслы, отражающие их установки. Смысл говорящего звучит как «В том, что я считаю вымыслом Гомера, Навсикая встретила Одиссея на берегу», смысл адресата, «всерьез» воспринимающего «Одиссею», — «В том, что я считаю историческим прошлым, Навсикая встретила Одиссея на берегу». Если это так, то действительные и мнимые имена имеют смыслы, в которых явно выражено существование и несуществование, хотя в языковой форме они не проявлены.

Если по Фреге существование — это неартикулированный компонент смысла, то эта его идея реализуется теорией Крипке (Kripke, 2011), согласно которой вымышленные объекты образуют отдельный класс и именуется фиктивными именами, внешне неотличимыми от действительных. Выполнив пожелание Фреге о специальных знаках для мнимых имен, мы устранили бы этот недостаток, получив предложения «Действительный Гомер — автор действительной “Одиссеи”» и «Мнимая Навсикая встретила мнимого Одиссея на берегу», что позволило бы снять недоопределенность имен относительно существования.

Внести подражание действительности в смысл мне представляется возможным лишь в косвенном контексте: «Маша видит себя Навсикаей, которая встретила Одиссея на берегу». Если Маша считает Навсикаю действительной, то для адресата сообщения, который считает Навсикаю фикцией, имя «Навсикая» в этой фразе получит смысл с компонентом подражания: «вымышленная Гомером феакийская девушка, которую Маша считает действительной и обладающей такими-то свойствами». Мы осуществили здесь интенционализацию, артикулировав

метафигциональный контекст, а также сделали сообщение о возможной артикуляции другим человеком намерения указать на действительность. Будем считать это косвенной артикуляцией намерения.

8. Смысл и намерение

Итак, решение и действие, воплощающиеся в «движении физических масс», имеют цену, заставляющую стремиться к мысли, а для этого высказывания с мнимыми компонентами проходят интенционализацию и превращаются в предложения, выражающие мысли. При этом данность *de re* сводится к *de dicto*, артикулируется намерение указать на существование или несуществование, вводится метафигциональный контекст.

Суждения Фреге о смысле начиная с фразы «стремление к истине — вот что всегда побуждает нас к переходу от смысла к значению» (Фреге, 2000а, с. 235) имеют общим познавательное движение и побуждение к такому движению. Возможно, тут действует та же интуиция, что стоит за утверждением Лейбница о стремлении всего возможного к реализации. Если смысл есть схватывание «контура» предмета или положения дел, которые могут быть действительными, а могут остаться фикциями, то познавательный интерес и воплощает это стремление. Только теперь речь идет не о чистой возможности, а о заинтересованном субъекте, для которого концепт предмета и мысль являются продуктами совместной работы ума и представления. Их активность вызвана установкой — мечтой, желанием, страхом, любопытством и пр., которая подталкивает интеллектуальную и имагинативную работу в перспективе радикального повышения цены ее результата при обнаружении действительности предмета и истинности соответствующей мысли. В этом познавательном движении к миру задействованы сущности воля говорящего и сила значения (Munton, 2017; Recanati, 2021), без которых нельзя проследить путь от намерения сделать утверждение до решения и действия адресата речи. У Фреге намерение и решение относятся к субъективным представлениям, а действия — к сфере объективного действительного (Мирошниченко, 2003 с. 253).

В силу разделяемого Фреге принципа композициональности, согласно которому значение (смысл) целого есть функция значения (смысла) его частей и способа их соединения, анализ смысла имени следует начинать с анализа смысла предложения, поскольку именно он определяет типы сущностей, выступающие его компонентами. Смысл предложения понимается обычно двояко, а именно как знание условий истинности и как последовательность действий, приводящая к значению. Сам Фреге в «Основных законах арифметики» выражает эпистемическую трактовку: «Не только значение, но и смысл присущ всякому правильно построенному из наших знаков имени. Всякое такое имя истинностного значения *выражает* смысл, *мысль*. Посредством наших определений устанавливается, при каких условиях оно обозначает истину. Смысл этого имени, т. е. *мысль* состоит в том, что эти условия вы-

полнены» (Frege, 1893, S. 50). Создатель фрегеанской логики смысла и денотата Алонзо Чёрч характеризует смысл следующим образом: «о смысле мы говорим, что он определяет денотат или что он есть концепт этого денотата» (Чёрч, 1960, с. 19) и «Смысл предложения можно описать как то, что бывает усвоено, когда понято предложение, или как то, что имеют общего два предложения в *различных* языках если они правильно переводят друг друга. Как и в случае имен, можно понимать смысл предложения и при этом не знать о его денотате (истинностном значении) ничего, кроме того, что оно определяется этим смыслом» (Там же, с. 31–32). Понимание смысла как посредника, как некоторого семантического объекта, ассоциируемого со словом и являющегося как моделью понимания выражения, так и инструментом достижения его выполняющего те или иные условия значения, представлено у Даммитта (Dummett, 1976, p. 217). Предел конкретизации достигается при процедурном понимании смысла (Шанин, 1992, с. 15), а также там, где ему сопоставляются абстрактные алгоритмы (Moschovakis, 1993) и семантические программы (Микиртумов, 2006).

«Переход от смысла к значению», если сам смысл есть знание «условий», при которых мысль истинна, означает переход от знания условий к знанию того, выполнены они или нет. Процедурность имеет общий характер, относящийся к порядку означивания семантических и прагматических параметров, а не к конкретным способам проверки истинности. Поскольку смысл предложения содержит в себе структуру обнаружения его значения во всех версиях смысла отсутствие значения у какого-либо из компонентов блокирует композиционный процесс установления значения целого, парадигмально связанный для Фреге с вычислением, движение к значению останавливается ввиду отсутствия необходимых данных. Этим и исчерпывается ответ на вопрос, почему мнимые мысли у Фреге не являются ни истинными, ни ложными.

Выполнение семантических процедур имеет характер обязательный и принудительный, поскольку семантика принадлежит «внешней» оболочке языка, объективной во фрегевском смысле как общее условие его использования, то есть является «минимальной» (см.: Borg, 2012). Это значит, что если говорящий имеет намерение выразить мысль или мнимую мысль, то эта альтернатива известна и ему самому и любому носителю языка. Но Фреге не проводит формально-онтологического различия между прежде существующими, будущими и вымышленными объектами, поскольку предполагает, что в ходе интенционализации любого высказывания будут выражены мысли, имеющие равную ценность и своим содержанием снимающие различие между бывшим, будущим и никогда не существующим. Содержания, выраженные в предложениях «Сократ участвовал в битве при Потидее в 430 году до н. э.», «Станция “Театральная” петербургского метрополитена будет построена в 2025 году», и «Гомер изобразил Сциллу шестиголовой» еще не доведены до состояния полных мыслей, так как не все обстоятельства именованного артикулированы, но хорошо видно, как это может быть сделано.

9. Заключение

Итак, следуя за Фреге в интерпретации фикций, мы обнаруживаем связь между намерением, смыслом, решением и действием, которую можно кратко представить следующим образом.

В естественном языке имена собственные могут оказаться фикциями, и всякое предложение с именами собственными может нести в себе либо полноценную, либо мнимую мысль. Используя их так, как будто они обозначают что-то действительное, говорящий поступает недобросовестно, но у мнимых выражений есть функции в коммуникации о представлениях и, кроме того, люди могут ошибаться, принимая мнимое за действительное и наоборот, путая представление, понятие и предмет. Предполагая добросовестную коммуникацию, мы ожидаем от говорящего демонстрации намерения вести речь о действительном или о мнимом, а от адресата — распознавания такого намерения. Но, еще не зная о намерении говорящего, мы можем иметь дело с объективно мыслимым содержанием, которое интендировано¹³ говорящим, но которое для того, чтобы стать смыслом предложения и привести к значению, требует означивания параметров контекста, именованного и пр. Такой смысл будет выражен новым предложением, полученным в ходе интенционализации, и смысл этот будет уже объективным, не зависящим ни от каких внешних условий, в частности от действительности или мнимости входящих в него имен. Интенционализация означает артикуляцию отношения именованного и намерения говорящего, а также помещения всех выражений, отсутствие значения которых может блокировать установление значения целого, в косвенный контекст, в частности пропозициональных установок, в котором их смысл играет роль их значения. Так намерение говорящего становится компонентом смысла.

Смысл имени собственного как форма, предназначенная, в свою очередь, быть компонентом смысла предложения, содержит параметр намерения говорящего указать на действительное или фиктивное. Применительно к смыслу конкретного имени, например, «Одиссей» этот параметр остается неозначенным до его употребления в ситуации конкретным говорящим. Таким образом, предполагая, что одни люди считают Одиссея действительным, а другие мнимым, и не имея собственного мнения на этот счет, мы имеем дело со смыслом имени «Одиссей» как с недоопределенным объектом, относительно которого мы, однако, знаем, какой параметр будет означен при его употреблении.

Интенционализация как артикуляция названных выше параметров смысла предшествует у Фреге реализации принципа композициональности. В самом деле, если смысл целого есть функция смысла частей, то все параметры смысла предложения должны прийти вместе с его ком-

¹³ См.: (Микиртумов, 2016).

понентами. Так происходит, например, при строгой реализации принципа композициональности у Ричарда Монтегю (Монтегю, 1981). Фреге же предлагает способы доведения содержания высказывания до мысли посредством переформулировок, которые артикулируют значения параметров компонентов в самом предложении. Лишь после того, как семантические, контекстные и прагматические условия превращаются в элементы содержания, включается композициональность.

Исследование выполнено в рамках проекта Русского общества истории и философии науки, поддержанного грантом РФФ №21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».

Список литературы

- Аристотель. О частях животных / пер. В.П. Карпова. М., 1937.*
Аристотель. Метафизика / пер. А.В. Кубицкого // Соч. : в 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 63–367.
Аристотель. Категории / пер. А.В. Кубицкого // Соч. : в 4 т. М., 1978а. Т. 2. С. 51–89.
Аристотель. Об истолковании / пер. Э.Л. Радлова // Соч. : в 4 т. М., 1978б. Т. 2. С. 91–115.
Аристотель. Вторая аналитика / пер. Б.А. Фохта // Соч. : в 4 т. М., 1978в. Т. 2. С. 255–345.
Аристотель. Физика / пер. В.П. Карпова // Соч. : в 4 т. М., 1981. Т. 3. С. 59–261.
Лейбниц Г.Ф. Размышление о познании, истине и идеях / пер. Э.Л. Радлова // Соч. : в 4 т. М., 1984а. Т. 3. С. 101–107.
Лейбниц Г.Ф. Абсолютно первые истины / пер. Г.Г. Майорова // Соч. : в 4 т. М., 1984б. Т. 3. С. 123–126.
Лейбниц Г.Ф. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла / пер. Ф.А. Смирнова // Соч. : в 4 т. М., 1989. Т. 4.
Микиртумов И.Б. Теория значения и интенциональная логика. СПб., 2006.
Микиртумов И.Б. Некомпозициональность и интендированный смысл // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 48, №2. С. 87–103.
Мирошниченко П.Н. Готтлоб Фреге и логико-философская мысль XIX – начала XX века. Запорожье, 2003.
Монтегю Р. Прагматика и интенциональная логика // Семантика модальных и интенциональных логик / пер. с англ. ; под ред. В.А. Смирнова. М., 1981. С. 223–253.
Платон. Менон / пер. С.А. Ошерова // Соч. : в 4 томах. М., 1990. Т. 1. С. 575–612.
Слинин Я.А. Логическая семантика Аристотеля // Логико-философские штудии. СПб., 2007. Вып. 4 / под ред. Я.А. Слинина, Е.Н. Лисанюк. С. 279–289.
Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1 : От эпических космогоний до возникновения атомистики / изд. подг. А.В. Лебедев.
Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика / пер. с нем. Б.В. Бирюкова ; под ред. З.А. Кузичевой. М., 2000а. С. 230–246.
Фреге Г. Размышления о смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика / под ред. Б.В. Бирюкова, З.А. Кузичевой. М., 2000б. С. 247–252.
Фреге Г. О понятии и предмете // Фреге Г. Логика и логическая семантика / под ред. Б.В. Бирюкова, З.А. Кузичевой. М., 2000в. С. 253–262.

- Фреге Г. Введение в логику // Фреге Г. Логика и логическая семантика / под ред. Б. В. Бирюкова, З. А. Кузичевой. М., 2000г. С. 297–306.
- Фреге Г. Логика. Введение // Фреге Г. Логика и логическая семантика / под ред. Б. В. Бирюкова, З. А. Кузичевой. М., 2000д. С. 307–325.
- Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Фреге Г. Логика и логическая семантика / под ред. Б. В. Бирюкова, З. А. Кузичевой. М., 2000е. С. 326–342.
- Фреге Г. Основоположения арифметики. Логико-математическое исследование о понятии числа / пер. В. А. Суровцева. Томск, 2000ж.
- Чернокутов Ю. Ю. Готтлоб Фреге и логическая традиция // Историко-логические исследования. СПб., 2003. С. 238–265.
- Чёрч А. Введение в математическую логику / пер. В. С. Чернявского ; под ред. В. А. Успенского. М., 1960. Т. 1.
- Шанин Н. А. Некоторые черты математического подхода к проблемам логики // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 1992. Вып. 4. С. 10–20.
- Berto F., Nolan D. Hyperintensionality // Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman [2021]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/hyperintensionality/> (дата обращения: 01.03.2023).
- Borg E. Semantics without Pragmatics? // The Cambridge Handbook of Pragmatics / ed. by K. Allan, K. Jaszczolt. Cambridge NY, 2012. P. 513–528.
- Burge T. Sinning against Frege // Philosophical Review. 1979. Vol. 88, №3. P. 398–432.
- Caplan B. Fregean theories of names from fiction // The Routledge Handbook of Linguistic Reference / ed. by St. Biggs, H. Geirsson. N.Y., 2020. P. 384–396.
- Chakrabarti A. Denying existence. Dordrecht, 1997.
- Devine Ph. The Logic of Fiction // Philosophical Studies. 1974. Vol. 26, №5/6. P. 389–399.
- Dummett M. The Interpretation of Frege's Philosophy. L., 1981.
- Dummett M. Truth and Other Enigmas. Cambridge MA ; Harvard, 1976.
- Frege G. Grundgesetze der Arithmetik. Begriffsschriftlich abgeleitet. Jena, 1893. Bd. 1.
- Heis J. Frege, Lotze, and Boole // The Historical Turn in Analytic Philosophy / ed. by E. H. Reck. L., 2013. P. 113–138.
- Kamp H. Using Proper Names as Intermediaries between Labelled Entity Representations // Erkenntnis. 2015. Vol. 80, №2. P. 263–312.
- Kripke S. A Puzzle about Belief // Meaning and Use. Synthese Language Library / ed. A. Margalit. Dordrecht, 1979. P. 239–283.
- Kripke S. Vacuous names and fictional entities // Philosophical troubles / ed. by S. Kripke. Oxford, 2011. P. 52–74.
- Lenzen W. Frege und Leibniz // Logik und Mathematik / hrsg. von I. Max. Berlin, 1995. S. 82–92.
- Moschovakis Y. Sense and Denotation as Algorithm and Value // Logic Colloquium'90: ASL Summer Meeting in Helsinki. Lecture Notes in Logic / ed. by J. Oikonen, J. Vannan. Heidelberg, 1993. Vol. 2. P. 210–249.
- Munton J. Frege, fiction and force // Synthese. 2017. Vol. 194. P. 3669–3692.
- Ninan D. Naming and epistemic necessity // Noûs. 2019. Vol. 55, №2. P. 334–362.
- Recanati F. Fictional Reference as Simulation // The Language of Fiction Oxford / ed. by E. Maier, A. Stokke. Oxford, 2021. P. 17–36.
- Schiffer S. Belief ascription // Journal of Philosophy. 1992. Vol. 89, №10. P. 499–521.
- The Language of Fiction / ed by E. Maier, A. Stokke. Oxford, 2021.

Об авторе

Иван Борисович Микиртумов, доктор философских наук, Русское общество истории и философии науки, Россия.

E-mail: imikirtumov@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9382-249X

Для цитирования:

Микиртумов И. Б. Как установки и иллокутивная сила становятся компонентами смысла: некоторые следствия из анализа мнимых имен у Фреге // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 48–72. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-3.

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

HOW PRESUPPOSITIONS AND ILLOCUTIONARY FORCE BECOME COMPONENTS OF SENSE: SOME IMPLICATIONS FROM THE ANALYSIS OF FICTITIOUS NAMES IN FREGE'S PHILOSOPHY

I. B. Mikirtumov

Russian Society for the History and Philosophy of Science,
12/1 Goncharnaja St., Moscow, 109240, Russia

Submitted on 20.05.2023

Accepted on 01.07.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-3

Frege's fictitious names possess meaning but lack denotation. Both these names and the sentences containing them are deemed fictitious. Since any proper name can potentially refer to an imaginary entity, it is crucial to consider the speaker's intention. When making a statement, the speaker may refer to the real or the imaginary. In the latter case, the thought cannot be explicitly expressed, and consequently, denotation cannot be reached. In Frege's framework, fictional thoughts hold little significance for decision-making and actions. Therefore, we consistently seek to discern whether the discourse pertains to the real or the imaginary. To make this knowledge accessible, it must be incorporated into the content of a sentence, effectively becoming a thought. However, not every statement expresses a thought, even if it conforms to the structure of a sentence. I will now elucidate three intensionalization procedures that Frege proposes for constructing a sentence that expresses a thought, even if certain components within it lack denotation: the articulation of a naming relation, the formulation of a propositional attitude of intention, and the formulation of a propositional attitude that conveys a metafictional context. Through these methods, the speaker's intent to indicate a real or fictional object becomes a constituent of thought, i.e., the sense of the sentence. Fictions themselves become components of thought when they are found in an indirect context, wherein their sense serves as their denotation. When considered independently, the sense of a proper noun is an entity with a parameter that acquires a value in the specific situation where the name is employed by a particular speaker. Frege's foundational concepts are juxtaposed with certain aspects of Aristotle and Leibniz's doctrines.

Keywords: *Frege, sense, denotation, thought, fiction, naming, propositional attitude, intention.*

References

- Aristotle, 1937. *O chastyakh zhiivotnykh* [About the parts of animals]. Translated by V.P. Karpov. Moscow (in Russ.).
- Aristotle, 1976. *Metaphysics*. In: *Aristotel'. Sobranie sochinenii v 4-kh tomakh* [Aristotle. Collected works in 4 volumes]. Vol. 1. Translated by A.V. Kubitski. Moscow, pp. 63–367 (in Russ.).
- Aristotle, 1978a. *Categories*. In: *Aristotel'. Sobranie sochinenii v 4-kh tomakh* [Aristotle. Collected works in 4 volumes]. Vol. 2. Translated by A.V. Kubitski. Moscow, pp. 51–89 (in Russ.).
- Aristotle, 1978b. *About interpretation*. In: *Aristotel'. Sobranie sochinenii v 4-kh tomakh* [Aristotle. Collected works in 4 volumes]. Vol. 2. Translated by E.V. Radlov. Moscow, pp. 91–115 (in Russ.).
- Aristotle, 1978c. *Second analytics*. In: *Aristotel'. Sobranie sochinenii v 4-kh tomakh* [Aristotle. Collected works in 4 volumes]. Vol. 2. Translated by B.A. Focht. Moscow, pp. 255–345 (in Russ.).
- Aristotle, 1981. *Physics*. In: *Aristotel'. Sobranie sochinenii v 4-kh tomakh* [Aristotle. Collected works in 4 volumes]. Vol. 3. Translated by V.P. Karpov. Moscow, pp. 59–261 (in Russ.).
- Berto, F. and Nolan, D., 2021. *Hyperintensionality*. In: E.N. Zalta and U. Nodelman, eds. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/hyperintensionality/> [Accessed 1 March 2023].
- Borg, E., 2012. *Semantics without Pragmatics?* In: K. Allan and K. Jaszczolt, eds. *The Cambridge Handbook of Pragmatics*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, pp. 513–528.
- Burge, T., 1979. *Sinning against Frege*. *Philosophical Review*, 88 (3), pp. 398–432.
- Caplan, B., 2020. *Fregean theories of names from fiction*. In: St. Biggs and H. Geirsson, eds. *The Routledge Handbook of Linguistic Reference*. New York, pp. 384–396.
- Chakrabarti, A., 1997. *Denying existence*. Dordrecht, Kluwer.
- Chernoskutov, Yu. Yu., 2003. *Gottlob Frege and logical tradition*. In: *Istoriko-logicheskie issledovaniya* [Investigations in the history of logic]. St. Petersburg, pp. 238–265 (in Russ.).
- Church, A., 1960. *Vvedenie v matematicheskuyu logiku* [Introduction to mathematical logic]. Translated by V.S. Chernyavskii. V.A. Uspenskii, ed. Vol. 1. Moscow (in Russ.).
- Devine, Ph., 1974. *The Logic of Fiction*. *Philosophical Studies*, 26 (5/6), pp. 389–399.
- Dummett, M., 1976. *Truth and Other Enigmas*. Cambridge MA, Harvard.
- Dummett, M., 1981. *The Interpretation of Frege's Philosophy*. London, Duckworth.
- Frege, G., 1893. *Grundgesetze der Arithmetik. Begriffsschriftlich abgeleitet*. I. Band, Jena, Verl. von Hermann Pohle.
- Frege, G., 2000a. *On sense and denotation*. In: B.V. Biryukov and Z.A. Kuzicheva, eds. *Gottlob Frege. Logika i logicheskaya semantika* [Gottlob Frege. Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 230–246 (in Russ.).
- Frege, G., 2000b. *Reasoning on sense and denotation*. In: B.V. Biryukov and Z.A. Kuzicheva, eds. *Gottlob Frege. Logika i logicheskaya semantika* [Gottlob Frege. Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 247–252 (in Russ.).
- Frege, G., 2000c. *About concept and thing*. In: B.V. Biryukov and Z.A. Kuzicheva, eds. *Gottlob Frege. Logika i logicheskaya semantika* [Gottlob Frege. Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 253–262 (in Russ.).
- Frege, G., 2000d. *Introduction to logic*. In: B.V. Biryukov and Z.A. Kuzicheva, eds. *Gottlob Frege. Logika i logicheskaya semantika* [Gottlob Frege. Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 297–306 (in Russ.).

Frege, G., 2000e. Logic. Introduction. In: B. V. Biryukov and Z. A. Kuzicheva, eds. *Gottlob Frege. Logika i logicheskaya semantika* [Gottlob Frege. Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 307–325 (in Russ.).

Frege, G., 2000f. Thought. Logical investigation. In: B. V. Biryukov and Z. A. Kuzicheva, eds. *Gottlob Frege. Logika i logicheskaya semantika* [Gottlob Frege. Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 326–342 (in Russ.).

Frege, G., 2000g. *Osnovopolozheniya arifmetiki. Logiko-matematicheskoe issledovanie o ponyatii chisla* [Foundations of arithmetic. Logical and mathematical research on the concept of number]. Translated by V. A. Surovtcev. Tomsk (in Russ.).

Heis, J., 2013. Frege, Lotze, and Boole. In: E. H. Reck, ed. *The Historical Turn in Analytic Philosophy*. Palgrave-Macmillan, pp. 113–138.

Kamp, H., 2015. Using Proper Names as Intermediaries between Labelled Entity Representations. *Erkenntnis*, 80 (2), pp. 263–312, <https://doi.org/10.1007/s10670-014-9701-2>.

Kripke, S., 1979. A Puzzle about Belief. In: A. Margalit, ed. *Meaning and Use*. Dordrecht, pp. 239–283.

Kripke, S., 2011. Vacuous names and fictional entities. In: S. Kripke, ed. *Philosophical troubles*. Oxford, pp. 52–74.

Lebedev, A. V., ed. 1989. *Fragmentsy rannikh grecheskikh filosofov. Chast' 1: Ot epicheskikh kosmogonii do vozniknoveniya atomistiki* [Fragments of early Greek philosopher. Part 1. From epic cosmogonies to the emergence of atomistics]. Moscow (in Russ.).

Leibniz, G. W., 1984a. Reflection on knowledge, truth and ideas. In: G. W. Leibniz, ed. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Papers in four volumes]. Vol. 3. Translated by E. L. Radlov. Moscow, pp. 101–107 (in Russ.).

Leibniz, G. W., 1984b. Absolutely the first truths. In: G. W. Leibniz, ed. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Papers in four volumes]. Vol. 3. Translated by G. G. Mayorov. Moscow, pp. 123–126 (in Russ.).

Leibniz, G. W., 1989. Experiments of theodicy about the goodness of God, the freedom of man and the beginning of evil. In: G. W. Leibniz, ed. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Papers in four volumes]. Vol. 4. Translated by F. A. Smirnov. Moscow (in Russ.).

Lenzen, W., 1995. Frege und Leibniz. In: I. Max, ed. *Logik und Mathematik*. Berlin, De Gruyter, pp. 82–92.

Maier, E. and Stokke, A., eds., 2021. *The Language of Fiction*. Oxford University Press.

Mikirtumov, I. B., 2006. *Teoriya znacheniya i intensional'naya logika* [Meaning theory and intensional logic]. St. Petersburg (in Russ.).

Mikirtumov, I. B., 2016. Non-compositionality and intended sense. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 48 (2), pp. 87–103 (in Russ.).

Miroshnichenko, P. N., 2003. *Gottlob Frege i logiko-filosofskaya mysl' XIX – nachala XX veka* [Gottlob Frege and logic-philosophical conceptions of 19th and early 20th centuries]. Zaporozhye (in Russ.).

Montague, R., 1981. Pragmatics and intensional logic. In: V. A. Smirnov, ed. *Semantika modal'nykh i intensional'nykh logik* [Semantics of modal and nonextensional logics]. Translated V. A. Smirnov. Moscow, pp. 223–253 (in Russ.).

Moschovakis, Y., 1993. Sense and Denotation as Algorithm and Value. In: J. Oikkonen and J. Vannan, eds. *Logic Colloquium'90: ASL Summer Meeting in Helsinki. Lecture Notes in Logic*. Vol. 2. Heidelberg, pp. 210–249.

Munton, J., 2017. Frege, fiction and force. *Synthese*, 194, pp. 3669–3692, <https://doi.org/10.1007/s11229-016-1117-x>.

Ninan, D., 2019. Naming and epistemic necessity. *Noûs*, 55 (2), pp. 334–362, <https://doi.org/10.1111/nous.12314>.

Plato, 1990. Menon. In: Plato, ed. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Papers in four volumes]. Vol. 1. Translated by S. A. Osherov. Moscow, pp. 575–612 (in Russ.).

Recanati, F., 2021. Fictional Reference as Simulation. In: E. Maier and A. Stokke, eds. *The Language of Fiction*. Oxford University Press, pp. 17–36, <https://doi.org/10.1093/oso/9780198846376.003.0002>.

Schiffer, S., 1992. Belief ascription. *Journal of Philosophy*, 89 (10), pp. 499–521.

Shanin, N. A., 1992. Some features of the mathematical approach to the problems of logic. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University], 6 (4), pp. 10–20 (in Russ.).

Slinin, Ya. A., 2007. Aristotle's logical semantics. *Logiko-filosofskie shtudii* [Logical and philosophical studies], 4, pp. 279–289 (in Russ.).

The author

Dr. Ivan B. Mikirtumov, Professor, Russian Society for the History and Philosophy of Science, Russia.

E-mail: imikirtumov@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9382-249X

To cite this article:

Mikirtumov, I. B., 2023, How presuppositions and illocutionary force become components of sense: some implications from the analysis of fictitious names in Frege's philosophy, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 4, pp. 48–72. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-3.

ПРИПИСЫВАНИЕ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК *de re* КАК СРЕДСТВО УБЕЖДЕНИЯ

Д. Б. Тискин¹, К. Г. Фролов²

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург),

Россия, 190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16
² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 109028, Москва, Покровский бульвар, д. 11
Поступила в редакцию: 28.03.2023 г.
Принята к публикации: 17.06.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-4

Приписывание пропозициональных установок de re в риторических целях представляет собой произнесение высказывания с модальностью, в рамках которого говорящим сознательно используется дескрипция объекта пропозициональной установки, заведомо недоступная носителю этой пропозициональной установки. Выявление класса риторических de re ставит перед нами два вопроса, поиск ответов на которые представляет собой основную задачу данного исследования. (1) Произносит ли говорящий в случае употребления им риторического de re ложное в теоретико-модельном смысле суждение? (2) Обоснованно ли отнесение риторических de re к числу риторических уловок, вводящих адресата в заблуждение?

Авторы утверждают и доказывают, что на первый вопрос допустим утвердительный ответ, тогда как на второй следует отвечать отрицательно. Решение вопроса о том, является ли тот или иной случай риторического de re уловкой и манипуляцией, зависит не от того, будет ли произносимое суждение заведомо ложным для говорящего, а от того, будет ли оно для него заведомо неприемлемым. В случае, когда сам говорящий оценивает приводимый им довод в качестве приемлемого, нет никаких оснований признавать такое коммуникативное действие уловкой или манипуляцией вне зависимости от того, каково теоретико-модельное истинностное значение произнесенного говорящим суждения. Таким образом, традиционно признаваемые истинностный и восходящий к работам Фреге эпистемологический аспекты интерпретации высказываний об установках должны быть дополнены риторическим аспектом.

Ключевые слова: семантика, пропозициональные установки, интенциональные контексты, практическая аргументация, истинность, приемлемость

Введение

Неоднозначности в высказываниях с интенциональными операторами, такими как глаголы пропозициональных установок или модальные термины типа *необходимо*, с рубежа XIX—XX веков являются привычным объектом семантического исследования. Например:

(1) Необходимо, что император Японии является сыном предыдущего императора.

(2) Маша думает, что император Японии — китаец.

Хорошо известно, что предложение (1) может быть интерпретировано как минимум двояко (Quine, 1953). С одной стороны, оно может быть истолковано как утверждающее необходимость для любого японского императора быть сыном предыдущего (что неверно). С другой — оно же может быть интерпретировано как утверждение о том, что нынешний император с необходимостью является сыном предыдущего. Такая необходимость в данном случае предполагает, что происхождение от данных родителей представляет собой неотъемлемое, существенное свойство личности (ср.: Kripke, 1980, p. 112). Первую из названных интерпретаций называют *de dicto*, вторую — *de re*.

Утверждение (2) также может пониматься несколькими способами (Quine, 1956). Либо *de dicto*: Маша думает, что, кто бы ни был японским императором, он китаец. Возможно, она просто не знает, что Япония не часть Китая. Либо *de re*: Маша полагает о конкретном человеке, Нарухито, которому случилось быть императором Японии (чего Маша может и не знать), что он китаец. Обширная литература (Fodor, 1970; Schwager, 2009; Schwarz, 2012; Demirok, 2019; Percus, 2021 и др.) посвящена возможности иных интерпретаций примеров типа (2). Например, такой, в рамках которой Маша может полагать, что глава японского государства, кто бы он ни был, — китаец, не зная при этом, что главой японского государства является император.

Чаще всего исследование неоднозначностей, характерных для модальных контекстов, касается того, какие интерпретации оказываются возможными и уместными в зависимости от тех или иных синтаксических или прагматических условий. Другое направление исследований — установление того, на каких основаниях адресат выбирает одну из синтаксически возможных интерпретаций, исходя из допущения о том, что интерпретируемая решлика была кооперативна (ср. для случаев неоднозначного разрешения анафоры и неоднозначной трактовки отрицания в: (Долгоруков, 2015, с. 40–56)).

Однако очевидно, что выбор между различными коммуникативными стратегиями осуществляет не только адресат, но и говорящий, то есть тот, кто избирает в качестве способа выражения своих мыслей ту или иную логическую форму приписывания пропозициональной установки. Так, в примере выше говорящий мог бы охарактеризовать установку Маши следующим образом:

(2') Маша думает, что тот, о ком она думает и кто на самом деле император Японии, — китаец.

При этом выбор говорящего в пользу приписывания агенту пропозициональной установки *de re* по типу (2), а не (2') может быть продиктован не только стремлением к экономии затрачиваемых выразительных средств, но и стремлением к достижению особого воздействия на аудиторию или отдельного слушателя. Такого рода случаи приписывания пропозициональных установок *de re* мы предлагаем называть *риторическими de re*. Мы определяем их следующим образом: риторические *de re* — это такие приписывания пропозициональных установок *de re*, в

рамках которых говорящий в риторических целях использует такое обозначение объекта пропозициональной установки, которое заведомо недоступно носителю этой пропозициональной установки.

Выявление класса риторических *de re* ставит перед нами два вопроса, поиск ответов на которые стал основной задачей данного исследования. Эти вопросы таковы.

(I) Произносит ли говорящий в случае употребления им риторического *de re* ложное в теоретико-модельном смысле суждение?

(II) Обоснованно ли отнесение риторических *de re* к числу риторических уловок, способных эффективным образом вводить адресата в заблуждение?

Наш основной тезис заключается в том, что использование говорящим риторических *de re* представляет собой технику достижения определенного риторического и прагматического результата — убеждения. Такая прагматическая цель заведомо отлична от цели корректного информирования адресата о содержании той или иной пропозициональной установки некоторого агента.

Структура статьи такова. В первом разделе обсуждается данное выше определение риторических *de re* и показывается, что интересующие нас употребления образуют класс, обычно не выделяемый в теориях интерпретации высказываний об установках. Во втором разделе мы представим некоторые современные подходы к интерпретации модальных контекстов *de re*. В третьем разделе мы рассмотрим возможные риторические эффекты, возникающие при приписывании говорящим пропозициональных установок *de re*. Уместно предположить, что эти эффекты неслучайны, и стремление к их возникновению может служить основанием для говорящего избрать именно такую форму выражения своих мыслей. Наконец, в четвертом разделе будет дан ответ на вопрос о том, следует ли относить риторические *de re* к формам корректной коммуникации или же их использование представляет собой уловку, достигающую своей цели негодными средствами.

1. От идей Фреге к идее континуума интеграции

Возможность терминологических трансформаций при передаче в косвенной речи чужих пропозициональных установок была известна еще Г. Фреге. Он пишет:

В предложении «Бебель воображает, будто посредством возврата Эльзас-Лотарингии можно ослабить реваншистские устремления Франции» выражены две мысли, про которые неверно было бы сказать, что одна из них принадлежит главному, а другая — придаточному предложению; эти две мысли таковы:

- 1) Бебель думает, что посредством возврата Эльзас-Лотарингии можно ослабить реваншистские устремления Франции;
- 2) посредством возврата Эльзас-Лотарингии реваншистские устремления Франции не могут быть ослаблены (Фреге, 2000, с. 244 – 245).

Здесь говорящему известны факты 1) и 2), на основании знания которых он формулирует собственное суждение, описывающее установку Бебеля таким образом, с которым сам Бебель наверняка бы не согласился. Ведь приписываемой установкой в данном случае оказывается установка *воображает, будто*. Тем самым пример Фреге демонстрирует допустимость при определенных обстоятельствах замены говорящим терминов, которыми свою установку охарактеризовал бы сам агент. Более того, такая замена при переходе от 1) к произносимому суждению очевидным образом осуществляется говорящим в риторических целях с тем, чтобы отсечь перед лицом слушателя всякую возможность правоты Бебеля.

В рамках данного исследования мы намерены продвинуться в изучении подобных случаев, допускающих замену терминов при передаче говорящим пропозициональной установки другого агента в форме косвенного контекста. Однако фокус нашего внимания будет смещен с замены терминов, характеризующих тип установки, на случаи замены терминов, характеризующих непосредственно само содержание описываемой установки, причем осуществляются такие замены говорящим с риторической целью.

Тем не менее определение таких риторических *de re*, данное во введении, немедленно наталкивается на возражение: не является ли любое приписывание установки *de re* (относительно какого-либо выражения в сфере действия интенционального предиката) «риторическим» в нашем смысле? Не будет ли таковым, например, высказывание (3) с учетом того, что древние астрономы не отождествляли вечернее и утреннее явление Венеры (ср.: Фреге, 2000)? Ведь и здесь термин *Вечерняя Звезда* употреблен в таком месте, где сами древние астрономы употребили бы свой эквивалент термина *Утренняя Звезда*.

(3) Древние астрономы думали, что Вечерняя Звезда видна утром.

Наш ответ на это возражение состоит из двух частей. Во-первых, не во всех случаях приписывания установок *de re* используемое обозначение недоступно самому носителю установки, то есть не могло бы быть использовано им самим. Например, произнося *Древние астрономы думали, что Утренняя Звезда видна утром*, я произношу нечто истинное одновременно *de re* и *de dicto* — то есть одновременно относительно объекта, который и я мог бы назвать Утренней Звездой, и с учетом того, как выразили бы свое убеждение сами древние. Такие случаи в дальнейшем рассматриваться не будут.

Во-вторых, верно, что уже в примере (3) дескриптивное содержание, ассоциируемое с именем *Вечерняя Звезда*, отличается от мыслимого в имени *Утренняя Звезда* (откуда, по Г. Фреге, и различия в «познавательной ценности» высказываний, различающихся этими именами). Но мера, в которой такое дескриптивное содержание оказывается частью значения, передаваемого конкретным высказыванием, то есть в которой оно влияет на наше согласие с высказыванием, на готовность трактовать его как истинное или ложное, различна. При интерпретации *de*

dicto это содержание прямо приписывается носителю установки как часть его ментального состояния — выбор выражения, по Фреге, показывает «способ данности» предмета мысли (в этом случае — носителю установки). Но даже при интерпретации *de re* в примере (3) слушающий может трактовать компонент значения ‘то, что видно вечером’ по-разному. При одной из возможных трактовок этот компонент будет понят как значимый для передачи убеждения древних астрономов — например, как если бы утверждалось, что они использовали пусть не эту, но какую-то связанную дескрипцию. Тогда выбор обозначения *Вечерняя Звезда* — это не точная передача ментального состояния древних, но «подсказка», по которой слушающий может опознать некоторые важные для целей разговора его аспекты (приблизительно в том смысле, в каком К. Бах (Bach, 1997) утверждает, что высказывания об установках призваны не передавать ментальные состояния в точности, а указывать на релевантные на текущий момент стороны этих состояний в отличие от тех, которых носитель установки не имеет). Однако этот же компонент может трактоваться как лишь наводящий слушающего на правильную идентификацию «вещи», *res*, на которую, по мнению говорящего, было направлено убеждение древних. Здесь ни в какой мере не утверждается, что древние думали об этом объекте как о ‘том, что видно вечером’ или хотя бы сходным образом или даже что они думали так о чем-либо — что в их распоряжении было понятие, передаваемое по-русски как ‘то, что видно вечером’ или подобное ему. (Здесь подходящей аналогией будут уже не взгляды Фреге или Баха, а распространенная среди последователей Дж. Ст. Милля, таких как Н. Салмон (Salmon, 1989), точка зрения на дескриптивные термины, согласно которой термин вносит в значение предложения, куда входит, только свой референт.)

Граница между этими случаями не является четкой; более того, вероятно, как раз ее нечеткость позволяет использовать приписывание установок *de re* риторически — как средство убеждения, пользуясь недоопределенностью, которая при этом возникает. Можно сказать, что наше исследование стремится внести вклад в изучение «континуума интеграции» содержания термина в приписываемое носителю ментальное состояние — в особенности прагматических оснований для тех употреблений, которые составляют «дальний», описанный последним конец этого континуума. Обсуждение таких употреблений уводит от фрегевского вопроса об информации, которой располагает носитель установки, и от вопросов об условиях истинности высказываний об установках к вопросу об условиях их приемлемости.

2. *De re* и знакомство

В известном примере Э. Сосы (Sosa, 1970) младший командир передает своему солдату приказ старшего командира в следующей форме:

(4) Шорти, они хотят, чтобы первым пошел ты.

При этом старший офицер не имеет представления о том, кто именно служит под началом младшего, и хочет только, чтобы самый низкорослый солдат пошел первым, — допустим, этого требует в конкретном случае военная наука.

Этот пример трактовался как самим автором, так и последующей традицией как демонстрация того, что должно быть ослаблено или оснащено исключениями правило, согласно которому установка *de re* может быть приписана агенту только тогда, когда говорящий признаёт между агентом — носителем установки и предметом этой установки отношение эпистемического знакомства. Это отношение и его место в эпистемологии понимаются в таких случаях по примеру классической статьи Б. Рассела (Russell, 1910). Однако в той же статье Рассел утверждает, что подлинное, когнитивно насыщенное знакомство с вещью — явление редкое. Тем не менее наш способ говорить о вещах в естественном языке, в частности приписывание установок *de re*, выглядит так, как если бы знакомство было легко возможно, и в обыденном языке мы не используем разные способы выражения в ситуациях, когда знакомство по-расселовски подлинное и когда оно не дотягивает до этого стандарта.

Но верна ли вообще характеристика интерпретаций *de re* как обязательно связанных со знакомством? Выше мы уже заметили, что пример Сосы намечает два пути модификации этого условия. Во-первых, можно сказать, что такое знакомство обыкновенно имеет место при интерпретациях *de re*, но в данном случае (а точнее, во всех случаях, имеющих с примером Сосы существенные общие признаки) не работает. Здесь требование знакомства отменяется или ослабляется до требования знакомства с тем, кто знаком с *res*, — знакомства старшего командира с младшим. Во-вторых, можно сказать, что никакого требования знакомства и в общем случае не существует, а ситуации, в которых приписывание установки *de re* возможно и знакомство есть, являются лишь частными проявлениями какого-то другого принципа, который руководит таким приписыванием.

Второй путь получил уже некоторое освещение в литературе. В последние десятилетия вышел целый ряд публикаций, посвященных «нестандартным» интерпретациям *de re*, то есть таким, в которых *res* является не индивид, а свойство или пропозиция (как в том варианте интерпретации примера (2), где Маша не знала, что главой японского государства является император). Авторы некоторых из этих публикаций обращали внимание на тот факт, что загадка таких интерпретаций разрешается, если отказаться от дихотомии «*de dicto* — *de re*» и считать, что эти интерпретации отличаются от обычных *de dicto* не семантически, а прагматически ((Schwager, 2009; Sudo, 2014; Tiskin, 2016; Blumberg, Lederman 2021), не считая более ранних упоминаний сходных идей, таких как (van Fraassen 1979; Parikh 1998)). Эти публикации на разный лад предполагают, что нормы коммуникации позволяют иногда использовать вместо истинного высказывания об установке *de dicto* другое высказывание об установке *de dicto*. Или даже иначе: вместо истинного высказывания об одной установке *de dicto* высказывание о другой установке *de dicto*. Такие замены, как утверждается, проходят, если эти приписывания контекстно эквивалентны друг другу.

Чтобы указать на интересующий нас смысл контекстной эквивалентности, представим себе, что нам известно, что Маша и Петя — супруги, которые живут вместе и никогда не разлучаются. Тогда если нам говорят: *Алла сейчас в гостях у Маши*, это высказывание несет для нас ту же информацию о ситуации, что и высказывание *Алла сейчас в гостях у Пети*. Будь нам неизвестно, что Маша и Петя живут вместе, то есть будь для нас возможные миры, где это не так, неисключенными возможностями, вклад этих высказываний в наше информационное состояние был бы различен сообразно их собственно-языковому значению. Однако на усеченном множестве миров, соответствующем нашим фоновым знаниям, эти два высказывания, отсекая миры, где Алла не в гостях у Маши / Пети, оставляют в качестве альтернативных возможностей одно и то же множество миров.

Возьмем теперь пример Сосы (4). Пусть и младшему командиру, и Шорти известно, что Шорти — самый низкорослый в подразделении. Кроме того, ясно, что если старший офицер отдает приказ (пусть даже он описан как «желание»), то придется подчиниться. Тогда и для Шорти, и для младшего командира узнать, что старший командир желает, чтобы первым пошел самый низкорослый (кто бы он ни был), и узнать, что старший командир желает, чтобы пошёл Шорти, — одно и то же. И для Шорти, и для младшего командира эти два описания желания старшего командира оказываются контекстно эквивалентны даже в том случае, если для самого старшего командира желать этих двух вещей — это вовсе не одно и то же.

Этот коммуникативный эффект нуждается в объяснении, и оно заключается в следующем. Ясно, что *чтобы самый низкорослый пошел первым* и *чтобы Шорти пошел первым* задают различные классы возможных миров, где они выполняются, поскольку в разных возможных мирах различные солдаты являются самыми низкорослыми в подразделении. Однако если мы заранее проигнорируем — фактически выбросим из универсума — те миры, в которых самый низкорослый не Шорти (ведь и мы, и адресат знаем, что это Шорти, так что остальные альтернативы для нас контекстуально нерелевантны), то эти две пропозиции будут задавать на урезанном универсуме одно и то же множество миров!

Со стандартной теоретико-модельной точки зрения такое усечение говорящим (в данном случае — младшим командиром) универсума возможных миров выглядит небезупречно. Ведь пропозициональная установка приписывается старшему командиру, поэтому ее содержанию должен соответствовать класс миров, докрасически достижимых именно для старшего командира. Если же содержание его установки характеризуется младшим командиром с использованием самовольного усечения универсума достижимых альтернатив, то получающееся в результате описание установки старшего командира оказывается попросту ложным в теоретико-модельном смысле суждением.

Однако дело в том, что прагматической целью младшего командира в описываемом акте коммуникации является не точная передача содержания пропозициональной установки старшего командира, а пере-

дача приказа, то есть склонение адресата к действию. И для достижения этой прагматической цели произнесение (4) контекстуально оказывается вполне приемлемым, эффективным и достаточным средством, что как бы легитимирует факт игнорирования младшим командиром заведомо нерелевантных альтернатив в рамках данного акта коммуникации.

Недавняя работа (Blumberg, Lederman, 2021) уточняет механизм такого игнорирования, утверждая, что игнорируются миры, соответствующие неправильным ответам на некоторый актуальный в контексте вопрос. В нашем случае этим вопросом может быть *Кто самый низкорослый солдат в подразделении?* Однако затем авторам приходится усложнить предложенный ими механизм с учетом того обстоятельства, что ответ, который полагает верным носитель установки, может не совпадать с тем, который ему приписывает говорящий. Тем не менее мы вынуждены отвлечься от этой существенной детали.

Теперь нам потребуется приложить совсем немного усилий, чтобы распространить идею игнорирования на классический пример У. Куайна (Quine, 1956):

(5) Ральф полагает, что Орткатт — шпион.

Традиционная идея, воплощенная, в частности, Д. Капланом (Kaplan, 1968), состоит в том, что семантика (5) приписывает Ральфу отношение знакомства с Орткаттом; тогда в буквальном понимании это высказывание оказывается ложным в том случае, если Ральф «недостаточно» знаком с Орткаттом. Кроме того, этот классический анализ усматривает синтаксическое различие (а также различие на уровне логической формы) между интересующей нас интерпретацией *de re* и интерпретацией *de dicto*, при которой Ральф придерживается убеждения, которое он и сам сформулировал бы как *Орткатт — шпион*.

Анализ на основании понятия контекстной эквивалентности в данном случае утверждает следующее: приписывание установки *de re* относительно Орткатта представляет собой не что иное, как приписывание установки *de dicto* на заранее усеченном множестве альтернатив. То есть на таком множестве, из которого говорящим исключены все те альтернативы, где индивид, который был в суде в такой-то момент и в таком-то месте, не есть Орткатт. Пользуясь выражением М. Кауфман (Schwager, 2009), можно сказать такое приписывание обоснованно, поскольку оно остается «соответствующим» (faithful to) установке Ральфа.

3. Риторический потенциал *de re*

Пока что мы выбирали между ослаблением требования знакомства для какой-то группы случаев и отказом от него с пересмотром механизма приписывания установок, обычно характеризуемых как *de re*. Нет ли третьего пути?

Чтобы говорить об этом, рассмотрим еще один пример. Предположим, я беседую с другом, который увлекается игрой на бирже, хотя и не

заработал себе этим значительного состояния. Мне представляется, что деятельность эта рискованная, и я, вспомнив недавно прочитанный прогноз, говорю:

(6) Всемирный банк полагает, что ты можешь обанкротиться в следующем году.

Разумеется, Всемирный банк не обращает внимания на отдельных игроков вроде моего друга, поскольку их индивидуальное влияние на экономику ничтожно. Маловероятно также, чтобы прогноз выглядел как *Возможно, что все мелкие биржевые игроки обанкротятся в следующем году*, откуда *Возможно, что мой друг обанкротится в следующем году* следовало бы логически при допущении о том, что мой друг — мелкий биржевой игрок. Такой прогноз был бы, пожалуй, слишком смел. Реалистично допустить, что прогноз имел вид *Для любого мелкого биржевого игрока возможно, что он обанкротится в следующем году*. Из содержания этого убеждения при (неизвестном банку, но известном мне и не противоречащем убеждениям банка) допущении, что мой друг — мелкий биржевой игрок, также следует: *Возможно, что мой друг обанкротится в следующем году*. Тем не менее говорю я не это: я не просто говорю, что если бы убеждение банка было истинно, то из него при некотором допущении следовало бы *Возможно, что мой друг обанкротится*. Вместо это я приписываю это последнее в качестве убеждения самому Всемирному банку, который и не знаком с моим другом, и не имеет для него подходящего индивидуального концепта или даже убеждения насчет того, что он существует¹. Лгу ли я в таком случае, произнося (6)?

Наше предположение состоит в том, что такой выбор способа передать установку Всемирного банка имеет целью произвести на слушателя особый риторический эффект, направленный на повышение убедительности приводимых доводов к действию. Почему приписывание банку установки специфически относительно моего друга может иметь такой эффект по сравнению с буквальной передачей прогноза? Ведь из содержания корректно переданного прогноза Всемирного банка друг и сам мог бы без труда заключить, что ему как мелкому биржевому игроку угрожает опасность банкротства.

Это так, и все же хорошо известна ограниченная рациональность типичного носителя установок: так, математик может иметь на руках все аксиомы и правила вывода, используемые в той или иной теории, и все же не видеть до поры ни интересной теоремы, ни пути ее доказательства (см. в том числе: Egré, 2014). Аналогичным образом человек, принимающий важное практическое решение, может быть осведомлен обо всех существенных обстоятельствах и все-таки не догадаться о какой-то связи, которая должна была бы играть в его решении существенную роль. В отдельных случаях мы можем иметь убеждение относительно какого-то множества и не отдавать себе отчета в том, что оно

¹ Последнее требовалось бы, чтобы он имел хотя бы убеждение *de dicto*, составной частью которого было бы понятие о моем друге.

применимо к важному для нас элементу этого множества. Наконец — это близко к нашему случаю — мы можем просто не знать о существовании этого элемента. Распространится ли наше убеждение обо всех элементах множества и на этот новый для меня элемент, когда мы о нем узнаем? Не при всяком способе обновления убеждений. Например, если наше убеждение относительно всех зиждется не на вере в общий закон, охватывающий их все, а на частных данных про каждый из них, то новый элемент совсем не обязан подпасть под то же обобщение. В этом случае общий для множества закон не имеет никакого обоснования, опирающегося на общие же соображения, а вытекает только из перебора элементов множества. Естественно, тогда ничто не мешает отказаться от закона, если в множестве появится элемент с другими свойствами². Кроме того, не все рассуждения монотонны: бывает так, что рассуждение принимается за верное *ceteris paribus* — до тех пор, пока мы не узнаем о том, что перед нами исключительный случай, который как бы отменяет связь между посылкой и заключением. Вот и Всемирный банк, — может рассудить наш собеседник, — узнав о нем, может быть, переменяет свой прогноз или почему-нибудь сделал для него «немонотонное» исключение. Преподнося прогноз банка как высказанный о конкретном лице, мы исключаем для него возможность такого сомнения, точнее (все-таки возможно, что он разгадает наш маневр), снижаем его вероятность.

Таким образом, мы полагаем, что в случае успешности коммуникации в описанном сценарии на собеседника будет произведен особый риторический эффект. Это сближает использование риторических *de re*, не предполагающих знакомства и даже знания носителя установки о предмете данной установки, с риторическими приемами, которыми пестрят пособия по критическому мышлению³. Но такое решение оставляет в стороне вопрос об истинности (6) в описанной ситуации. Теории неканонических *de re*, апеллирующие к контекстной эквивалентности, могли бы отстаивать буквальную истинность сказанного, пусть и в специфическом режиме интерпретации — на неполном универсуме возможных миров, из которого устранены некоторые миры, в действительности входящие в число докастических альтернатив, достижимых для Всемирного банка. Например, такие, где моего друга не существует или он не играет на бирже. Другие варианты — это счесть, что в (6) я высказал нечто истинное, но истинное не буквально, а, допустим, метафорически, либо счесть, что я высказал лишь нечто ложное. В последнем случае прием с заменой интенционального объекта трактуется уже не просто как риторическое ухищрение, а как прямая ошибка: ведь я осуществил замену терминов внутри интенционального контекста, — или как сознательная уловка в том случае, если я осознавал, что озвучиваемый мною вывод, вообще говоря, не следует из известных мне посылок.

² Это напоминает представления Д. Юма и Д. Льюиса о законах природы, см.: (Lewis, 1981).

³ См., напр.: (Bowell, Cowan, Kemp, 2019, ch. 2), где риторические приемы определяются как способы убеждения, не предполагающие рациональной аргументации.

4. *De re* и практическая аргументация

Чем тогда измерить границы дозволенного в употреблении примеров типа (6)? С прагматической точки зрения требование поддержания истинности произносимого не является единственным критерием дозволенного. Как уже было отмечено, одна из теорий *de re*, основанных на контекстуальной эквивалентности, скорее оперирует понятием «соответствия» ментальному состоянию носителя установки⁴ (*faithfulness*, см.: (Schwager, 2009)), а как соответствующее в разных ситуациях может быть воспринято разное — и необязательно буквально истинное. Впрочем, возможность «переключения» восприятия высказывания об установке *de re* как истинного на восприятие этого же высказывания в качестве ложного отмечалось давно (Quine, 1956; Aloni, 2001).

Приведем такой пример. Пусть Ральф регулярно в одно и то же время в одном и том же месте видит человека в плаще (Оркатта) и полагает, что это шпион. Мэтт и Оркатт действительно являются шпионами-напарниками. Как-то раз Мэтт, Ральф и Оркатт, в котором Ральф не узнает человека в плаще, совместно отдыхают на пляже и хорошо проводят время. Ральф рассказывает своим компаньонам о том, что он регулярно в определенном месте видит человека в плаще, которого он полагает шпионом и в отношении которого он имеет веские основания для того, чтобы сдать того властям. Мэтт и Оркатт понимают, что человек, о котором говорит Ральф, — это Оркатт. Мэтт отводит Оркатта в сторону и говорит ему:

(7) Нам следует убить Ральфа, потому что он знает, что ты шпион, и имеет основания сдать тебя властям.

Оркатт соглашается с Мэттом. Оркатт оценивает аргумент Мэтта как приемлемый, релевантный и достаточный.

Что интересно, Оркатт вполне мог бы не согласиться с Мэттом и сказать:

(8) Ничего подобного, Ральф не знает, что я шпион, и не имеет оснований сдать меня властям, поэтому у нас нет оснований его убивать.

Г. Фреге пишет по схожему поводу следующее:

Кажется, почти всегда мы соединяем с главной мыслью, которую мы выражаем, сопутствующие, побочные мысли, которые, хотя они и не выражаются в языке, по законам психологии слушатель связывает с нашими словами. Поскольку они сами по себе часто оказываются связанными с нашими словами почти так же тесно, как и сама главная мысль, возникает желание считать их также содержащимися в предложении. Тем самым смысл предложения становится богаче, и, пожалуй, может статься, что мы будем иметь больше простых мыслей, чем простых предложений. В одних

⁴ На это обстоятельство наше внимание в свое время обратил Т. Э. Циммерман.

случаях данное предложение надо понимать так, как мы описали выше, а в других случаях может возникнуть сомнение, относится ли побочная мысль к смыслу предложения или только сопутствует ему (Фреге, 2000, с. 244).

Развивая эти идеи, мы могли бы сказать, что в некоторых случаях оказывается столь же трудно определить, сопутствует ли та или иная мысль смыслу данного предложения или не сопутствует. В нашем случае — сопутствует ли устойчивым образом предложению *Ральф знает, что ты шпион* мысль ‘Ральф способен опознать тебя по лицу в качестве шпиона’? Как кажется, в данном случае никаких устойчивых коннотаций нет, что делает истинностную оценку соответствующего предложения ситуативной и в строгом смысле даже проблематичной.

Однако, на наш взгляд, то, что происходит в случае разногласия между Мэтгом и Оркаттом, — это вообще не расхождение в оценке истинностного значения произнесенного Мэтгом высказывания, а расхождение в оценке приемлемости предъявленного Мэттом практического аргумента. Ведь и Мэтт, и Оркатт знают все релевантные факты, оба в равной мере являются носителями языка, а потому не могли бы так грубо расходиться в оценке истинностных значений. Оценка истинностного значения высказывания — это не то, что Мэтт и Оркатт проделывают в данном случае. Скорее они оценивают риски провала их операции и совместно решают, что им следует делать в этой ситуации.

Что же до истинностной оценки интенционального контекста, входящего в (7), то она оказывается зависимой от модели оценивания, значимые параметры которой (условия истинности для модальных контекстов) могут отличаться от агента к агенту. Агенты — Мэтт и Оркатт — здесь выступают в качестве своеобразных «носителей моделей». Как следствие, агенты, используя различные модели оценивания, потенциально способны расходиться между собой в истинностных оценках риторических *de re*, даже располагая одинаковым набором известных им фактов. Ведь факты-то им известны, но даже им самим может быть до поры до времени неизвестна используемая каждым из них модель истинностного оценивания некоторых модальных контекстов. Тем самым каждому из них может быть до поры до времени неизвестно, что они понимают под термином *знает* и каким образом они склонны его употреблять. И только на опыте и, быть может, даже в диалоге, а то и в дискуссии агенты вдруг обнаруживают себя придерживающимися того или иного критерия знания в явном виде. И все же подобного рода семантическая казуистика, переводящая содержательную дискуссию в семантическое русло, как правило, не свойственна реальным агентам в практике повседневной коммуникации.

Другой критерий приемлемости риторических *de re*, подсказываемый теориями типа (Blumberg, Lederman, 2021), — это коммуникативная успешность. Под такого рода успешностью мы понимаем произведение на адресата того же эффекта и достижение того же прагматического результата, к которому привело бы произнесение истинного в теоретико-модельном смысле высказывания в интерпретации *de dicto*.

Частным случаем такого воздействия будет достижение желаемого убеждающего эффекта, к тому же таким способом, который адресат, если бы впоследствии у него была возможность оценить состоявшуюся коммуникацию не торопясь и имея в распоряжении все фактические детали, счел бы не совсем нечестным, даже если и несколько неряшливым. Возможно, особенно легко закрыть глаза на небольшую «натяжку» (такую, как отсутствие у Маши знания о том, что Нарухито — именно император, или у банка — о том, что мой друг существует и играет на бирже) в случаях практической аргументации. Ведь целью практической аргументации заведомо является не столько формирование у собеседника определенного убеждения, сколько формирование у него намерения осуществить то или иное действие.

В связи с этим полезно уделить особое внимание интерпретациям *de re* для высказываний с деонтической модальностью, которая обыкновенно не описывается как «агентная», то есть необходимо связанная с ментальным состоянием (убеждением, желанием, опасением) того или иного агента. Хотя у нормы вполне может быть автор, но возможные расхождения между представлениями о фактах мира у автора нормативного кодекса и тех, кто будет его исполнять, нечасто попадают в сферу внимания теоретиков. Тем не менее неоднозначности, по форме сходные с высказываниями об убеждениях, есть и здесь. Допустим, в рамках дискуссии о необходимости вакцинации (ср. также: Фролов, 2022) говорящий произносит (9):

(9) Для скорейшего достижения коллективного иммунитета требуется, чтобы ты сделал прививку.

Наиболее естественная интерпретация таких примеров состоит не в том, что тот или иной нормативный кодекс, будь он писанный или неписанный, прямо упоминает конкретного индивида (адресата). Более того, в случае (9) вакцинация конкретного индивида даже не является необходимым условием достижения цели (коллективного иммунитета), с видом на которую строится кодекс: при достаточной доле вакцинированных в обществе остальным вакцинироваться может быть необязательно, так что если вакцинируются другие, то слушающий может и не иметь такого обязательства! Практически в (9) мы имеем дело с логически неоправданной инстанциацией в высказывании *Для скорейшего достижения коллективного иммунитета большинство [или: 80 % и т. д.] населения должно как можно скорее сделать прививку*. Тем не менее (9) вполне может быть принято рациональным оппонентом в качестве приемлемого, релевантного и достаточного аргумента в споре о необходимости лично для него вакцинироваться⁵.

Другой пример того же рода. Пусть в рамках телевизионной дискуссии о политической ситуации в Руритании один из собеседников произносит (10):

⁵ Возможно, эффект приемлемости возникает в силу приемлемой скрытой посылки: *Обязательное для одного в обществе равных является обязательным для другого*.

(10) Проблема в том, что нынешнее избирательное законодательство Руритании запрещает наиболее популярному оппозиционному кандидату в этой стране участвовать в ближайших выборах.

В (10) может иметься в виду, что закон Руритании запрещает участвовать в выборах людям с криминальным прошлым, а наиболее популярный в Руритании оппозиционный кандидат как раз относится к такой категории граждан. Соответственно, содержание нормы (его можно представить в виде множества возможных миров, не нарушающих ее, то есть таких, где ни один индивид с криминальным прошлым не участвует в выборах в Руритании) здесь накладывается на единичный факт актуального мира, известный и говорящему, и его адресату (факт того, что наиболее популярный в Руритании оппозиционный кандидат имеет криминальное прошлое). Такое наложение создает из общей нормы частную, которая в представленном в (10) виде заведомо отсутствует в руританском законодательстве. И вновь мы возвращаемся к вопросу о том, являются ли такого рода подстановки терминов в интенциональных контекстах допустимыми или же их следует относить к числу риторических манипуляций.

Заключение

Наш ответ на этот вопрос заключается в следующем. Мы полагаем, что выбор говорящим в пользу риторических приписываний установок *de re* как формы выражения собственных мыслей, как правило, не преследует в качестве руководящей прагматической цели сообщить адресату безупречно истинное в теоретико-модельном смысле суждение и тем самым породить у него истинное убеждение. (Поэтому в интерпретации высказываний об установках существуют и иные проблемы помимо эпистемологических и собственно семантических, пионерами в обсуждении которых были Фреге, Рассел и Куайн.) Но такой выбор не преследует целью и сообщить адресату и заведомо ложное суждение и тем самым породить у него ложное убеждение! Ни говорящего, ни его адресата в контексте коммуникативной практики не интересует оценка истинностного значения произносимых ими суждений, но интересует оценка *приемлемости* таких суждений в качестве практических доводов. Именно такую оценку каждая из сторон и осуществляет в ходе коммуникации, полностью отвлекаясь от вопроса о теоретико-модельном истинностном значении используемых выражений. Соответственно, ответ на вопрос о том, является ли тот или иной случай риторического приписывания *de re* уловкой и манипуляцией, зависит не от того, является ли такое суждение заведомо ложным для говорящего, а от того, является ли оно заведомо *неприемлемым* для говорящего. В случае если сам говорящий оценивает приводимый им довод в качестве приемлемого, нет никаких оснований признавать такое коммуникативное воздействие уловкой или манипуляцией вне зависимости от того, каково теоретико-модельное истинностное значение произнесённого суждения.

Исследование Д. Б. Тискина поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операционная система смыслообразования», реализуемый в БФУ им. И. Канта, <https://rscf.ru/project/22-18-00591/>).

Исследование К. Г. Фролова поддержано Российским научным фондом (проект № 23-28-00981 «Практическая аргументация: модели и оценка», реализуемый НИУ ВШЭ, <https://rscf.ru/project/23-28-00981/>).

Благодарим И. Б. Микиртумова за ценные замечания к тексту статьи.

Список литературы

Долгоруков В. В. Логико-эпистемический статус прагматических ограничений: теоретико-игровой подход : дис. ... канд. филос. наук. М., 2015.

Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика / пер. с нем. Б. В. Бирюкова ; под ред. З. А. Кузичевой. М., 2000. С. 230–246.

Фролов К. Г. О модели Бенч-Капона для структуры аргументации, основанной на ценностях // Логико-философские штудии. 2022. Т. 20, № 4. С. 447–455.

Aloni M. Quantification under conceptual covers : PhD thesis. Amsterdam, 2001.

Vach K. Do Belief Reports Report Beliefs? // Pacific Philosophical Quarterly. 1997. Vol. 78. P. 215–241.

Blumberg K., Lederman H. Revisionist Reporting // Philosophical Studies. 2021. Vol. 178. P. 755–783.

Bowell T., Cowan R., Kemp G. Critical Thinking: A Concise Guide. 5th ed. Abington ; N. Y., 2020.

Demirok Ö. Scope Theory Revisited: Lessons from pied-piping in wh-questions: PhD thesis. Cambridge MA, 2019.

Egré P. Hyperintensionality and *De Re* Beliefs // Epistemology, Context, and Formalism / ed. by F. Lihoreau, M. Rebuschi. N. Y., 2014. P. 213–243.

Fodor J. D. The Linguistic Description of Opaque Contents: PhD thesis. Cambridge MA, 1970.

Fraassen B. van. Propositional Attitudes in Weak Pragmatics // Studia Logica. 1979. Vol. 38. P. 365–374.

Kaplan D. Quantifying in // Synthese. 1968. Vol. 19. P. 178–214.

Kripke S. A. Naming and Necessity. Cambridge MA, 1980.

Lewis D. Are We Free to Break the Laws? // Theoria. 1981. Vol. 47. P. 113–121.

Parikh R. Propositions, Propositional Attitudes and Belief Revision // Advances in Modal Logic. 1998. Vol. 2. P. 381–400.

Percus O. Index-Dependence and Embedding // The Wiley Blackwell Companion to Semantics / ed. by D. Gutzmann [et al.]. Wiley-Blackwell, 2021. doi: 10.1002/9781118788516.sem096.

Quine W. V. O. Three Grades of Modal Involvement // Proceedings of the XIth International Congress of Philosophy. Amsterdam, 1953. Vol. 14. P. 65–81.

Quine W. V. O. Quantifiers and Propositional Attitudes // Journal of Philosophy. 1956. Vol. 53. P. 177–187.

Russell B. Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description // Proceedings of the Aristotelian Society. 1910. Vol. 11. P. 108–128.

Salmon N. How to Become a Millian Heir // Noûs. 1989. Vol. 23, № 2. P. 211–220.

Schwager M. Speaking of Qualities // Proceedings of SALT. 2009. Vol. 19. P. 395–412. doi: 10.3765/SALT.V19I0.2534.

Schwarz F. Situation Pronouns in Determiner Phrases // Natural Language Semantics. 2012. Vol. 20. P. 431–475.

Sosa E. Propositional Attitudes *De Dictu* and *De Re* // Journal of Philosophy. 1970. Vol. 67. P. 883–896.

Sudo Y. On *De Re* Predicates // Proceedings of WCCFL. 2014. Vol. 31. P. 447–456.

Tiskin D. Conditional Attitude Ascription // Epistemology and Philosophy of Science. 2016. Vol. 50. P. 74–93.

Об авторах

Даниил Борисович Тискин, кандидат философских наук, научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; доцент, департамент социологии, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: daniel.tiskin@gmail.com

Константин Геннадьевич Фролов, кандидат философских наук, научный сотрудник, Международная лаборатория логики, лингвистики и формальной философии НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

E-mail: kgfrolov@hse.ru

Для цитирования:

Тискин Д. Б., Фролов К. Г. Приписывание пропозициональных установок *de re* как средство убеждения // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 73–90. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-4.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ATTRIBUTION OF *de re* PROPOSITIONAL ATTITUDES
AS A MEANS OF PERSUASION

D. B. Tiskin¹, K. G. Frolov²

¹Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia
National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg,
16 Soyuzna Pechatnikov St., Saint Petersburg, 190121, Russia

²National Research University Higher School of Economics,
11 Pokrovsky Blvd., Moscow, 109028, Russia

Submitted on 28.03.2023

Accepted on 17.06.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-4

By de re propositional attitude ascription for rhetorical purposes, we will understand uttering a modal statement wherein the speaker deliberately uses a description of the attitude's object which she knows to be unavailable to the attitude holder. As the existence of rhetorical de re is revealed, it gives rise to two questions that will be the primary concern of the present paper. (1) Using a rhetorical de re ascription, does the speaker utter something false in the model-theoretic sense? (2) Would it be justified to classify rhetorical de re as a rhetorical ploy designed to, or naturally predisposed to, mislead the addressee? This paper argues that the first question can be answered positively but the second one should receive a negative answer. We show that the question of whether a certain instance of rhetorical de re is a ploy or act of manipulation should be answered depending not on whether the statement is clearly false for the speaker but on whether it is clearly unacceptable for the speaker. In case the speaker herself considers the argument made by means of the statement acceptable, there is no reason to denounce such a communicative act as a ploy or manipulation irrespective of which model-theoretic truth-value the statement has. There are therefore reasons to incorporate rhetorical considerations into the modelling of how attitude reports are interpreted, in addition to considerations of truth and epistemological aspects, championed by Frege.

Keywords: semantics, propositional attitudes, intentional contexts, practical reasoning, truth, acceptability

Daniel Tiskin's research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00591 "Pragmasemantics as an Interface and Operational System of Meaning Production" carried out at the Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), <https://rscf.ru/project/22-18-00591/>.

Konstantin Frolov's research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00981 "Practical Argumentation: Models and Evaluation" carried out at the National Research University Higher School of Economics, <https://rscf.ru/project/23-28-00981/>.

The authors wish to express their gratitude to Prof. Ivan Mikirtumov for his valuable input on the manuscript.

References

Aloni, M., 2001. *Quantification under conceptual covers*. PhD thesis. ILLC, University of Amsterdam.

Bach, K., 1997. Do Belief Reports Report Beliefs? *Pacific Philosophical Quarterly*, 78, pp. 215–241.

Blumberg, K. and Lederman, H., 2021. Revisionist Reporting. *Philosophical Studies*, 178, pp. 755–783, <https://doi.org/10.1007/s11098-020-01457-4>.

Bowell, T., Cowan, R. and Kemp, G., 2020. *Critical Thinking: A Concise Guide*. 5th ed. Routledge.

Demirok, Ö., 2019. *Scope Theory Revisited: Lessons from pied-piping in wh-questions*. PhD thesis. Massachusetts Institute of Technology.

Dolgorukov, V. V., 2015. *Logiko-epistemicheskii status pragmaticheskikh ogranichenii: teoretiko-igrovoi podkhod* [The Logico-Epistemological Status of Pragmatic Constraints: A Game-Theoretical Approach]. PhD Dissertation. Moscow: Higher School of Economics (in Russ.).

Egré, P., 2014. Hyperintensionality and *De Re* Beliefs. In: F. Lihoreau and M. Rebuschi, eds. *Epistemology, Context, and Formalism*. New York: Springer, pp. 213–243, https://doi.org/10.1007/978-3-319-02943-6_13.

Fodor, J. D., 1970. *The Linguistic Description of Opaque Contents*. PhD thesis. Massachusetts Institute of Technology.

Fraassen, B. van, 1979. Propositional Attitudes in Weak Pragmatics. *Studia Logica*, 38, pp. 365–374.

Frege, G., 2000. On sense and denotation. In: B. V. Biryukov and Z. A. Kuzicheva, eds. *Gottlob Frege. Logika i logicheskaya semantika* [Gottlob Frege. Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 230–246 (in Russ.).

Frolov, K. G., 2022. On the Bench-Capon Value-Based Argumentation Framework. *Logiko-filosofskie studii* [Logico-Philosophical Studies], 20 (4), pp. 447–455, <https://doi.org/10.52119/LPHS.2022.33.41.006> (in Russ.).

Kaplan, D., 1968. Quantifying in. *Synthese*, 19, pp. 178–214.

Kripke, S. A., 1980. *Naming and Necessity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Lewis, D., 1981. Are We Free to Break the Laws? *Theoria*, 47, pp. 113–121.

Parikh, R., 1998. Propositions, Propositional Attitudes and Belief Revision. In: *Advances in Modal Logic*. Vol. 2, pp. 381–400.

Percus, O., 2021. Index-Dependence and Embedding. In: D. Gutzmann et al., eds. *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*. <https://doi.org/10.1002/9781118788516.sem096>.

Quine, W. V. O., 1953. Three Grades of Modal Involvement. In: *Proceedings of the XIth International Congress of Philosophy*. Vol. 14. Amsterdam: North Holland, pp. 65–81.

Quine, W. V. O., 1956. Quantifiers and Propositional Attitudes. *Journal of Philosophy*, 53, pp. 177–187.

Russell, B., 1910. Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 11, pp. 108–128.

- Salmon, N., 1989. How to Become a Millian Heir. *Noûs*, 23 (2), pp. 211–220.
- Schwager, M., 2009. Speaking of Qualities. In: *Proceedings of SALT 19*, pp. 395–412, <https://doi.org/10.3765/SALT.V19I0.2534>.
- Schwarz, F., 2012. Situation Pronouns in Determiner Phrases. *Natural Language Semantics*, 20, pp. 431–475, <https://doi.org/10.1007/s11050-012-9086-1>.
- Sosa, E., 1970. Propositional Attitudes De Dictu and De Re. *Journal of Philosophy*, 67, pp. 883–896.
- Sudo, Y., 2014. On De Re Predicates. In: *Proceedings of WCCFL*, 31, pp. 447–456.
- Tiskin, D., 2016. Conditional Attitude Ascription. *Epistemology and Philosophy of Science*, 50, pp. 74–93, <https://doi.org/10.5840/eps201650470>.

The authors

Daniel B. Tiskin, Research fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; assistant professor, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: daniel.tiskin@gmail.com

Konstantin G. Frolov, Postdoctoral researcher, International Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

E-mail: kgfrolov@hse.ru

To cite this article:

Tiskin, D.B., Frolov, K.G., 2023, Attribution of *de re* propositional attitudes as a means of persuasion, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 4, pp. 73–90. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-4.

«ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЭЗИИ»: ФРЕГЕ VS. ЯКОБСОН

Т. В. Цвигун, А. Н. Черняков

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 15.07.2023 г.
Принята к публикации 15.08.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-5

Статья посвящена сопоставительному анализу двух подходов к описанию референции художественного высказывания – прагмасемантической линии, развивающей идеи Г. Фреге о поэтическом знаке как «знаке со смыслом, но без значения», и эстетико-функциональных теорий поэтического языка, связанных с концепцией поэтической функции Р. Якобсона. Прагмасемантические интерпретации референциальных возможностей поэтического знака, ставящие в центр внимания вопрос о принципах его верификации, рассматривают отношение знака к внеязыковым объектам. При таком подходе способность художественного высказывания устанавливать предметные референции либо вовсе отрицается (Г. Фреге), либо связывается с действием дополнительных факторов – «эстетических операторов» (Л. Линский), особых иллокутивных установок (Дж. Сёрль), активной позиции реципиента (С. Золян). Теория поэтической функции языка, развиваемая в формализме и структурализме, утверждает в качестве основной (а в ряде случаев и единственной) области референции поэтического знака не внеположенный ему мир объектов, а имманентную знаку языковую среду, тем самым обосновывая «автореференциальность» (Е. Фарыно) художественного высказывания. Рассмотренные в предложенном аспекте прагмасемантические и эстетико-функциональные концепции поэтической референции реализуют общую редукционистскую установку с противоположных сторон: прагмасемантика, обнаруживающая референты поэтического знака в «возможных» (художественных) мирах, оставляет вне поля зрения самое специфику поэтического языка, в то время как функционализм, напротив, декларирует несущественность вопроса о предметных референциях знака, целиком обращая художественное высказывание на пространство языковых объектов. Преодолеть такую полярность аналитических решений возможно при рассмотрении поэтического знака как биференциального феномена, осуществляющего референцию одновременно по двум осям – внеязыковой и собственно языковой. Предложенный подход позволяет считать художественное высказывание не дефицитным, а, напротив, профицитным в своих референциальных возможностях, помогает увидеть в любом художественном произведении действие единых семиотических механизмов, мотивирующих «определение поэзии» как особого высказывания об особом мире.

Ключевые слова: эстетическая референция, поэтический знак, Г. Фреге, Р. Якобсон, прагмасемантика, эстетико-функциональные теории поэтического языка

Это – круто налившийся свист...

Б. Пастернак

Вопрос о природе семантики поэтического (в широком смысле) знака относится к числу важнейших при установлении сущности литературного дискурса как такового. Идея о наличии семантического «зазо-

ра» между художественной и социофизической реальностями и, соответственно, между знаками поэтического и обыденного языка традиционна примерно в такой же мере, как и сами метапоэтические рефлексии — так, еще Аристотель, обосновывая миметическую теорию искусства, утверждал, что «задача поэта говорить не о действительно случившемся, но о том, что *могло бы* случиться, следовательно о *возможном* по вероятности или по необходимости» (Аристотель, 2000, с. 157; курсив наш. — Т.Ц., А.Ч.), видя в этой способности говорить «о том, что могло бы случиться» главное отличие поэта от историка. Семиотическая трактовка проблемы значения знака, если возводить ее не к билатеральной модели знака Ф. де Соссюра, а к семиотике Ч.С. Пирса — Ч.У. Морриса, в первую очередь предопределяется установлением отношений между знаком («репрезентативом» у Пирса или «символом» в ряде иных концепций, например у Огдена и Ричардса) и обозначаемым им объектом, референтом (по Огдену и Ричардсу): согласно классическому определению Морриса, «семантика имеет дело с отношением знаков к их десигнатам и тем самым к объектам, которые они обозначают» (Моррис, 2001, с. 163). Следовательно, установление концептуальных границ художественной картины мира как той референциальной зоны, к которой по определению отсылает литературный дискурс, невозможно без установления самих референциальных возможностей, которыми располагает поэтический знак.

Осмысление феномена поэтической референции в XX веке сложилось в достаточно сильную, при этом не лишённую внутренней противоречивости традицию, в рамках которой принято противопоставлять референцию поэтического знака собственно языковой (узуальной) референции. Суммирующий взгляд на проблему поэтической референции позволяет выделить в путях ее решения две разнонаправленные позиции, которые в своих исходных артикуляциях так или иначе соотносятся с точками зрения Г. Фреге и Р. Якобсона: первая из них развивает знаменитый парадокс Фреге (о возможности существования знаков, имеющих смысл, но не имеющих значения (денотата)), обоснованный им в статье «О смысле и значении» (1892), акцентируя в качестве основной проблему верифицируемости поэтического высказывания, вторая же переносит центр внимания на обоснование автореференциальности поэтического знака, имеющего своими референтами не вне-, а внутриязыковые сущности. Речь в данном случае не идет о непосредственной полемике — перед нами скорее две существующие вполне автономно и параллельно друг другу научные линии, рассмотрение которых на фоне друг друга представляет самостоятельный интерес.

Прагмасемантические концепции

В рамках логики и лингвистической философии (а в значительной мере и в области логического анализа языка) вопрос о референциальном статусе поэтического знака связывается в первую очередь с проблемой установления истинности высказывания в литературном дискурсе, а на первый план выдвигается отношение знака к *внеязыковым*

объектам. Художественное высказывание в этом случае может быть рассмотрено как высказывание с «пустым термом», что позволило Фреге предложить «негативный» взгляд на референциальность литературного дискурса. Необходимо принять во внимание, что вопрос о «смысле и значении» художественного высказывания у Фреге не получает детальной разработки — это скорее лишь иллюстрация к его рефлексиям о значении предложения как «истинностном значении» и о том, что «стремление к истине... всегда побуждает нас к переходу от смысла к значению» (Фреге, 2000, с. 235).

Согласно Фреге, фикциональные высказывания типа *Одиссей был высажен на берег Итаки крепко спящим* не способны устанавливать связь между знаком и внеязыковым объектом, поскольку за ними — как минимум в части собственного имени *Одиссей* — отсутствует предметная реальность, причем само осознание этого отсутствия становится признаком эстетического. Художественные высказывания не подлежат проверке на истинность уже потому, что, обладая смыслом, они лишены предметного значения (или, в других переводах данной статьи, «денотата»). Важно отметить, что именно эта принципиальная неверифицируемость, по Фреге, отличает художественную речь от других форм речи:

...когда мы воспринимаем эпическое произведение, нас очаровывает, кроме благозвучия языка, только смысл предложений и вызываемые ими представления и чувства. *Если бы мы поставили вопрос об истине, мы потеряли бы эстетическое наслаждение и перешли к научному исследованию.* Поэтому для нас совершенно безразлично, имеет ли значение, например, имя «Одиссей», пока мы воспринимаем поэму как произведение искусства (Там же; курсив наш. — Т. Ц., А. Ч.).

Неслучайно для поэтического знака, у которого связь с референтом отсутствует, Фреге предлагает ввести понятие «образ»: «Было бы желательно иметь для знаков, которые имеют только смысл, особое выражение. Назовем их, например, образами; в этом случае слова актера на сцене были бы образами, да и актер сам был бы образом» (Там же).

В своих рассуждениях о «референциально пустых» фикциональных именах Фреге допускает одну малозаметную, но крайне существенную оговорку: предметное значение у фикционального высказывания может быть восстановлено при введении, условно говоря, «фокуса говорящего» — пресуппозиции субъекта, его желания воспринимать такое высказывание как обладающее или не обладающее не только смыслом, но и референтом (значением) и, следовательно, подлежащим верификации, ср.: «...тот, кто всерьез считает это предложение («Одиссей был высажен на берег Итаки крепко спящим». — Т. Ц., А. Ч.) истинным или ложным, будет также признавать за именем “Одиссей” некоторое значение, а не один только смысл; ибо предикат приписывается значению имени или отвергается относительно него» (Там же, с. 234).

Это примечание, фигурирующее у Фреге как пример ошибочной пресуппозиции, задает важную перспективу для дальнейшего развития

теории и впоследствии обнаруживает особую продуктивность в концепции Л. Линского. Свою теорию референции Линский строит исходя из «фокуса говорящего», что позволяет изменить представление о соотношении знака и обозначаемого объекта в художественном высказывании. Именно позиция говорящего дает возможность приписывать поэтическому знаку предметное значение — в том случае, если учитываются особые «операторы» (они не получают у Линского специального наименования и представлены множеством частных вариантов типа «в кино», «в романе» и т. п.), ср.:

Когда мы говорим о кино, пьесах, романах, снах, суевериях, вымышленных ситуациях и т. п., наши слова как бы попадают в зону действия особых «операторов». <...> ...я мог бы сказать: «Леопольд Блум жил в Дублине». Истинно это или ложно? Очевидно, это зависит от того, находятся мои слова в зоне действия оператора «в романе» или вне ее. Это зависит от того, говорю я об «Улиссе» Джойса или не о нем (Линский, 1982, с. 173).

Наличие «эстетических операторов», которые Линский считает значимым признаком литературного дискурса, дает основание утверждать существование так называемого авторского / художественного мира, в пределах которого поэтический знак приобретает особые референциальные свойства. Предложенное Линским решение обозначает тот момент, когда вопрос о поэтической референции уже переводится из негативной плоскости в поле утвердительных модальностей.

Существенные возможности для переосмысления отношений «знак — референт» в художественном высказывании предлагает теория возможных миров Я. Хинтикки, позволившая снять жесткую оппозицию «референциально полноценного» нехудожественного высказывания и «референциально недостаточного» высказывания художественного. Насколько возможно сделать утверждение, что «акт художественного творчества... — это эмпирическое событие, аналогичное возникновению (или созданию) реальных объектов» (Кастанеда, 1999, с. 88), настолько следует признать, что сфера эстетического не может обойтись без установления связей между знаками и обозначаемыми объектами, существующими, однако, не в фактуальном социофизическом, а в фикциональном художественном мире. Литературный дискурс — это, по определению Ю.С. Степанова, такой семиотический феномен, «интенционалы которого не обязательно имеют экстенционалы в актуальном мире и который, следовательно, описывает один из возможных миров» (Степанов, 2001, с. 22).

С этой точки зрения особый интерес представляет иллюкутивная теория художественного дискурса Дж.Р. Сёрля, отчасти близкая теории «операторов» Линского. По Сёрлю, со структурной точки зрения художественное и нехудожественное высказывания не различаются, а литература есть не более чем «имя, которое мы даем тому или иному речевому произведению» (Сёрль, 1999, с. 35). В таком случае отличительной чертой литературного дискурса становится особая иллюкуция,

вводящая в действие новую — уже сугубо эстетическую — систему правил. Эти правила задействуют оператор «как будто»: «...автор художественного произведения *делает вид, будто* он осуществляет иллюкутивный акт, который он на самом деле не осуществляет» (Там же, с. 40; курсив наш. — Т.Ц., А.Ч.), — что позволяет Сёрлю декларировать существование применительно к художественному миру так называемой «притворной референции». Поэтический знак, следовательно, получает значение, или референт, не в социофизическом мире (по отношению к которому он по-прежнему остается неverifiedируемым), а в «притворном» художественном мире:

Рассказ, основанный на художественном вымысле, *притворяется репрезентацией* реального положения дел... <...> Холмс и Ватсон вовсе не существовали, что, конечно, не отрицает их существования в рамках художественного произведения, и именно о таком существовании и можно говорить. ...поскольку автор уже создал этих вымышленных персонажей, мы, со своей стороны, можем *делать о них как о вымышленных персонажах истинные утверждения* (Там же, с. 42–43; курсив наш. — Т.Ц., А.Ч.).

Наконец, как показывает С.Т. Золян, для адекватного решения вопроса о художественной референции необходимо еще одно важное смещение аналитического акцента — с «фокуса говорящего» (автора) на «фокус реципиента» (читателя). Как подчеркивает Золян, в проекции на семантику возможных миров «поэтическая речь предстает как такой модус языковой коммуникации, который требует для своего понимания *конструирования* (а не просто соотнесения) определенных сфер референции, миров, в которых высказывание может быть истинно, и задания определенных отношений между мирами» (Золян, 2014, с. 119; курсив наш. — Т.Ц., А.Ч.). Такое конструирование мира есть прерогатива читателя, которому для понимания поэтического знака надлежит найти стоящий за этим знаком референт или даже референты (они, как отмечает исследователь, потенциально множественны). Открывающаяся в семантике возможных миров возможность постулировать презумпцию истинности литературного дискурса, когда «практически любое поэтическое высказывание может оцениваться как истинное» (Там же), позволяет вернуть логико-семантический спор о поэтическом референте из верификационной плоскости (истинно ли художественное высказывание?) в плоскость собственно референциальную (где обнаруживает себя референт поэтического знака?). И если у Фреге поэзия мыслилась скорее как девиация, поле существования «знаков со смыслами, но без значений», в котором читатель способен лишь породить субъективные «представления», то в теориях, развивающих постулаты семантики возможных миров, поэтическое по сути вновь обретает семиотическую полноту — оно трактуется как высказывание, обладающее не только смыслом, но и значением, но с одной существенной оговоркой: прерогатива восстановления (точнее, конструирования) поля поэтических референтов принадлежит уже не автору высказывания, а его реципиенту, читателю.

Эстетико-функциональные концепции

Концентрируясь на решении проблемы верификации художественного высказывания, на поисках его возможных предметных связей, последовательно эволюционируя от отрицания у поэтического знака референтов *per se* к утверждению его связи с *иными* (фикциональными, потенциальными, конструируемыми в поле читательской рецепции и т.д.) референтами, прагмасемантические концепции в большей или меньшей мере нивелируют саму оппозицию «литература — не-литература». Так, будучи осмыслена как условное «имя» (Сёрль), литература сводится к действию ряда прагматических «операторов» и иллокуций, в результате чего единственной ощутимой границей между фактуальными и фикциональными высказываниями остается различие самих их референтов — реальных либо вымышленных.

Принципиально иное методологическое решение вопроса о референциальном статусе поэтического знака предлагают эстетико-функциональные концепции, восходящие к формалистской теории остранения и раннеструктуралистскому понятию эстетической / поэтической функции. В отличие от прагмасемантического подхода, отправной точкой в логике которого является (преодолеваемое) сомнение в референциальности поэтического знака, функционалистская интерпретация исходит из утверждения его (знака) соотнесенности не с внеязыковыми, а с собственно *языковыми* объектами, а следовательно, уже в своей исходной посылке декларирует, что референт у художественного высказывания *есть*. Лишь самые ранние артикуляции данной теории еще связаны с попытками «вещного», «предметного» осмысления знака в искусстве — подобное мы прослеживаем, например, в классической формулировке В. Шкловского о том, что эстетическое «есть способ *пережить деланье вещи*, а сделанное в искусстве неважно» (Шкловский, 1990, с. 63; курсив наш. — Т.Ц., А.Ч.). Однако уже в 1921 году в книге «Новейшая русская поэзия» Р. Якобсон задает основные контуры понимания поэзии как «высказывания с установкой на выражение», «языка в его эстетической функции» (Якобсон, 1987, с. 275), а в статье «Что такое поэзия?» (1933) утверждает:

Поэтическое присутствует, когда *слово ощущается как слово*, а не только как представление называемого им объекта... когда слова и их композиция, их значение, их внешняя и внутренняя форма *приобретают вес и ценность сами по себе вместо того, чтобы безразлично относиться к реальности*... Почему необходимо особо подчеркивать тот факт, что знак не совпадает с объектом? Потому что кроме непосредственного сознания тождественности знака и объекта (A=A) есть необходимость непосредственного сознания *неадекватности* этого тождества (A не есть A) (Якобсон, 1996, с. 118; разрядка автора, курсив наш. — Т.Ц., А.Ч.).

В этих формулировках Якобсон фактически говорит о существовании двух несовпадающих осей референции: с одной стороны, это соотнесенность знака с внеязыковым объектом, с другой — его связь с самим

языком как предметной областью. Для поэтического знака выходящее на первый план ощущение «слова как слова» приостанавливает (хотя и не отменяет полностью) референциальные правила естественного языка: поэтический эффект, по Jakobsonу, возникает именно в результате смещения акцента с предметной оси референции на ось языковую. Такая двойственность в интерпретации художественного высказывания для Jakobsonа, очевидно, имеет принципиальный характер: показательно, что артикуляции теории поэтической функции в работе «Лингвистика и поэтика», устанавливающие, что она (ПФ) актуализирует в художественном высказывании его обращенность на самое себя и, соответственно, выделяет референциальную ось «знак — язык-объект», «углубляет фундаментальную дихотомию между знаками и предметами» (Jakobson, 1975, с. 203), исходят из того, что эта функция — лишь одна из функций языка. Jakobson последовательно настаивает на том, что поэтическую функцию «нельзя успешно изучать в отрыве от общих проблем языка, и, с другой стороны, анализ языка требует тщательного рассмотрения его поэтической функции», что «любая попытка ограничить сферу поэтической функции только поэзией или свести поэзию только к поэтической функции представляет собой опасное упрощенчество», что «поэтическая функция является не единственной функцией словесного искусства, а лишь его центральной определяющей функцией, тогда как во всех прочих видах речевой деятельности она выступает как вторичный, дополнительный компонент» (Там же). Так, не вступая в непосредственную полемику с Фреге (отсылки к имени или идеям немецкого логика в работах Jakobsonа по поэтике отсутствуют), исследователь строит свои рассуждения в характерном резонансе с его постулатом об отсутствии референтов у фикциональных высказываний, однако предлагает принципиально иное решение данного вопроса: в художественном высказывании зоной референции выступает не физический мир, а сам язык, «слово как таковое».

Связываемая по преимуществу с именем Jakobsonа, теория поэтической функции с аналогичных позиций разрабатывалась в чешском и польском структурализме. Начиная с «Тезисов Пражского лингвистического кружка», где поэтическая функция — направленность речевой деятельности к самому знаку — рассматривается как противопоставленная «функции общения», направляющей речь к внеязыковому объекту (Тезисы Пражского лингвистического кружка, 1967, с. 25), идея обращенности поэтического высказывания на самое себя получает развитие у Я. Мукаржовского. Мукаржовский усиливает оппозицию «поэтического» и «практического» в общеэстетическом плане, приписывая эстетической функции статус «диалектического отрицания любой практической функции» (Мукаржовский, 1996, с. 136) и усматривая в ней причину того, что «в поэтическом искусстве отношение наименования к реальности отступает на второй план по сравнению с его отношением к окружающему контексту» (Там же, с. 135). Другой вариант развития этой научной линии — идея Я. Славиньского об «эгоцентрической направленности» художественного высказывания, которая, по мнению исследователя, вынуждает поэтический знак существовать ис-

ключительно в «языковом контексте», определяемом как фонетическая, морфологическая, грамматическая, синтаксическая или семантическая реальность (Славинский, 1975). Поэтическая (эстетическая) функция, таким образом, выводит художественное высказывание за рамки узальных языковых референций, абсолютизируя его замкнутость в пространстве языка, соотносённость с миром языковых объектов, при которой естественные референциальные связи знака предельно ослабевают.

Вербально-контекстная обусловленность поэтического знака подлежит уточнению с позиций взгляда на искусство как вторичную моделирующую систему, предложенного русским структурализмом 1960–1970-х годов. Развиваемое в теории вторичных знаковых систем представление о литературном дискурсе как надстройке над уровнем естественного языка, которая использует последний в качестве «материала», приводит к выводу о том, что самое суть эстетического заключается в значимых трансформациях любых естественных языковых правил. Осуществляя вторичное моделирование социофизического мира, поэтический знак не столько создает «предметную» реальность в рамках художественного текста, сколько прежде всего отсылает к самому языку, а точнее, к той «языковой» реальности, носителем и репрезентантом которой является сам автор. С таких позиций уровень исключительно «предметной» референции для поэтического знака не может быть признан достаточным: ограничиться такой референцией значило бы для него фактически слиться со знаком языковым, вернуться из вторичной моделирующей системы в первичную.

Структуралистское понимание искусства как вторичной системы приводит к необходимости конкретизировать вопрос о семантике поэтического знака. Ослабляя референциальные связи с «предметной» средой, знак взамен этого получает возможность приобретать значение из *структуры* – самого литературного дискурса, или, по Ю.М. Лотману, художественного текста; таков, в частности, ставший классическим тезис исследователя о том, что «мысль писателя реализуется в определенной художественной структуре и неотделима от нее» (Лотман, 1998, с. 23). Именно структурные связи внутри дискурса – его фонетическая, грамматическая, синтаксическая и пр. фактура – в этом случае используются поэтическим знаком как основное референциальное поле.

Оригинальную концептуальную надстройку над теориями поэтической функции и вторичного моделирования предлагает Е. Фарыно. Согласно его позиции, в литературе целесообразно различать два семиотических типа письма – «коммуницирование с миром» и «коммуницирование с системой записи», причем в последнем случае «свойства самого носителя требуют либо соответствующей деформации представляемого мира, либо нейтрализации по меньшей мере некоторых его свойств, временами... до идентификации перевода со свойственным ему носителем» (Faryno, 1975, s. 125). В этом случае продуктивным оказывается предложенное Фарыно понятие «авторереференция», которое позволяет говорить об особом «удвоении» как атрибуте художественного текста: с одной стороны, поэтический знак лишен «предметной» референции, с другой – художественный текст не просто коммуникати-

вен, но буквально обречен на выполнение «своей неизбежной потенциальной референтной функции» (Фарино, 2004, с. 400); поэтому, «не имея референта вне себя <...> знак раскрывает свой смысл, отсылая к самому себе. Такая операция — указание на самое себя, или автореференция — возможна только в случае удвоения знака: продублирования самого себя в роли референта» (Там же, с. 400, 402).

Ареферентность vs. биреферентность

Следует, очевидно, признать, что рассмотренные в предложенном ключе прагмасемантические и эстетико-функциональные концепции поэтической референции не столько дополняют, сколько скорее опровергают друг друга. С прагмасемантической точки зрения областью референции поэтических знаков — если для них признается сама такая возможность — выступает «авторский мир», который, будучи одним из возможных миров, состоит из фикциональных объектов и в этом смысле противопоставлен фактуальному социофизическому миру как некая его «эстетическая альтернатива»; эстетико-функциональная позиция, в свою очередь, ориентирована на утверждение в качестве объекта референции самой вербальной фактуры художественного высказывания, вводя противопоставление иного рода — поэтического языка по отношению к языку «практическому», «коммуникативному» и т. п. Разница же самих концепций по отношению друг к другу в этом случае видится прежде всего в их разнонаправленном (возможно, даже противонаправленном) редуционизме: так, прагмасемантические интерпретации оставляют вне поля зрения самое специфику поэтического языка как *поэтического языка* (анализируя поэтическое высказывание как *sui generis* логическую девиацию, неотличимую, однако, по своей языковой природе от обыденно-языкового высказывания), тогда как функционализм, напротив, декларирует несущественность вопроса о предметных референциях знака, целиком обращая художественное высказывание на пространство языковых объектов.

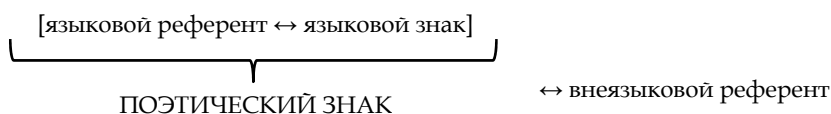
Возможно ли — и может ли быть продуктивно — преодоление такого «разрыва»?

Один из вариантов компромиссного решения рассматриваемого вопроса предложен В. П. Рудневым, согласно которому «значением художественного высказывания является его смысл» — по утверждению исследователя, «сформулированная на языке пропозициональной семантики та же идея, которую высказывали русские формалисты и пражские функционалисты» (Руднев, 2000, с. 52). Как отмечает Руднев,

...художественная литература не является отражением реальности (это функция обыденной речевой деятельности), художественная литература является отражением *речевой деятельности*... она является *рефлексией над... языковой культурой* и обогащением ее. <...> Художественная проза берет в качестве строительного материала обыденную речевую деятельность в той же мере, в какой язык в качестве строительного материала берет саму реальность (Там же, с. 52, 54; курсив наш. — Т. Ц., А. Ч.).

Вместе с тем допустимо и иное решение — признать поэтический знак по своей сути знаком *биреференциальным*, осуществляющим референцию *одновременно* по двум осям (внеязыковой и собственно языковой) — иначе говоря, не дефицитным, а, напротив, профицитным в своих референциальных возможностях. С одной стороны, художественное высказывание, действительно, в силу своей коммуникативной природы не может не сообщать о «предметных» мирах — в противном случае оно стало бы областью чистой формы, не имеющей не только значения, но и смысла (ср., напр., феномен поэтической заумы); правда, этот внеположенный высказыванию «предметный» мир складывается из вымышленных сущностей-референтов. С другой стороны, как элемент вторичной моделирующей системы поэтический знак отсылает к первичной знаковой системе — естественному языку (в этом смысле, кажется, можно постулировать у него сращение поэтической функции с метаязыковой; ср. мысль Б. Пастернака о том, что «лучшие произведения мира, повествуя о наиразличнейшем, на самом деле рассказывают о своем рождении»), подвергая ее эстетически значимой реорганизации и формируя тем самым индивидуально-авторскую, окказиональную языковую картину мира; на данной оси референты поэтического знака не внеположены, а имманентны ему и выводятся из «языкового» мира. Схематически такой принцип двойной референции можно представить следующим образом:

Что способно дать такое представление? Предлагаемое понимание биреференциальности поэтического знака позволяет не только полноценно вернуть художественное высказывание в плоскость «между миром и языком», но и преодолеть сложившуюся (прежде всего в лингвистической поэтике) традицию противопоставлять референциальные стратегии в стихе и прозе. Суммарно суть этого противопоставления может быть изложена в следующих тезисах:

- *Проза* как форма художественного высказывания устанавливает референцию по оси «знак — предмет»; при этом прозаический дискурс есть «вымысел» и его «предметные» референты принадлежат фикциональной действительности; язык в прозе по преимуществу ориентирован на реализацию коммуникативной функции, по отношению к которой любая актуализация плана выражения становится препятствием.

- К *стиху* «видовое отличие “вымысел” не может быть применено» (Тодоров, 2001, с. 380); «предметная» референция в стихе если и рассматривается как существующая, то наделяется способностью отсылать скорее к фактуальной социофизической реальности (ср.: «диегетический мир лирического текста легко отождествляется с реальным... для этого достаточно, чтобы лирический герой стихотворения отождеств-

лялся с его автором» (Падучева, 1996, с. 209)); основным референтом поэтического знака в стихе выступает языковая реальность, формируемая обращенностью знака на самое себя.

Очевидно, что абсолютизация этих тезисов способна привести к крайним выводам. Во-первых, редукция референтной оси «знак — язык» применительно к прозе принуждает вывести за рамки рассмотрения любой прозаический дискурс, отмеченный хотя бы минимальным присутствием языковой игры, — вне литературы, таким образом, окажутся не только любые прозаические эксперименты с языком или нарративами, не только любые сказовые формы, но и, по определению, любая художественная проза (за исключением, пожалуй, мифологических нарративов как «чистых» фабул). Во-вторых, признание оси «знак — предмет» в стихе либо неактуальной, либо реализованной не в фикциональной, а в фактуальной плоскости в итоге должно привести ко взгляду на стихотворный дискурс либо как на чистую «автосемантическую» форму, лишенную предметных валентностей (в первом случае), либо как на высказывание «первичного» уровня, неотличимое от высказывания в естественной речи (во втором случае). Наконец, полностью за рамками вопроса о поэтической референции останутся явления, лежащие вне оппозиции «стих — проза», — например, по определению Ю. Б. Орлицкого, прозиметрумы, удетероны и синтетические тексты. Признание же за поэтическим знаком свойства биреферентности, напротив, позволяет увидеть в *любом* художественном произведении действие единых семиотических механизмов, мотивирующих «определение поэзии» как *особого* высказывания об *особом* мире.

Список литературы

- Аристотель. Риторика. Поэтика. М., 2000.
- Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. М., 2014.
- Кастанеда Г.-Н. Художественный вымысел и действительность: их фундаментальные связи: Очерки онтологии совокупного опыта // Логос. 1999. №3 (13). С. 69—102.
- Линский Л. Референция и референты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика (Проблемы референции). М., 1982. С. 161—178.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 14—285.
- Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика : антология. М., 2001. С. 45—97.
- Мукаржовский Я. Два этюда о поэтическом наименовании. I: Поэтическое наименование и эстетическая функция языка // Мукаржовский Я. Структуральная поэтика. М., 1996. С. 132—139.
- Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М., 2010.
- Руднев В. П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М., 2000.
- Сёрль Дж. Р. Логический статус художественного дискурса // Логос. 1999. №3 (13). С. 34—47.
- Славинский Я. К теории поэтического языка // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 256—276.

- Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика: антология. М., 2001. С. 5–42.
Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. М., 1965. С. 17–41.
Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика: антология. М., 2001. С. 376–391.
Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб., 2004.
Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 230–246.
Шкловский В. Искусство как прием // Шкловский В. Гамбургский счет. М., 1990. С. 58–72.
Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.
Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. набросок первый: Подступы к Хлебникову // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 272–316.
Якобсон Р. Что такое поэзия? // Якобсон Р. Язык и бессознательное. М., 1996. С. 106–118.
Faryno J. Semiotyczne aspekty poezji o sztuce: Na przykładzie wierszy Wisławy Szymborskiej // Pamiętnik Literacki. 1975. Z. 4. S. 123–145.

Об авторах

Татьяна Валентиновна Цвигун, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: ttsvigun@kantiana.ru

Алексей Николаевич Черняков, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: achernyakov@kantiana.ru

Для цитирования:

Цвигун Т. В., Черняков А. Н. «Определение поэзии»: Фреге vs. Якобсон // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 91–104. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-5.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

'DEFINITION OF POETRY': FREGE VS. JACOBSON

T. V. Tsvigun, A. N. Chernyakov

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on 15.07.2023

Accepted on 15.08.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-5

This article presents a comparative analysis of two approaches to describing the reference within poetic statements: the pragmasemantic approach, which builds upon Gottlob Frege's ideas of the poetic sign as "a sign with meaning but without reference," and aesthetic-functional theories of poetic language linked to Roman Jakobson's concept of the poetic function. The pragmasemantic interpretation of the referential capabilities of a poetic sign explores questions regarding the principles of its verification and examines its relationship with extralinguistic objects. From this perspective, the artistic expression's ability to establish objec-

tive references is either entirely denied (by Frege) or associated with the actions of "aesthetic operators" (Linsky), specific illocutionary attitudes (Searle), or the recipient's standpoint (Zolyan). On the other hand, the theory of the poetic function of language, as presented in formalism and structuralism, posits that the reference of the poetic sign does not extend to the world of objects but rather to the linguistic environment inherent within the sign. It underscores the "auto-referentiality" (Faryno) of an artistic statement. Pragmasemantics and aesthetic-functional concepts of poetic reference both contribute to a reduction, albeit from opposite angles: pragmasemantics locates the referents of the poetic sign within 'possible' (artistic) worlds but somewhat overlooks the unique characteristics of poetic language. In contrast, functionalism sidelines the question of a sign's objective references, steering artistic discourse entirely toward linguistic elements. A potential resolution to this polarity in analytical approaches involves viewing the poetic sign as a bi-referential phenomenon, simultaneously engaging along two axes – extralinguistic and linguistic. This approach enables the consideration of an artistic statement not as deficient but, conversely, as abundant in its referential connections. It helps reveal the common semiotic mechanisms at play in any work of art, which motivate the 'definition of poetry' as a distinct statement about a unique world.

Keywords: aesthetic reference, poetic sign, G. Frege, R. Jakobson, pragmasemantics, aesthetic-functional theories of poetic language

References

- Aristotle, 2000. *Ritorika. Poetika* [Rhetoric. Poetics]. Moscow (in Russ.).
- Castaneda, G.-N., 1999. Fiction and reality: their fundamental connections: Essays on the ontology of cumulative experience. *Logos*, 3 (13), pp. 69–102 (in Russ.).
- Faryno, J., 2004. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary criticism]. St. Petersburg (in Russ.).
- Faryno, J., 1975. Semiotyczne aspekty poezji o sztuce: Na przykladzie wierszy Wislawy Szymborskiej. *Pamiętnik Literacki*, 4, pp. 123–145.
- Frege, G., 2000. On sense and denotation. In: B. V. Biryukov and Z. A. Kuzicheva, eds. *Gottlob Frege. Logika i logicheskaya semantika* [Gottlob Frege. Logic and logical semantics]. Moscow, pp. 230–246 (in Russ.).
- Jakobson, R., 1975. Linguistics and poetics. In: *Strukturalizm: «za» i «protiv»: sbornik statei* [Structuralism: "pro" and "contra": a collection of articles]. Moscow, pp. 193–230 (in Russ.).
- Jakobson, R., 1987. Newest Russian poetry. First sketch: Approaches to Khlebnikov. In: R. Jakobson, ed. *Raboty po poetike* [Works on poetics]. Moscow, pp. 272–316 (in Russ.).
- Jakobson, R., 1996. What is poetry? In: R. Jakobson, ed. *Yazyk i bessoznatel'noe* [Language and the unconscious]. Moscow, pp. 97–105 (in Russ.).
- Linsky, L., 1982. Reference and referents. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], XIII. Moscow, pp. 161–178 (in Russ.).
- Lotman, Yu. M., 1998. The structure of a literary text. In: Yu. Lotman, ed. *Ob iskusstve* [About art]. St. Petersburg, pp. 14–285 (in Russ.).
- Morris, Ch. W., 2001. Foundations of the theory of signs. In: *Semiotika: antologiya* [Semiotics: Anthology]. Moscow, pp. 45–97 (in Russ.).
- Mukařovský, J., 1996. Two studies on poetic naming. I: Poetic naming and aesthetic function of language. In: J. Mukařovský, ed. *Struktural'naya poetika* [Structural poetics]. Moscow, pp. 132–139 (in Russ.).
- Paducheva, Ye., 2010. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa* [Semantic studies: Semantics of time and aspect in the Russian language; Semantics of narrative]. Moscow (in Russ.).
- Rudnev, V., 2000. *Proch' ot real'nosti: Issledovaniya po filosofii teksta* [Away from reality: Studies in the philosophy of text]. Moscow (in Russ.).

Searle, J.R., 1999. Logical status of artistic discourse. *Logos*, 3 (13), pp. 34–47 (in Russ.).

Shklovsky, V., 1990. Art as a technique. In: V. Shklovsky, ed. *Gamburgskii schet* [Hamburg account]. Moscow, pp. 58–72 (in Russ.).

Sławiński, J., 1975. On the theory of poetic language. In: *Strukturalizm: «za» i «protiv»: sbornik statei* [Structuralism: “pro” and “contra”: a collection of articles]. Moscow, pp. 256–276 (in Russ.).

Stepanov, Yu., 2001. In the world of semiotics. In: *Semiotika: antologiya* [Semiotics: Anthology]. Moscow, pp. 5–42 (in Russ.).

Theses of the Prague Linguistic Circle, 1965. In: *Prazhskii lingvisticheskiy kruzhok: sbornik statei* [Prague Linguistic Circle: collection of articles]. Moscow, pp. 17–41 (in Russ.).

Todorov, Ts., 2001. The concept of literature. In: *Semiotika: antologiya* [Semiotics: Anthology]. Moscow, pp. 376–391 (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2014. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and structure of poetic text]. Moscow (in Russ.).

The authors

Dr. Tatiana V. Tsvigun, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ttsvigun@kantiana.ru

Dr. Alexey N. Chernyakov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: achernyakov@kantiana.ru

To cite this article:

Tsvigun, T.V., Chernyakov, A.N., 2023, 'Definition of Poetry': Frege vs. Jacobson, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 4, pp. 91–104. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-5.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМАНТИКИ МАМОЧКИ: ОТ ЖЕНЫ ДО ПУШКИ

*М. А. Кронгауз^{1, 2}, К. С. Клокова³
В. А. Шульгинов^{1, 3}, Т. А. Юдина³*

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, Москва, 109028, Покровский бульвар, д. 1

² Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, Москва, 125047, Миусская площадь, д. 6

³ Московский физико-технический институт,
Россия, 141701, Московская область, г. Долгопрудный, Институтский пер., д. 9
Поступила в редакцию 19.05.2023 г.
Принята к публикации 10.07.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-6

В семантической теории Г. Фреге содержание языкового знака определяется связью между денотатом и набором субъективных представлений, формирующим смысл. Наше исследование направлено на то, чтобы на примере термина родства «мамочка» выявить влияние индивидуальных представлений о денотате на расширение семантической структуры слова. В качестве материала статьи используются случаи вторичного употребления слова «мамочка» в художественных и интернет-текстах, время создания которых охватывает период с 1840-х по 2010-е годы. Общий объем собранного и размеченного корпуса составил 2192 случая, в том числе 362 примера вторичного употребления. Каждый пример был размечен по типу употребления (апеллятивное (обращение), референтное или междометное употребление, первичное или вторичное), для вторичных был обозначен тип денотата.

В результате исследования описана семантическая структура слова «мамочка», включающая в себя общие значения для апеллятивных и референтных употреблений (жена; женщина, выполняющая функции матери; женщина с маленьким ребенком), а также значения, уникальные для каждого типа (хорошая знакомая; мужчина; неживой объект; хозяйка животного). Выявлены системные связи между значениями, динамика их трансформации в диахроническом аспекте.

Ключевые слова: термины родства, семантика, прагматикализация, вторичное употребление, апеллятивы, денотат

1. Введение

В семантической теории Г. Фреге содержание языкового знака определяется его связью с двумя различными по своей природе сущностями: с одной стороны, это денотат, или «сама вещь», с которой соотносится знак и которая является максимально объективной его презентацией; с другой — это представления о денотате, которые представляют собой часть уникального опыта для каждого человека — открытое множество различных (в том числе художественных) интерпретаций. Как отмечает Фреге, из субъективности представлений (или, в его тер-

минологии, «внутреннего образа») «проистекает многообразие различных представлений, сопряженных с одним и тем же смыслом», в то же время «представление существенно отличается от смысла знака, который может быть общим достоянием, а не просто частью опыта одного человека» (Фреге, 1997, с. 356). Таким образом, смысл захватывает существенный фрагмент поля субъективных представлений, которые репрезентируют общий опыт человечества, что обеспечивает одну из основных функций языка — служить инструментом накопления знаний и передачи его от поколения к поколению.

В нашем исследовании мы попытаемся показать на примере одного слова, как соотносятся в семантике субъективное и общее. В качестве такого примера мы выбрали слово *мамочка*, относящееся к терминам родства. Основным семантическим признаком данных лексем является их релятивная природа: они не только называют денотат (как, например, названия профессий), но также и репрезентируют родственную / семейную связь между двумя актантами, одним из которых зачастую оказывается сам говорящий. Это позволяет характеризовать термины родства как «слова-отношения» (Бурас, Кронгауз, 2013), семантика которых в позиции обращения модифицируется определенным образом — семантические актанты замещаются говорящим и адресатом. Термины родства также получают широкое распространение в своем вторичном употреблении, когда говорящий и адресат не состоят в родственных отношениях, а возможно, и вовсе незнакомы. Это в первую очередь касается терминов близкого родства и почти не относится к так называемым терминам свойства (тесть, свекровь и т.п.). Ядром этой системы оказываются слова, связанные со смыслом «быть родителем», то есть *отец*, *мать* и все возможные варианты.

В ходе ряда лингвистических и антропологических исследований, проведенных на материале дагбани (Salifu, 2010), китайского языка (Kinnison, 2017), африканских языков (Fashola, 2014), были выявлены общие закономерности развития вторичных значений у терминов родства, в основе которого чаще всего лежит метафорический перенос идеи солидарности / близости между кровными родственниками одного поколения (брат, сестра) на отношения с собеседником, находящимся вне семейного круга. Это сближает термины родства с показателями вежливости, направленными на поддержание чувства доверительности и открытости с собеседником. На материале русского языка анализ вторичного использования терминов родства в основном встречается в работах, которые посвящены описанию более комплексных проблем — описанию семейного этикета в статье М.М. Бурас и М.А. Кронгауза «Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика» (2013) и в разделе «Системы и термины родства» учебного пособия Е.В. Перехвальской «Этнолингвистика» (2016).

Механизм вторичного употребления терминов родства отчасти сходен с процессом прагматикализации лексем, который определяется как «переход грамматически и лексически полнозначной единицы на коммуникативный уровень, при котором, с одной стороны, происходит (полностью или частично) стабилизация ее определенной формы, де-

семантизация (утрата лексического значения) и обрыв синтаксических связей, а с другой — приобретение той или иной прагматической функции» (Сулимова, 2019, с. 448). Различные аспекты прагматикализации рассматриваются в ряде исследований на материале дискурсивных слов: *то бишь* (Шилихина, Ткач, 2020), *счастливо* (Бобрик, 2021), *самый* (Сяоли, 2022), конструкций с предлогом *по* (Виноградова, 2023). Стоит отметить, что при вторичном употреблении терминов родства наблюдается частичная десемантизация слов, которая зачастую определяется изменением денотата. В то же время отдельные части значения, наоборот, усиливаются и становятся основой для метафорической проекции семейных связей на отношения с собеседником.

Далее мы представим словарные дефиниции слова *мамочка*, опишем структуру нашего датасета и принципы разметки данных, а также проанализируем пути расширения значения слова и социокультурные факторы, определяющие этот процесс.

2. Определения в словарях

Система терминов родства в русском языке представляет собой структуру веерного типа, в которой в качестве ядра выступают референтные лексемы, служащие для называния людей (мать, отец, дочь, сын и пр.), а периферию составляют стилистические варианты, обычно выступающие в апеллятивной функции (*мать* → *мамочка*, *матушка*, *мамушка*, *маменька*, *мамуля*, *мамуся*, *мамзик*, *мамаша*, *маманя* и пр.). При этом референтные термины родства носят в языке достаточно устойчивый характер и представляют собой нейтральные и общеупотребительные лексемы, в то время как апеллятивные номинации подвижны в своих границах — новые обращения постоянно появляются в семейном общении, они экспрессивны, зачастую относятся к разговорной речи (или даже просторечию) и могут достаточно быстро устаревать. Между этими типами не существует четкой границы, в частности лексема *мамочка* типологически принадлежит к апеллятивным терминам родства, но, как показывает наш материал, достаточно активно используется и в референтной функции. Кроме того, даже среди апеллятивов прослеживаются некоторые ядерные и периферийные системы: так, в словаре Ушакова определение слов *мамуля*, *мамуня*, *мамуся* и *мамоська* дается через отсылку к значению слова *мамочка*, которое представляет собой интегральную номинацию для этой группы (Толковый словарь русского языка, 1940).

В качестве основных словарных дефиниций слово *мамочка* можно выделить три определения.

Во-первых, «ласковое название матери», которое отмечено в словарях Ушакова, Кузнецова, Евгеньевой (МАС), Шведовой (в последнем случае данное слово помещено в раздел «Фамильярные, дружеские, ласковые обращения»).

Во-вторых, менее очевидное «ласково-фамильярное обращение к мужчине и женщине», которое обозначено во всех перечисленных выше словарях в качестве второго, а в одном из самых современных — словаре Ефремовой (Ефремова, 2000) — первого значения (при этом

второе значение в словаре Ефремовой «ласк. к сущ. *мама*» имеет помету «разговорное»). Мы все же склонны считать, что использование лексемы *мамочка* как общего по отношению к мужчинам и женщинам обращения связано с расширением компонента значения «ласковый / ласкательный» и носит переносный характер. В большинстве словарей данное значение сопровождается пометами о его фамильярности (Толковый словарь русского языка, 1940; Большой толковый словарь русского языка, 1998; Словарь русского языка, 1984; Ожегов, Шведова, 1997), устаревшем характере (Толковый словарь русского языка, 1940; Словарь русского языка, 1984; Ожегов, Шведова, 1997), а также просторечности употребления (Словарь русского языка, 1984).

Интересно, что в «Толковом словаре русской разговорной речи» под редакцией Л. П. Крысина данная дефиниция отсутствует вовсе, а в качестве второго значения указывается «возглас, выражающий сильные эмоции (удивление, ужас, боль и т. п.)» (Толковый словарь, 2014). Это же значение, правда, по отношению к форме множественного числа (*мамочки*), можно обнаружить и в словаре МАС, а также в словаре Шведовой. Стоит отметить, что междометная функция наряду с апеллятивной и референтной представляет третий, наиболее десемантизированный тип употребления терминов родства (другой пример — *батюшки*). Таким образом, в качестве основных семантических признаков слова *мамочка* можно выделить:

1. Название матери, которое сопровождается выражением ласкового отношения.

2. Обращение к женщине или мужчине, которое несет ласковый, но фамильярный оттенок.

3. Междометная функция, выражение сильных эмоций.

При рассмотрении материала в диахронической перспективе набор дефиниций может быть расширен определениями из словаря Даля (1911):

1) родительница;

2) (местами употребл. вм. мать), кормилица, женщина, кормящая грудью не свое дитя;

3) старшая няня, род надзирательницы при малых детях;

4) детское ласкательное название матери;

5) мамочка (юж.), говор. ласк. вм. *милая моя, голубушка, сударыня*.

Как мы видим, в словаре Даля обозначен перенос номинации на женщин, выполняющих роль матери, но не имеющих отношений кровного родства с адресатом (в словаре Ушакова для обозначения такого типа отношений используется лексема *мамка*), а также отражен «детский» статус говорящего при использовании слова в значении «название матери».

3. Методика сбора данных и статистические характеристики

В качестве материала для исследования мы использовали примеры из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/>), в котором на 11 мая 2023 г. было выявлено 3970 случаев вхождения слова *мамочка*. Процесс разметки представляет

собой достаточно трудоемкий процесс — ассессорам необходимо обращаться к широкому контексту для верификации отношений между говорящим и объектом номинации и правильного тегирования каждого словоупотребления. В связи с этим мы решили сократить выборку, сохранив баланс распределения текстов в хронологическом аспекте.

Для этого мы разбили полученные данные по десятилетиям, причем, если период создания текста приходится на два периода (например, 1956—1962 годы), мы учитываем дату завершения создания текста (в нашем примере это 1960-е), что позволяет нам принять во внимание возможные корректировки, внесенные автором непосредственно перед публикацией. В процессе разметки данных в пределах каждого из десятилетий мы руководствовались следующим принципом: если общее количество примеров составляло не более ста вхождений, то была проведена сплошная разметка (как, например, для десятилетий до 1900 года); в противном случае мы отбирали долю вхождений, пропорциональную объему данных соответствующего десятилетия в основном подкорпусе). Таким образом, в итоговую выборку вошел 2191 пример. Объем получившейся выборки в сравнении с основным подкорпусом представлен на рисунке 1.

Рис. 1. Распределение количества вхождения слова «мамочка» по десятилетиям в основном подкорпусе НКРЯ и в размеченной выборке

Процедура разметки включает в себя следующие этапы: для каждого вхождения слова *мамочка* определяется тип употребления (обращение, референтное, восклицание или междометие). Затем для обращений и референтных определяется подтип употребления — первичное или вторичное. Первичное употребление предполагает использования слова *мамочка* в качестве обращения к собственной матери, а также референтное употребление при упоминании родной матери для того персонажа, с чьей перспективы ведется повествование (иногда им выступает лирический герой автора). Все остальные виды употреблений относятся ко вторичному типу и предполагают использование слова *мамочка* в переносном значении. Статистическое распределение по количеству типов и подтипов вхождений можно увидеть в таблице.

Таким образом, в нашей выборке было выявлено 362 случая вторичного употребления слова *мамочка* в художественных и, частично, интернет-текстах, время создания которых охватывает период с 1840 по 2010 год.

Типы употреблений в размеченной выборке

Тип употребления	Подтип употребления	Количество вхождений
Обращение	Первичное	1008
	Вторичное	138
Референтное	Первичное	713
	Вторичное	224
Восклицание или междометие		109

4. Общие значения для апеллятивных (обращений) и референтных употреблений

Жена

Одним из типичных случаев употребления слова *мамочка* во вторичном значении является ситуация обращения мужа к своей жене. В большинстве случаев такое использование лексемы является следствием регулярного прагматического сдвига, который происходит в семейном общении при появлении детей. Как отмечается в статье, посвященной анализу обращений в русском семейном этикете, для мужской речи наиболее характерным является сдвиг при обращении к жене: «в этом случае используется обращение *мать* (однократно зафиксировано обращение *мамочка*)»¹ (Бурас, Кронгауз, 2013, с. 129).

В нашем исследовании *мамочка* как обозначение жены встречалось гораздо чаще: 43 вхождения употребления слова *мамочка* в апеллятивной функции и 189 – в референтной. Таким образом, соотношенность *мамочки* с женой оказывается значительно чаще, чем ее соотношенность с другими женщинами, что позволяет выделить ‘жена’ в отдельное значение.

(1) **Мамочка**... ангел! – принялся я от восторга обнимать жену (А.П. Чехов. Оба лучше (1884 – 1885)).

(2) И что же – никакого сравнения!.. – А где это ты там «Каберне» заказывал в Туле? – спросила его жена. – Можно узнать?.. – В гостинице, **мамочка!** – развел он руками. – Заказчики с завода в ресторан повели!.. – Заказчики с завода? – переспросила она. – Так вот, читать это лишнее! – напомнил Лазарев (Б.Е. Клетинич. Мое частное бессмертие (2015)).

(3) Я хотел лечь спать, но увлекся чтением книги Фёдорова «Генерал Доватор» и читал до 2-х часов ночи, а **Мамочка** пришла в начале четвертого часа утра (С.Д. Грамматин. Дневник (1951)).

¹ Здесь и далее все цитаты даны в современной орфографии.

Примеры (2), (3) демонстрируют, что наличие детей является не единственным фактором, влияющим на выбор данного апеллятива при обращении к жене. Лексема *мамочка* также может быть маркером близкого общения, что обеспечивается семантикой суффикса *-очк-*. В дневнике С. Д. Грамматина *Мамочка* используется по отношению к жене регулярно и переходит в разряд прозвищ.

Переход номинации в разряд устойчивых именованных людей зафиксирован и в повести «Республика ШКИД», где герой Костя Федотов получает прозвище *Мамочка* в связи с тем, что часто произносит фразу «Ой, мамочки». На наш взгляд, такая фразеологизация лексемы приводит к утрате непосредственного обозначения отношений между говорящим и адресатом, однако вопрос о полной десемантизации слова остается открытым.

Женщина, которая выполняет отдельные функции матери

Еще один тип вторичного использования слова *мамочка*, встречающийся как позиции обращения, так и в референтном употреблении, связан с номинацией женщины, которая выполняет функции матери для адресанта или персонажа, но при этом не состоит с ним в отношениях кровного родства. Выделяются случаи такого обращения к мачехе или возлюбленной отца:

(4) Потом она спросила: — Можно я буду тетю Олю мамой называть, пока я здесь? — Можно. И только и слышалось: «**Мамочка, мамочка!**», «Папочка! Папочка!» — на два голоса. Поначалу было не все так просто. — Папа, а тетя Оля твоя жена? (Д. Каралис. Автопортрет (1999)).

Внутрисемейный перенос другого рода наблюдается при общении одного из супругов в общении с родителями другого, когда также используется термин кровного родства (правда, чаще *мама*, чем *мамочка*). В качестве примера можно упомянуть использование номинации *мамочка* невесткой по отношению к свекрови (возможно с добавлением притяжательного местоимения при общении с мужем — *твоя мамочка*):

(5) — Да мне нельзя — пост... — А что можно? — Ничего нельзя. — **Мамочка**, нехорошо... Мед — это не мясо, не сыр, а? Ну немножечко, дорогая? Старуха, съездившись, краем ложечки прихватила каплю меда (Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002)).

К другой группе относятся внесемейные отношения, связанные с опекой и заботой, когда в качестве объекта номинации выступают опекун, учительница в приютах и детских домах. В обоих случаях говорящими являются дети, которые вступают в коммуникацию со взрослыми в ситуации «снизу вверх».

(6) А зашли бы, узнали, как сами дети относятся к своему Дому, к своим учителям, многих из них они называют «**мамочка**» (Л. Лаврова. Лишние (1999)).

Обращение *мамочка* может использоваться и взрослыми в условиях, когда статус женщины оказывается институционально подкреплен. Это может быть больница, дом престарелых или другое место, в котором существует женская фигура, обеспечивающая заботу или занимающаяся частью оперативно-хозяйственной деятельности:

(7) На этих словах мое сердце, как чугунная баба, бухает в ребра. Я никак не могу взять в толк, что же мне надлежит ждать еще. У этих двоих — свои дела. — Про погост — это вы, **мамочка**, о себе так можете говорить. (Профессор, обиженной скороговоркой.) (М. Палей. Дань саламандре (2008)).

Для внутрисемейных отношений важен формальный статус «новой матери». Для внесемейных отношений важен не столько формальный статус, сколько проявление заботы, опеки и покровительства в целом. Следующий пример является мостиком между этими двумя группами. Здесь речь идет о приемной матери, и не столь важно закреплена ли этот статус юридически или она выполняет функции.

(8) Но Муся, по простоте не вникая в сложную историю старых отношений, кинулась Римме на шею, едва та переступила порог. И, вспыхивая, рассказала, как Яков был тогда на работе и как **мамочка** (так она называла Рахиль) вдруг взялась за сердце и повалилась прямо на кухонный стол (И. Ратушинская. Одесситы (1998)).

Женщина с маленьким ребенком и беременная женщина

Во всех обнаруженных нами случаях (8 вхождений) обращение *мамочка* используется в условиях коммуникации врача или другого медицинского работника с беременной женщиной, роженицей или недавно родившей, а также в ситуации общения молодых матерей и беременных женщин на тематических форумах.

В случае референтного использования (27 вхождений) это также ситуации коммуникации с врачами, в роддоме и в статьях на данную тематику. Таким образом подчеркивается будущий или только что обретенный статус родителя:

(9) Потому что приезжают врачи — два веселых толстых доктора с мягкими руками. Они мнут Гуль живот, поворачивают ее, а потом говорят: «Госпитализируем, собирайтесь. Все собрано? Молодцом, **мамочка!**» Один из них заворачивает Гуль в теплый плед, и Гуль на носилках уносят из дома. А Мира, прежде чем переступить порог, оглядывает комнату еще раз. И спохватывается (Д. Сабитова. Где нет зимы (2011)).

(10) Точно моя. Я ее видела, наверху, а может, не моя, у меня зрение минус два, я могла перепутать. Там надписи были мелкие. — Ольга пыталась объяснить, но по выражению лица медсестры видела, что та считает, что **мамочка** не в себе (М. Трауб. Ласточ...ка (2012)).

Первое употребление слова *мамочка* на родительских форумах фиксируется в нашей выборке только в 2004 году, что говорит о процессах расширения значения в последние десятилетия:

(11) Ах, любимая **мамочка**, спасибо огромное за такие теплые слова:) Мне так приятно:) Наверное только у меня не всегда получается быть с большой буквы:) Но я стараюсь, правда:) А еще безумно хочется, чтобы мой ребенок, когда вырастет, сказал мне что-то подобное:) tanya_j, 2004.04.05 05:19. Просто супер! (с транслита) (Наши дети: Малыши до года (форум) (2004)).

Возможно расширение по возрасту, то есть слово *мамочка* может использоваться школьными учителями по отношению к женщинам, которые активно отстаивают интересы своих детей. Расширение по возрасту возможно вследствие чрезмерной активности женщин, что подчеркивает несамостоятельность их детей. Такие употребления, по видимому, всегда ироничны, поэтому едва ли могут использоваться в качестве обращений.

(12) Пуччини переписан и сдан в переплет. Работаю над «Венявским». С квартирой — мертвое затишье. Приходила какая-то **мамочка** просить, чтобы я учил её сына для поступления в Училище (В. А. Швец. Дневник (1964)).

(13) Марина Николаевна уточнила, сколько будет стоить ее полутора-часовое занятие. Родительница начала было торговаться, но Марина Николаевна оставалась непреклонной: «Как хотите. Меньше я не могу». **Мамочка** вздохнула и согласилась (А. Н. Бузулукский. Учительницы (2015)).

Ключевой здесь является фигура ребенка, который, возможно, еще не родился, но позволяет определить женщину как мать. Статус ребенка — младенец (или «как бы младенец») — также важен, потому что благодаря нему используется не слово *мать*, а детское слово *мамочка*.

5. Значения, характерные только для апеллятивных употреблений (обращений)

Хорошая знакомая

В ряде случаев лексема *мамочка* применяется исключительно в функции апеллятива и не употребляется в референтной позиции. Один из типичных случаев — использование данной лексемы при обращении к женщинам разной степени знакомства, при этом она встречается как в речи женщин, так и речи мужчин. Мы выделяем несколько типичных случаев адресации для этой группы.

Во-первых, это ласковое и фамильярное обращение к знакомой женщине, и наличие у нее детей не является определяющим фактором.

(14) — А костюм привезли? — спросила я.

— Привезла, **мамочка**, привезла. Она со мной не церемонится.

Она обращается со мною как с подругой, что мне очень нравится (П. Д. Боборыкин. Жертва вечерняя (1868)).

(15) Как-то, лет десять тому назад, в Париже я был в русском театре. В том же ряду, что и я, несколько в стороне, сидел пожилой драматург, автор нескольких пьес, в том числе одной, давшей ему всероссийскую известность, хотя это и плохая пьеса. Увидев знакомую молодую даму тремя рядами по-

зади, он зычно, во всеуслышание к ней обратился: — **Мамочка!** А, **мамочка!** Был я вчера у таких-то на блинах. Слышите, а? (Г.В. Адамович. Мои встречи с Алдановым (1960)).

Во-вторых, часто фамильярное обращение к женщине со стороны мужчины связано с заигрыванием и носит характер филътра.

(16) — Послушайте, Александр Петрович... — сказала она ему строго. — Как вам не совестно! Вы женатый человек... у вас взрослый сын! — Вот это-то и пикантно, **мамочка!** — спаясничал Назаров. — Оставьте! Такие шутки меня оскорбляют! Какое вы имеете право, вот уже второй месяц, приставать ко мне с подобными намеками?! (С. А. Гарин. Червем ползущие (1911)).

(17) Лицо его сияло удалью и радостию. Холодный ответ Марьяны, видимо, поразил его. Он вдруг нахмурил брови. — Становись в стремя, в горы увезу, **мамочка!** — вдруг крикнул он, как бы разгоняя дурные мысли и джигитуя между девок. Он нагнулся к Марьяне. — Поцелую, уж так поцелую, что ну! Марьяна встретила с ним глазами и вдруг покраснела (Л.Н. Толстой. Казаки (1863)).

С некоторой долей условности сюда можно отнести примеры, в которых мать и отец используют обращение *мамочка* по отношению к своим дочерям. Таким образом, происходит отзеркаливание семейной иерархии с сохранением выражения расположения к собеседнику. Это также можно назвать эхо-эффектом, обеспечивающим инверсию обращения, — феномен, известный во многих языках:

(18) [Лидия Николаевна (жен, 46, 1944–1953)] Неужели вы ничего даже не слышали? Весь Париж стоял в очереди за билетом! Лара, ты не помнишь, куда у меня делись французские деньги? У тебя их украли, **мамочка**. Ах, да. Но я, знаете ли, Жан, никогда не страдала сребролюбием. Любовь и искусство — выше денег, не правда ли, господа? (Л.Н. Разумовская. Французские страсти на подмосковной даче (1990–1999)).

(19) **Мамочка**, да я сам рад, что меня не бьют, — жалобно ответил отец (А.К. Шеллер-Михайлов. Под гнетом окружающего (1886)).

Таким образом, нейтральность, или даже уместность, данного обращения по отношению к знакомой зависит от степени социальной или эмоциональной близости между адресантом и адресатом. В частности, такое обращение мужчины к женщине возможно только в ситуации близкого знакомства или как попытка резкого сокращения дистанции, своего рода заигрывание.

Мужчина

Обращение *мамочка* к мужчине или мальчику часто сопровождается покровительственной позицией и выражением добродушного отношения.

(20) А у меня, Алексей Федорович, к тебе просьба. Надо срочно обработать картограмму вчерашнего подрыва. — Не выйдет. — Отчего же, **мамочка?** — Девушек, касказать, нет. Все на работе, касказать, генерала. — Так уж и нет? (И. Грекова. На испытаниях (1967)).

(21) Ну, да ладно, попробую! Илья, однако, не решился говорить с самим командиром и отправился с этой просьбой к старшему офицеру. Тот после консульского обеда был сильно «под мухой», и потому долго не мог понять, в чем дело, но когда понял, то выпучил на Илью свои пьяные глаза и стал протестовать: — Что вы, **мамочка!**.. Да вы не рехнулись ли? Князя к вам вестовым? Да это вы что? (В.В. Сиповский (Василий Новодворский). Коронка в пиках до валета (1930)).

Кроме того, обращение *мамочка* может употребляться в семейном общении в качестве ласкового обращения жены к мужу.

(22) — Одного у нас, Витя, с тобою нет, право! Как бы это было, ты бы меньше скучал. — Что такое? — Детей, **мамочка!** Хотя бы одного в целую жизнь бог дал на радость! Рымов усмехнулся. — Ты бы, **мамочка**, очень его любил? (А.Ф. Писемский. Комик (1851)).

В данном случае речь идет о специфическом типе десемантизации, когда выпадает один из главных компонентов значения — гендер, а сохраняется лишь позитивное и отчасти покровительственное отношение. Стоит отметить, что для аналогичного слова *папочка* потеря признака гендера невозможна.

Близки к этому типу два трудно интерпретируемых примера. Они обнаружены в тексте, описывающем будничную жизнь в Одессе, где в качестве адресата выступают покупатели на рынке. По найденным примерам сложно сказать, употребляется ли это обращение к женщинам, или к мужчинам тоже; по-видимому, они относятся к любому покупателю — или шире — участнику коммуникации. Лексема служит инструментом сокращения дистанции, привлечения внимания и сохраняет семантику ласковости и фамильярности, что подтверждается появлением в контексте других ласковых слов — *птенчик* или *рибонька*.

(23) Но вот из облака дыма появлялась сама тетя Утя. Официантка тетя Утя порхала между столиками. Она работала по принципу «Одна нога здесь — другая хромая», приговаривая: «Рыбки мои, щас всех обслужу, всех обсчитаю... Сейчас, **мамочка**, сейчас, птенчик... Шоб вы все были здоровенькими... Шо ты мне суешь, а?..» — «Это долг с прошлого футбола!» — «Спасибо, деточка! Шоб мы все выиграли от этой жизни!..» (Р. Карцев. Малой, Сухой и Писатель (2000–2001)).

(24) Настоящие знатоки приходили в шесть-семь утра, делали обход, приценивались, потом начинали пробовать! — Женщина! Отведайте мою сметану! — **Мамочка**, рибонька, иди, я тебе даром отдам! — Смотри на мой мед! Хочешь сладкую жизнь? Она у меня! (Р. Карцев. Малой, Сухой и Писатель (2000–2001)).

Неживой объект

Еще одним редким случаем семантического опустошения обращения *мамочка* можно считать апелляцию к неживому объекту. В примере (25) таким предметом является пушка, к которой обращается герой в ожидании выстрела. Можно предположить, что такое употребление

мотивировано зависимой позицией говорящего по отношению к орудю — в этом случае основанием для переноса становится не только отношение родства, но и подчеркнуто высокий статус матери в семье.

(25) Там, в думе, сейчас бокалы поднимают за упокой революции. «Ура» кричат, сюда слышно. Гришка, слышим, шепчет: — Пикни, **мамочка**, пикни, родная моя! Ничего. Тихо, все замерло. Ударил колокол в соборе (Б. С. Житков. «С новым годом!» (1931)).

Подобный перенос встречается и среди референтных случаев употребления слова *мамочка*. Мы обнаружили два примера, где объектом номинации становится водка. Можно предположить, что в таких случаях имеет место перенос на объект таких свойств матери, как близость, душевность и теплота:

(26) Я не купил, хоть тогда еще были деньги: совестно было. — Буржуазные предрассудки... Да, может, здесь и не из Дворца, но только водка, понимаете ли? Водка-мамочка! Правда, не пять, а восемьдесят рублей бутылка, что значительно хуже. — Тащите! — сказал князь, махнув рукой. — Тащите! — решительно присоединился и Березин (М. А. Алданов. Бегство (1930)).

(27) Я лично наливаю себе высокую севастопольскую стопку водки на вишенках, ложу в овальный тазик осетра заливного и кучку хрена рядом, а также украшаю ломтик ситничка икоркой с маслом. Ну, все вроде и готово... Вокруг тоже идет сыр-бор... Грянули! Ах, вкусна, мамочка! И вдруг раздаётся тонкое шипенье. Все громче и сильнее оно, словно горит и приближается динамитный шнур. И — взрыв! (К. Сарнов (В. М. Галкин). Вечер Паши Мосина (1966)).

Основой для такого неожиданного переноса является эмоциональная связь с неживым объектом и, возможно, определенная зависимость от него. Таким образом, и здесь присутствует метафора, отличающаяся особой глубиной, что приводит к потере одного из основных семантических компонентов — 'существо'.

6. Значения, характерные только для референтных употреблений

Хозяйка животного

В ряде случаев вторичного референтного использования слова *мамочка* мы зафиксировали перенос отношений «мать — ребенок» на отношения «хозяйка — питомец» (в большинстве случаев это относится к владельцам собак). В размеченной выборке подобное референтное употребление встречается как от лица собаки (29), так и автора (28), а также самореференция хозяйки (30).

(28) Бо-бо был знаменит в узких кругах тем, что происходил из одного помета с собакой президента Барака Обамы. Во всяком случае, именно так утверждала его «**мамочка**», говорившая, что муж, который здесь бывает наездами, а постоянно проживает в Соединенных Штатах, там вхож в самые что ни на есть высокие круги (М. Полетика. Однажды была осень (2012)).

(29) Топси хотелось все рассказать про Лимонадова, да как скажешь, когда во рту тяжелая корзина с провизией и совсем не умеешь говорить по-человечески? Вилять хвостом?... Направо и налево?... Но это только Александр Иванович Куприн знает «пуделиный язык», а **мамочка** — та ничего не поймет» (П.Н. Краснов. Подвиг (1932)).

(30) Я юркнул в кусты, быстренько сделал все, что требовалось, зарыл, забросал все свежим песочком, отряхнул лапы, подмылся и только собрался было вылезать на свет Божий, как вдруг увидел поверх кустов пожилую даму в больших темных очках, которая говорила по-французски: — Лола, дорогая... Ну, сделай пи-пи!.. **Мамочка** умоляет тебя, Лола!.. Пис-пис, пис-пис... Ну, пожалуйста, Лола!.. (В. Кунин. Кыся (1998–2000)).

Здесь речь идет о перенесении человеческих отношений на отношения хозяйки и питомца: животное выступает в качестве безмолвного существа и является транслятором субъективной человеческой картины мира. В частности поэтому в нашем корпусе не удалось найти использования слова *мамочка* в позиции обращения от лица питомцев.

7. Сравнение и метафора

Отдельного внимания заслуживают конструкции и формальные приемы, преобразующие семантику *мамочки*. Безусловно, наиболее важным приемом является сравнительный оборот, подчеркивающий определенные характеристики матери — гиперопека, строгость, забота и т. п.

(31) Я тряслась над тобой, как **мамочка**. Но мне надоело, ты слышишь? Меня абсолютно не интересует эта твоя бумажная цапля, на которую ни один мужчина со вкусом даже не посмотрит. И знаешь, что это означает? (О. А. Славникова. 2017 (2017)).

(32) Если Зина сделает вид, что хамства не заметила, но станет говорить с ним как **мамочка**, все совсем плохо. Это значит, что она никогда не воспринимала его всерьез (Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть вторая (2015)).

Следует также выделить формальные показатели осуществления переноса, своего рода операторы метафоры, например числительное *второй* или пунктуационный знак кавычки:

(33) Как трогательно! Как смешно! И какие перспективы открываются! Вот Зина-то моя, сердобольная сестренка, вторая **мамочка** моего Илюхи. Она же монашка. Она холодна и безжалостна на самом-то деле. Она любит идеи, как Руслан, но по-другому, по-женски (Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть вторая (2015)).

(34) Ну, пресловутая «**мамочка**» — это ж наша Родина-мать, наша Ра-сеюшка, которая вечно пугает то чумазым мужланом, то ГУЛАГом, то Сталиным, то Америкой, то западной бездуховностью, то красно-коричневою чумою... Все тут держится единственно на страхе (Д. Бавильский, И. Манцов. Инте-инте-интерес, выходи на букву «с» (2011)).

Отдельный интерес представляет конструкция с отрицательной частью, апеллирующая к отсутствию стереотипных материнских качеств:

(35) Ах, просил, но не получил? Вيني себя, олух, значит, не научился строить предложения и правильно общаться со Вселенной. Это тебе не **мамочка**, выполняющая твои истерично-невнятные «хочу» и «дай» (О.А. Славникова. 2017 (2017)).

(36) А то ночка – не **мамочка** (Вас. Быков. Утро вечера мудренее (1966)).

8. Тенденции в развитии вторичного употребления слова *мамочка*

На основе выделенных типов значений каждому вхождению лексемы *мамочка* в выборке был присвоен соответствующий тип. Рисунок 2 иллюстрирует распределение вхождений по выделенным значениям.

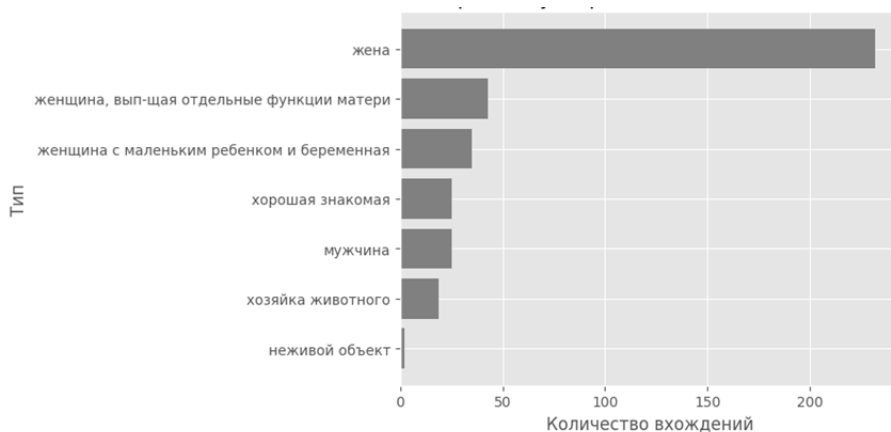

Рис. 2. Распределение вхождений вторичного употребления слова «мамочка»

Сопоставление полученных результатов позволяет выявить те значения, которые встречаются регулярно, более того – могут проявляться как в ситуации обращения, так и в референтной функции, что может свидетельствовать об их вхождении в семантическое ядро вторичного употребления слова *мамочка*. К ним относятся обращения к *жене*; *женщине, выполняющей функции матери*; *беременной или роженице*.

Динамика использования лексемы *мамочка* в хронологическом аспекте позволяет выявить ряд тенденций. В первую очередь, это регулярность сдвига, связанного с номинацией жены. На рисунке 3 проиллюстрировано распределение текстов из размеченной выборки по типам употреблений в хронологическом разрезе. Можно заметить, что примеры текстов со вторичным употреблением лексемы *мамочка* по отношению к жене встречаются почти в каждом десятилетии. Схожим образом номинацию по отношению к хорошей знакомой и женщине,

которая выполняет отдельные функции матери (*приемная мать, мачеха, опекун* и пр.), можно наблюдать на протяжении практически всего описываемого периода.

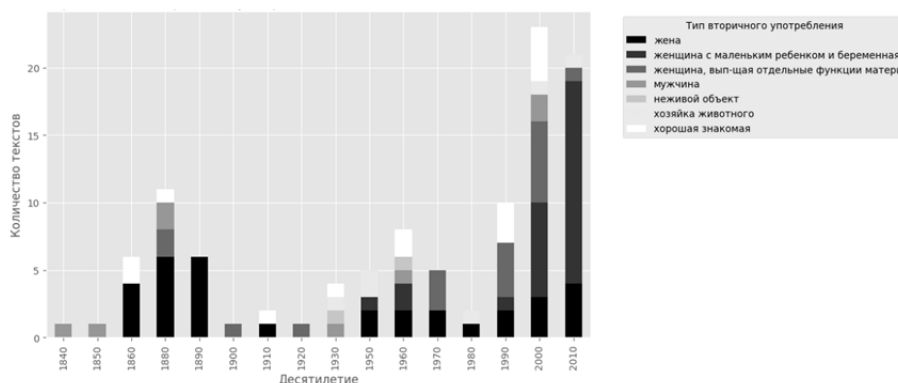

Рис. 3. Распределение текстов из размеченной выборки по типам вторичных употреблений и по десятилетиям

Интересно, что вторичная номинация по отношению к женщинам с маленьким ребенком или беременным женщинам, по-видимому, является более поздним явлением, за исключением двух примеров из 1960-х годов, которые принадлежат одному произведению. Начиная с 1990-х годов можно увидеть возрастающее количество произведений с этим типом употребления как в апеллятивной, так и в референтной функции.

Использование лексемы *мамочка* по отношению к мужчинам можно считать, скорее, устаревшим. Хотя примеры апеллятивных употреблений можно встретить и в 1950–1960-х годах, основное количество употреблений приходится на период до 1910-х годов. Использование лексемы *мамочка* по отношению к неодушевленным предметам, по всей видимости, носит окказиональный характер.

9. Заключение

Итак, содержание слова *мамочка* во вторичном употреблении можно свести к системе значений, в которой так или иначе отражаются различные аспекты стереотипного представления о материнстве. Простейшим шагом к расширению значения становится использование описываемой лексемы по отношению к женщине, которая выполняет функции матери — в этом случае в семантике сохраняются отношения «мать — ребенок», но эти отношения воображаемые, так как из значения исчезает идея родства.

Далее семантика слова *мамочка* трансформируется в двух направлениях. В первом случае возникает значение «женщина с маленьким ребенком», в котором сохраняются все компоненты, кроме родства по отношению к наблюдателю — некто называет женщину *мамочкой*, актуализируя ее связь с ребенком. В этом случае фигура ребенка становится ключевой для идентификации *мамочки*, а активное проявление

заботы женщины во взаимодействии с представителями различных структур (учителями, врачами) влияет на статус ребенка — независимо от реального возраста он предстает в роли младенца.

Во втором случае происходит перенос стереотипных представлений о матери на неживые объекты, среди которых обычно фигурируют слова женского рода, что облегчает совершение переноса. Кроме того, «как бы мамой» может стать и хозяйка по отношению к домашнему питомцу, что является результатом самоидентификации: животное выступает в качестве безмолвного существа и является транслятором субъективной человеческой картины мира: человек говорит как бы от лица собаки.

Мы также встречаем использование слова *мамочка* для обозначения «матери детей» в семейном общении, которое затем переходит к обозначению хорошей знакомой и, шире, к обозначению ласковости «сверху вниз». В пространстве семейного общения наблюдается явление эхо-эффекта, или отзеркаливания, когда признаки *мамочки* переносятся на мужа или детей.

Описанная схема носит статичный характер и учитывает степень трансформации первичного инвариантного значения слова *мамочка*. Не менее интересным представляется диахронический аспект описания, который показывает регулярность сдвига в использовании слова *мамочка* для номинации жены и женщины, выполняющей некоторые функции матери. Динамика вторичных употреблений показывает постепенное угасание употребления для номинации мужчин и актуализацию значения «женщина с ребенком» в наши дни.

Разного рода индивидуальные расширения представлений о *мамочке* влияют на целостность семантической структуры описываемой лексемы, привносят разнообразие интерпретаций смысла во вторичном употреблении и, в конце концов, формируют несколько конкурирующих денотатов, связанных с одним языковым знаком.

Эта работа является первым шагом к изучению поля терминов родства и было бы целесообразно продолжить ее сравнением с лексемами *мать*, *маменька*, *мамуля*, *матушка*, а также с другой стороны — *папочка*, *папенька* и другими.

В данной научной работе использованы результаты Большого проекта «Речевые практики российского общества», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

Список литературы

Бобрин М. А. Механизмы прагматикализации в истории русской формулы прощания *счастливо!* // Вопросы языкознания. 2021. №1. С. 70–83.

Большой толковый словарь русского языка: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

Бурас М. М., Кронгауз М. А. Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика // Вопросы языкознания. 2013. №2. С. 121–131.

Виноградова Е.Н. Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация (на материале конструкций, включающих предлог *по*) // Вопросы языкознания. 2023. №1. С. 54–87.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд., испр. и знач. доп. ; изд. под ред. [и с предисл.] И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб. ; М., 1911. Т. 4.

Ефремова Т.Е. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 11.05.2023).

Ежегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 4-е изд., доп. М., 1997.

Перехвальская Е.В. Этнолингвистика. М., 2016.

Словарь русского языка : в 4 т. АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. Т. 4.

Сулимова Т.С. От наречия – к прагматическому маркеру: этапы прагматикализации единицы чисто в русской устной речи (корпусное исследование) // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи : сб. науч. тр. Междунар. науч. симпозиума / отв. ред. Л.В. Ухова. Ярославль, 2019. С. 448–455.

Сяоли С. Слово *самый* в свете активных процессов русской речи (грамматикализация, идиоматизация и прагматикализация) // Русская речь. 2022. №2. С. 7–23.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова : в 4 т. М., 1940. Т. 4.

Толковый словарь русской разговорной речи / под ред. Л.П. Крысина. М., 2014. Вып. 2 : К–О.

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. 1997. №35. С. 351–379.

Шилихина К.М., Ткач И.А. Дискурсивный маркер «то бишь»: пример ранней прагматикализации и современное функционирование // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. №3. С. 54–62.

Fashola J.O. Reawakening African Cultural Practices towards Global Harmony: Role of Kinship // Review of Arts and Humanities. 2014. Vol. 3, №2. P. 101–113.

Kinnison L. Q. Power, integrity, and mask – An attempt to disentangle the Chinese face concept // Journal of Pragmatics. 2017. №114. P. 32–48.

Salifu N.A. Signaling politeness, power and solidarity through terms of address in Dagbanli // Nordic Journal of African Studies. 2010. №19. P. 274–292.

Об авторах

Максим Анисимович Кронгауз, доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: mkrongauz@hse.ru

ORCID: 0000-0003-2956-0565

Ксения Сергеевна Клокова, младший научный сотрудник, Московский физико-технический институт, г. Долгопрудный, Россия.

E-mail: kloкова.ks@mipt.ru

ORCID: 0000-0002-6650-1946

Валерий Александрович Шульгинов, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Московский физико-технический институт, г. Долгопрудный, Россия; ведущий научный сотрудник, национальный исследовательского университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: vshulginov@hse.ru

ORCID: 0000-0003-2217-3677

Татьяна Александровна Юдина, младший научный сотрудник, Московский физико-технический институт, г. Долгопрудный, Россия.

E-mail: yudina.tatiana.a@mipt.ru

ORCID: 0000-0001-6631-2128

Для цитирования:

Кронгауз М. А., Клокова К. С., Шульгинов В. А., Юдина Т. А. Трансформация семантики мамочки: от жены до пушки // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 105 – 124. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-6.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SEMANTIC TRANSFORMATION OF THE NOUN МАМОЧКА:
FROM 'WIFE' TO 'CANNON'

M. A. Krongauz^{1,2}, K. S. Kloкова³, V. A. Shulginov^{1,3}, T. A. Yudina³

¹ National Research University Higher School of Economics,

1 Pokrovsky Blv., Moscow, 109028, Russia

² Russian State University for the Humanities,

6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia

³ Moscow Institute of Physics and Technology,

9 Institutskiy per., Dolgoprudny, Moscow Region, 141701, Russia

Submitted on 19.05.2023

Accepted on 10.07.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-6

In the semantic theory of Gottlob Frege, the content of a linguistic sign is determined by the connection between the meaning and a set of subjective perceptions that form the meaning. Our study aims to reveal the influence of individual perceptions of the meaning on the extension of the semantic structure of a word, using the kinship term 'mamochka' as an example. The article focuses on instances where the word 'mamochka' is used in fiction and, to some extent, Internet texts. The article examines cases spanning from the 1840s to the 2010s to explore the secondary usage of the term. The corpus, comprising a total of 2,192 cases, was carefully collected and annotated. Out of these cases, 362 examples were identified as instances of secondary usage. Each example was analyzed and categorized based on its type of use, including appellative (address), referential, or interjective use. Furthermore, for the secondary instances, the type of the meaning was also marked for accurate classification and analysis. The study delineated the semantic structure of the word 'mamochka' based on its various uses. Common meanings encompassed appellative and referential usages, denoting a wife, a woman fulfilling maternal roles, or a woman with a young child. Additionally, unique mean-

ings emerged for specific contexts, such as a friend, a man, a non-living object, or even the caretaker of an animal. The investigation also uncovered systemic connections among these meanings, along with the dynamic transformations they underwent over time in the diachronic aspect.

Keywords: kinship terms, semantics, pragmaticalization, secondary usage, appellatives, meaning

The study uses the results of the project "Discourse Practices across Professional, Cultural, and Social Groups", carried out within the framework of the Programme of Fundamental Research of the National Research University Higher School of Economics in 2023.

References

- Bobrik, M. A., 2021. Pragmaticalization mechanisms in the history of the Russian farewell formula *sčastlivo!* *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 70–83, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.1.70-83> (in Russ.).
- Buras, M.M. and Krongauz, M. A., 2013. Terms of address in Russian family etiquette: Semantics and pragmatics. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2, pp. 121–131 (in Russ.).
- Dal, V.I., 1911. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.]. Vol. 4. 3d ed. St. Petersburg; Moscow (in Russ.).
- Efremova, T.E., 2000. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation Dictionary]. Moscow (in Russ.).
- Evgen'eva, A.P., ed., 1984. *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Russian Language Dictionary: In 4 volumes]. Vol. 4. Moscow (in Russ.).
- Fashola, J.O., 2014. Reawakening African Cultural Practices towards Global Harmony: Role of Kinship. *Review of Arts and Humanities*, 3 (2), pp. 101–113.
- Frege, G., 1997. Sense and Denotation. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics], 35, pp. 351–379 (in Russ.).
- Kinnison, L. Q., 2017. Power, integrity, and mask – An attempt to disentangle the Chinese face concept. *Journal of Pragmatics*, 114, pp. 32–48, <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2017.03.015>.
- Krysin, L.P., ed., 2014. *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).
- Kuznetsov, S.A., ed., 1998. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka: A – Ya* [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language: A – Z]. St. Petersburg (in Russ.).
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> [Accessed 11 May 2023].
- Ozhegov, S.I. and Shvedova, N. Yu., eds., 1997. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow (in Russ.).
- Perekhval'skaya, E., 2016. *Etnolingvistika* [Ethnolinguistics]. Moscow (in Russ.).
- Salifu, N.A., 2010. Signaling politeness, power and solidarity through terms of address in Dagbanli. *Nordic Journal of African Studies*, 19, pp. 274–292, <https://doi.org/10.53228/njas.v19i4.198>.
- Shilikhina, K.M. and Tkach, I.A., 2020. The Russian discourse marker “to bish” (“that is”): early pragmaticalization and modern usage. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 3, pp. 54–62, <https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2933> (in Russ.).
- Sulimova, T.S., 2019. From Adverb to Pragmatic Marker: Stages of the Pragmaticalization of the Unit Purely in Russian Oral Speech (corpus research). In: L. V. Ukho-

va, ed. *Russkaya grammatika: aktivnye protsessy v yazyke i rechi: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma* [Russian Grammar: Active Processes in Language and Speech: Proceedings of the International Scientific Symposium]. Yaroslavl, pp. 448 – 455 (in Russ.).

Ushakov, D.N., ed., 1940. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes]. Vol. 4. Moscow (in Russ.).

Vinogradova, E.N., 2023. Grammaticalization, lexicalization, and pragmaticalization: Russian constructions with the preposition *PO*. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 54 – 87, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2023.1.54-87> (in Russ.).

Xiaoli, S., 2022. The Word *Samyj* in the Light of Active Processes of Russian Speech (Grammaticalization, Idiomatization and Pragmaticalization). *Russkaya Rech'* [Russian Speech], 2, pp. 7 – 23, <https://doi.org/10.31857/S013161170019839-1> (in Russ.).

The authors

Dr. Maksim A. Krongauz, Professor, Head of Laboratory, National Research University Higher School of Economics, Russia; Russian State University for the Humanities, Russia.

E-mail: mkrongauz@hse.ru

ORCID: 0000-0003-2956-0565

Ksenia S. Klokova, Junior Research Associate, Moscow Institute of Physics and Technology, Russia.

E-mail: klokova.ks@mipt.ru

ORCID: 0000-0002-6650-1946

Dr. Valery A. Shulginov, Leading Researcher, Moscow Institute of Physics and Technology, Russia; Leading Researcher, National Research University Higher School of Economics, Russia.

E-mail: vshulginov@hse.ru

ORCID: 0000-0003-2217-3677

Tatiana A. Yudina, Junior Researcher, Moscow Institute of Physics and Technology, Russia.

E-mail: yudina.tatiana.a@mipt.ru

ORCID: 0000-0001-6631-2128

To cite this article:

Krongauz, M.A., Klokova, K.S., Shulginov, V.A., Yudina, T.A., 2023, Semantic transformation of the noun *mamochka*: from 'wife' to 'cannon', *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 4, pp. 105 – 124. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-6.

ЛИНГВИСТИКА vs СЕМИОТИКА: В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

УДК 81-13

О СЕМИОТИКАХ ИНТЕГРАЛЬНО, АСПЕКТИВНО И КОНКРЕТНО

М. В. Ильин

ИНИОН РАН,

Россия, 117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

НИУ Высшая школа экономики,

Россия, 109028, Москва, Покровский бульвар, д. 11

Поступила в редакцию 15.03.2023 г.

Принята к публикации 22.04.2023 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2023-47

Высоко оценивается интерпретация дискурсивной частицы TI_1 в статье А. В. Циммерлинга. Обсуждаются использованные А. В. Циммерлингом возможности ее трактовки как дискурсивной частицы, энклитики, части речи и семантического знака. Дополнительно предлагается ее интерпретация как прагматического маркера. Комментируются трактовки семиотики А. В. Циммерлингом, в частности вопрос о первичных и вторичных семиотических системах. Представлена собственная концепция семиотики как научно-исследовательской программы по Имре Лакатосу. Это общая для многих форм жизни когнитивная способность и одновременно построенная на этой способности система эпистемологических и методологических возможностей осуществления научных исследований смыслообразования, или семиозиса. Более того, семиотика — это не только научно-исследовательская программа, но и трансдисциплинарный органон-интегратор. Такие универсальные комплексы для интеграции возможностей научного познания основаны на трех базовых когнитивных способностях — воспринимать сигналы, ранжировать и обрабатывать их; распознавать образы (конфигурации сигналов) и строить из них более сложные формы; оценивать и использовать значения (исходно функциональную значимость, релевантность) форм и их сторон. Последняя способность как раз и лежит в основе семиотики, а первые две — это метретики, или органон для вычислительной математики и статистики, а также морфетика, или органон для самых разнообразных морфологий, компаративистики, дискретной математики, топологии и т. п.

Ключевые слова: дискурсивная частица TI_1 , прагматический маркер, прагмасемантика, трансдисциплинарные органоны-интеграторы, метретика, морфетика, семиотика

Журнал опубликовал очень ценную статью А. В. Циммерлинга. Ее нужно читать с оглядкой на другое его более основательное сочинение — вобравшую в себя работы разных лет книгу «От интегрального к аспектвному» (Циммерлинг, 2021). Дело в том, что многие важные идеи его яркой статьи лишь тезисно намечены, а пояснения и аргументация скупы и лаконичны, так что порою приходится заглядывать и в книгу.

© Ильин М. В., 2023

Сама же статья интересна по меньшей мере в двух отношениях — обсуждением статуса загадочной единицы $ТИ_1$ (дискурсивной частицы, по определению А.В. Циммерлинга) и замечаниями о характере и структуре семиотики.

Дискурсивная частица

Автор определяет открытое А.А. Зализняком загадочное явление древнерусского языка $ТИ_1$ со значением 'в самом деле', 'действительно', 'конкретно' как дискурсивную частицу. Тут сразу возникает противоречие. Сам феномен дискурса многоаспектен и изучается семиотикой и практически всеми социальными науками. Частица в лингвистической номенклатуре — часть речи. Таким образом, дискурсивный феномен трактуется лингвистически. И далее в тексте дается еще одно опять лингвистическое уточнение — энклитика.

Мне такое столкновение языка и дискурса, лингвистики и семиотики представляется очень плодотворным. Когда Циммерлинг, повинувшись некоему инстинкту, уточняет (это дискурсивная частица), такой подход если и не меняет суть дела, то привносит нечто новое и для лингвиста нетривиальное. В этом случае частица¹ наблюдается и описывается уже не только в тексте или речевом акте, высказывании, а также в дискурсе. Разумеется, традиционный лингвист тут же поспешит определить дискурс как нечто сводимое к текстам и высказываниям, начисто забыв о мультимодальности дискурсов и их социальной и экстракоммуникативной функциональности. Циммерлинг мыслит, как мне кажется, шире. Для него и для меня язык и дискурс скорее устремлены друг к другу и включают в свою компанию еще и филологов как исследователей памятников и любых созданий словесности от надписей на древних обелисках до сиюминутных рэперских импровизаций. Во всяком случае я считаю самой точно и доходчивой трактовку дискурса как маленького языка, которую предложил Ю.С. Степанов в интервью (Беседа с Юрием Сергеевичем Степановым, 2002). Единственно, я бы уточнил с оглядкой на ригоризм Ф. де Соссюра — «маленький язык и внутри, и за пределами языка, и не только для языка».

Данное дополнение оправдано тем, что фактически дискурсы мультимодальны. Изучение дискурсов приверженцами социальной семиотики вылилось в целое междисциплинарное направление мультимодального анализа. В его рамках изучение, например, мультимодальных медицинских дискурсов² учитывает не только произнесенные хирургами слова, но манипуляции с телами и органами пациентов и множество прочих «некоммуникативных», но значимых действий в операционной и за ее пределами (Bezemer, Kress, 2015; Bezemer, Mu-

¹ Этот лингвистический термин Циммерлинг использует 63 раза, а *семиотический маркер* — всего 19.

² Вспоминаю впечатляющую презентацию Гюнтера Кресса и Джефа Беземера об их исследованиях дискурсов медицинских операций на конференции по социальной семиотике в Калининграде в 2018 году.

ragh, Cope, 2019; Bezemer, Kress, Cope, Kneebone, 2021). Равным образом политические дискурсы могут включать изменения границ или падение режимов, а экономические — преобразования хозяйственных объектов и территорий, и все эти дискурсы лишь метафорически можно считать «высказываниями». Фактически это новые состояния внешних миров, для которых коммуникация вообще и тем более речевая или текстовая коммуникация — лишь один из многих аспектов действительности.

Как бы то ни было, большому числу коллег приходится изучать феномены, подобные медицинским, военным и прочим операциям, политическим, экологическим и прочим кампаниям, социальным, экономическим и прочим событиям. У всех этих явлений есть языковые аспекты, поскольку используются и тексты, и разнообразные речевые акты. Так что лингвистам есть, чем заняться и что добавить в комплексные междисциплинарные исследования, однако изучение дискурсов — а их можно определить как целостные осмысливаемые эпизоды жизни³ — требует неких рамочных подходов, принципов и методов изучения, которые как раз и должны бы предлагаться «большой» и всеобщей семиотикой, но прежде всего семиотикой социальной.

Однако об этом речь пойдет дальше, а пока вернемся к дискурсивной частице $ТИ_1$. Для лингвистов статус частицы ясен. Это часть речи (калька с лат. *pars orationis*, др.-греч. *μέρος τοῦ λόγου*⁴) — традиционное название для категорий или уточняющих показателей для употребления лексем. Рискну добавить: не только лексем, но часто корневых морфем. А если взглянуть шире, то иногда и для формирования высказывания в целом. Именно это особенно важно для понимания $ТИ_1$.

Другой используемый Циммерлингом термин *энклитика* также очень важен. Частицы и служебные слова вообще очень часто являются *клитиками* разного рода. Это лишнее подтверждение того, что данные феномены, напоминающие лингвистам слова (а слова, рискну предположить, — эволюционно очень поздние образования), при более широком взгляде на традиционную номенклатуру, например семиотическом или даже типологическом, в самой лингвистике требуют иной характеристики и обозначения. Их можно и нужно обозначать по их функциям и общей функциональности. Это синтаксическая (и синтаксическая) характеристика, определитель, маркер функциональности семантических единиц в их употреблении в дискурсах — и лингвистических, и общих, жизненных.

А.В. Циммерлинг весьма удачно использует новый и более адекватный термин *маркер*: «древнерусский язык допускал $ТИ_1$ в контексте

³ Такое определение я обычно даю на лекциях сразу вслед за степановским как его уточнение.

⁴ Слова *oratio* и *λόγος* фактически обозначают не столько речь, а тем более не отдельные употребления лексем, но дискурсы. Логос же имеет и еще более широкий разброс смыслов и значений — вспомним колебания Фауста с выбором точного немецкого эквивалента при переводе первой фразы Евангелия от Иоанна.

частицы БЫ при рассмотрении логически возможных исходов. Тем самым тезис о том, что $ТИ_1$ было маркером индикатива, неверен» (Циммерлинг, 2023 с. 139). Далее автор подчеркивает: « $ТИ_1$ относится к числу верификативных маркеров» (Там же, с. 141). Наконец он заключает: «Маркеры верификации $ТИ_1$ и $ЕСТЬ_{PERF}$ обладают нетривиальными свойствами, которые для $ТИ_1$ можно описать как словарные характеристики, а для $ЕСТЬ_{PERF}$ — как идиоматические особенности предикатной конструкции» (Там же, с. 145).

Не буду спорить с этими вескими лингвистическими аргументами. Могу лишь признать их лингвистическую точность и филологическую изящность. Однако $ТИ_1$ все же еще и феномен дискурса, а в таком своем качестве может трактоваться еще и в терминах семиотики как мультидисциплинарного научного проекта (в лакатосовском смысле), а еще точнее — как трансдисциплинарного органа-интегратора научного познания (Ильин, 2014; Авдонин, 2015; Ильин, Авдонин, Фомин, 2018; Гаман-Голутвина, 2019; Гаман-Голутвина, 2020).

Различные семиотики и единый семиотический органон

Чтобы дать семиотическую трактовку феномену $ТИ_1$, можно и даже нужно встать на почву собственно семиотики с ее особенным взглядом на мир, со своей методологией и научным аппаратом. Собственно, А. В. Циммерлинг как раз и пытается это сделать. Для начала он решительно заявляет: «Грань между семиотикой и лингвистикой зависит от соглашений» (Циммерлинг, 2023, с. 126). Меня такая формулировка озадачивает. Мне трудно согласиться с такой редукцией как семиотики, так и лингвистики до частных проектов на очередной срок, утверждаемых на заседании некоей кафедры. Если это свершения и наследия многих поколений, то нет таких сил, которые могли бы простым решением изменить их, произвольно разделить и сложить в несколько ином порядке. Тем более это невозможно, если работа поколений определялась не только и не столько предпочтениями отдельных исследователей, сколько самим характером изучаемых явлений и исследовательских вопросов. Так что моя первая и непоколебимая реакция состоит в том, чтобы подчеркнуть: соотношение между семиотикой и лингвистикой определяется не решениями академического начальства или научных авторитетов, а самой сутью, «природой» изучаемого — семиозиса и языка, точнее, всего богатства явлений смыслообразования и общения во всех его проявлениях.

Однако Циммерлинг продолжает: «Если принять (здесь и далее курсив мой. — М.И.), что семиотика есть экстраполяция любых моделей языкового кода на другие типы сообщений... можно признать семиотическими и те работы, где язык и музыка объявляются объектами одного плана на том основании, что в них предположительно реализуются те же самые принципы (в строго техническом хомскианском и структуралистском смысле, поясняет в сноске автор. — М.И.) синтаксиса...» (Циммерлинг, 2023, с. 126). И с этим я не могу согласиться. Почему бы столь же произвольно не предпринять обратное — взять да экстрапо-

ликовать «любые модели», например музыкального, генетического, игрового кода, на языковое общение и тем самым навязать эти «любые модели» в качестве образца, стандарта и источника принципов — технических или каких-то иных. Уверен, в какую бы сторону экстраполяция ни была направлена, кому бы и что бы ни навязывалось, результат будет плачевным. Любые экстраполяции и навязывания разрушительны, бесперспективны и в конечном счете бессмысленны.

Куда справедливее было бы не произвольно «принять», а с оглядкой на труд поколений *признать*, что экстраполяции и прочие более строгие способы установления соответствий между кодами языка, музыки и других сфер информационного обмена вплоть до метаболизма наших тел подтверждают не только его наличие, но и существование как частных, так и относительно общих моделей, возможностей и ограничений трансферов отдельных моделей из одной области общения в другую, а на этой основе — возможности выработки фактически всеобщих, в идеале универсальных моделей и принципов.

Впрочем, А. В. Циммерлинг готов и к более широкому пониманию семиотики — например, предлагаемой Ю. С. Степановым трактовке ее как науки о знаковых системах в природе и обществе. Это меня, безусловно, радует. Однако он тут же отступает назад и заявляет, что «в настоящей статье... вопрос о том, является ли семиотика научной дисциплиной не обсуждается» (Там же). Вместо этого А. В. Циммерлинг вновь (!) решительно и настойчиво заявляет: «Примем, что семиотика как программа исследований экстраполирует принципы описания естественного языка на другие знаковые системы, которые понимаются как вторичные» (Там же, с. 129 — 130).

Тут у меня появляются по меньшей мере два соображения. Первое касается *квалификации семиотики как программы исследований*. Я бы с энтузиазмом и радостью согласился с такой характеристикой, если бы подразумевалась лакатовская научно-исследовательская программа, то есть целостное единство и последовательная преемственность научных теорий и исследовательских практик, связанных непрерывно развивающимся основанием, а также общностью основополагающих принципов и походов к изучению единого предмета (Лакатос, 2008; Порус, 2008; Бажанов, 2009). Семиотика, по моему глубокому убеждению, как раз и является такой программой. Это исторически сложившийся и продолжающийся консолидироваться комплекс традиций по изучению и пониманию феномена смыслообразования, или семиозиса, в рамках которого взаимно дополняют и развивают друг друга практики и теории, связывающие семиозис с коммуникацией, кодированием и декодированием информации, формированием, развитием и эволюцией знаковых систем и процессов взаимодействия. Такая программа является трансдисциплинарной, а ее результатами становятся способности осуществлять, моделировать и тем самым понимать смыслообразование. Обо всем этом и о семиотике как трансдисциплинарном органонеинтеграторе речь пойдет несколько дальше.

Пока же второе соображение. Формулировка А. В. Циммерлинга подразумевает безусловное разделение предмета семиотики на нечто

первичное и естественное — в данном случае язык — и все остальное, *вторичное*. Именно это разделение и делает не только возможной, но и необходимой экстраполяцию знания о первичном и естественном на все вторичное и искусственное (противоестественное?). С этим можно было бы согласиться и снять возражения против экстраполяции, если бы интуиция первичности и вторичности была неопровержимой безусловной. Увы, едва ли ни каждый специалист найдет доводы в пользу особой важности, а то и первичности своего предмета. Куда больше оснований у когнитивистов, психосоматиков и даже генетиков заявить, что первичные смыслы возникают в уже в психике древнейших существ или даже обнаруживаются в геномах и трансляциях генов чуть ли не всех форм жизни. У моих коллег биосемиотиков, например, есть все основания предъявить полученные за последние четыре-пять десятилетний результаты, которые по своему объему, содержательности и, главное, качеству далеко превосходят сделанное даже за большие сроки на других направлениях (см.: Kull, 1999; Cowley, 2008; Kull, 2012; Campbell, Olteanu, Kull, 2019; Olteanu, Campbell, Feil, 2020; Kravchenko, 2021; Olteanu, 2021; Lacková, Faltýnek, 2021; Kull, 2021; Sharov, Tønnessen 2021; Olteanu, 2022; Kull, 2022; Nöth, 2023).

При беспристрастном (*unbiased*) и дружественном (*friendly*) подходе к частным семиотикам от биологических до лингвистических — будь они парадигмами, дисциплинами, проектами или просто экспериментальными упражнениями — все это разнообразие достижений образует интеллектуальный поток усилий и результатов, в котором не только проступают контуры научно-исследовательской программы по Лакатосу и ее ядра, но угадывается нечто более значительное. Это некая общая для многих форм жизни когнитивная способность и одновременно построенная на этой способности система эпистемологических и методологических возможностей осуществления научных исследований смыслообразования или семиозиса. Это то, что мы в нашем Центре перспективных методологий ИНИОН РАН называем трансдисциплинарными органонами-интеграторами. Такие универсальные комплексы для интеграции возможностей научного познания основаны на трех базовых когнитивных способностях — воспринимать сигналы, ранжировать и обрабатывать их; распознавать образы (конфигурации сигналов) и построенные из них более сложные формы; распознавать значения (исходно функциональную значимость, релевантность) форм и их сторон.

Соответственно в науке путем усложнения⁵ возникают также три органаона. Это *метрети́ка*, или органон для вычислительной математики и статистики. Это также *морфети́ка*, то есть органон для самых разнообразных морфологий плюс для компаративистики и дискретной математики, топологии и прочего вплоть теорий струн. Наконец, это *семиотика*. Данный органон эпистемологически и методологически —

⁵ Мы разработали и использовали симплекс-комплекс преобразования для перехода от когнитивных примитивов до изошренных приемов научных исследований и обратно, чтобы выявить и обосновать органоны-интеграторы.

не предметно — интегрирует всевозможные частные семиотики, информатику, кибернетику, некоторые отрасли логики, а также математических дисциплин типа теории игр.

Вся эта работа была вдохновлена аналогией между семиотикой и математикой, которую я подчеркивал в лекциях и дебатах с коллегами по меньшей мере с начала 1990-х годов. Эта аналогия мельком отражалась в публикациях (Фан, 2006; Ильин, 2015а; 2015б; Золян, 2016). В нынешней статье хочу подчеркнуть, что аналогия оказалась слишком грубой. Ее пришлось превратить в научную концепцию, в соответствии с которой математика оказалась «разобранной» между органами. Соответственно и предметные семиотические начинания, включая семиотические проекты в лингвистике, в своей исследовательской практике обращаются не только к «собственному» органону и его методам и приемам, но также и к методам двух других органов.

Благодарность вместо заключения

Я начал свой краткий отклик на статью А.В. Циммерлинга с ее очень высокой оценки. Закрываю благодарностью. Статья позволила мне лаконично сформулировать очень важные для меня идеи, которые давно приобрели определенность, но их не удавалось полноценно ввести в научный оборот. Нынешний отклик позволил приступить к решению данной задачи. Я очень рассчитываю, что разговор будет продолжен в ближайших выпусках журнала «Слова.ру: балтийский акцент» и затронет не только дискурсивные, но и прагматические маркеры, дискурс и прагматику как явления, типы дискурсов, включая дискурс-продукты, дискурс-программы и дискурс-конверторы. И конечно же, прагмасемантику, которая стала уже предметом целого ряда интереснейших публикаций на страницах этого журнала.

Исследование выполнено за счет проекта РНФ №22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Калининград, Россия).

Список литературы

Авдонин В.С. Методы в «вертикальном» измерении (метатеория и метаязыки-органоны) // Метод: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М., 2015. Вып. 5. С. 265–278.

Бажанов В.А. Неизвестный Лакатос // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 20, № 2. С. 204–209.

Беседа с Юрием Сергеевичем Степановым // Политическая наука. 2002. №3. С. 90–104.

Гаман-Голутвина О.В. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Полис. Политические исследования. 2019. №5. С. 19–42. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.03>.

Гаман-Голутвина О.В. Современная сравнительная политология перед вызовами развития // Перспективы. Электронный журнал. 2020. №1 (21). С. 6–29.

Ильин М.В. Методологический вызов. Что делает науку единой? Как соединить разьединенные сферы познания? // Метод: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М., 2014. №4. С. 6–11.

Ильин М.В. Семиотика как основа изучения языка политики и развития дискурс-анализа // Дискурс-Пи. 2015а. Т. 12, №1. С. 43–47.

Ильин М.В. Семиотический, морфологический, компаративный методы анализа дискурса в междисциплинарном приложении // Бизнес. Общество. Власть. 2015б. №22. С. 67–82.

Ильин М.В., Авдонин В.С., Фомин И.В. Методологический вызов. Критическая рефлексия. Как не оступиться на поворотах от образной наглядности к научной валидности и обратно? // Метод: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2018. Вып. 8. С. 5–11.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М., 2008. С. 281–474.

Порус В.Н. Между философией и историей науки: на пути к «гибкой» теории научной рациональности // Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М., 2008. С. 9–24.

Фан И.Б. Иов и Левиафан: спор ради согласия. Интервью с М.В. Ильиным // Дискурс-Пи. 2006. Т. 6, №1. С. 84–91.

Циммерлинг А.В. От интегрального к аспектвному. М. ; СПб., 2021.

Циммерлинг А.В. Конкретно: синтактика без семиотики // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 125–153. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-9.

Bezemer J., Kress G. Multimodality, learning and communication: A social semiotic frame. L. ; N. Y., 2015.

Bezemer J., Kress G., Cope A., Kneebone R. Learning in the operating theatre // Work-Based Learning in Clinical Settings: Insights from Socio-Cultural Perspectives / ed. by V. Cook, C. Daly, M. Newman. L., 2021.

Bezemer J., Murtagh G., Cope A. Inspecting objects: Visibility manoeuvres in laparoscopic surgery // Embodied Activities in Face-to-face and Mediated Settings: Social Encounters in Time and Space / ed. by E. Reber, C. Gerhardt. L., 2019. P. 107–135.

Campbell C., Olteanu A., Kull K. Learning and knowing as semiosis: Extending the conceptual apparatus of semiotics // Sign systems studies. 2019. Т. 47, №3/4. P. 352–381.

Cowley S.J. Meaning in nature: Organic manufacture? // Biosemiotics. 2008. Vol. 1, №1. P. 85–98.

Kravchenko A. Approaching linguistic semiosis biologically: implications for human evolution // Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio. 2021. Vol. 15, №. 2. P. 139–158. doi: <https://doi.org/10.4396/2021209>.

Kull K. Biosemiotics in the twentieth century: A view from biology // Semiotica. 1999. Vol. 127, №1–4. P. 385–414.

Kull K. Advancements in Biosemiotics: Where we are now discovering the basic mechanisms of meaning making // Gatherings in biosemiotics / ed. by T. Bennett, S. Rattasepp. Tartu, 2012. P. 11–24.

Kull K. Natural selection and self-organization do not make meaning, while the agent's choice does // Biosemiotics. 2021. Т. 14. P. 49–53.

Kull K. The aim of extended synthesis is to include semiosis // Theoretical Biology Forum. 2022. Vol. 115, №1–2. P. 119–132.

Lacková L., Faltýnek D. The lower threshold as a unifying principle between Code Biology and Biosemiotics // BioSystems. 2021. Vol. 210. 104523. <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2021.104523>.

Nöth W. Pragmatist Semiotics // Bloomsbury Semiotics / ed. by J. Pelkey. L. ; N. Y., 2023. Vol. 1 : History and Semiosis. P. 91 – 107.

Olteanu A. Multimodal modeling: Bridging biosemiotics and social semiotics // Biosemiotics. 2021. Т. 14, №3. P. 783 – 805.

Olteanu A. Learning as Becoming Conscious: A note on Jablonka and Ginsburg's Notion of Learning // Biosemiotics. 2022. Т. 15. P. 457 – 467. doi: <https://doi.org/10.1007/s12304-022-09510-x>.

Olteanu A., Campbell C., Feil S. Naturalizing models: New perspectives in a Peircean key // Biosemiotics. 2020. Т. 13. P. 179 – 197.

Sharov A., Tønnessen M. Semiotic agency. Cham, 2021.

Об авторе

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, профессор, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, профессор-исследователь Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Москва).

E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9969-1259

Для цитирования:

Ильин М.В. О семиотиках интегрально, аспективно и конкретно // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 125 – 136. doi: [10.5922/2225-5346-2023-4-7](https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-4-7).

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ON MULTIPLE SEMIOTICS INTEGRALLY, ASPECTIVELY AND CONCRETELY

M. V. Ilyin

Centre for Advanced Methods in Social Sciences and Humanities INION RAN,

51/21 Nakhimovsky Av., Moscow, 117418, Russia

National Research University Higher School of Economics,

11 Pokrovsky Blvd., Moscow, 109028, Russia

Submitted on 15.03.2023

Accepted on 22.04.2023

doi: [10.5922/2225-5346-2023-4-7](https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-4-7)

Anton Zimmerling's interpretation of the discursive particle TI_1 is an important achievement. The article considers possibilities used by Zimmerling to interpret TI_1 as a discursive particle, enclitic, part of speech and semantic sign. In addition, the article discusses its interpretation as a pragmatic marker. The author comments on the interpretations of semiotics by Zimmerling, in particular, the question of primary and secondary semiotic systems. The author presents his own concept of semiotics as a research programme in Imre Lakatos' sense. Semiotics is also a kind of cognitive ability common to many forms of life and at the same time a system of epistemological and methodological possibilities for carrying out scientific research on meaning-making or semiosis built on this ability. Moreover, semiotics is not

only a research programme, but a transdisciplinary integrative organon. Such universal complexes for integrating the capabilities of scientific knowledge are based on three basic cognitive abilities – (1) to perceive signals, to rank and to process them; (2) to recognize patterns (signal configurations) and shape them into more complex formations; (3) assessing and utilizing the meaning (initially functional significance, relevance) of the forms and modes of actuality. The latter ability is precisely the basis of semiotics and semiosis. The first two are metrics or organon for computational mathematics and statistics, as well as morphetics or organon for a wide variety of morphologies, comparative studies, discrete mathematics, topology, etc.

Keywords: discursive particle Tl_1 , pragmatic marker, pragmasemantics, transdisciplinary organons-integrators, metrics, morphetics, semiotics

The study was carried out within the project of the Russian Science Foundation No. 22-18-00591 "Pragmasemantics as an interface and an operational system of meaning formation" at the Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia).

References

- Avdonin, V.S., 2015. Methods in the "vertical" dimension (metatheory and meta-languages-organons). *Metod: moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines], 5, pp. 265–278 (in Russ.).
- Bazhanov, V.A., 2009. Unknown Lakatos. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 20 (2), pp. 204–209 (in Russ.).
- Beseda s Yuriiem Sergeevichem Stepanovym [Conversation with Yuri Sergeevich Stepanov], 2002. *Political Science*, 3, pp. 90–104 (in Russ.).
- Bezemer, J. and Kress, G., 2015. *Multimodality, learning and communication: A social semiotic frame*. London; New York: Routledge.
- Bezemer, J., Kress, G., Cope, A. and Kneebone, R., 2021. Learning in the operating theatre. In: V. Cook, C. Daly and M. Newman, eds. *Work-Based Learning in Clinical Settings: Insights from Socio-Cultural Perspectives*. London.
- Bezemer, J., Murtagh, G. and Cope, A., 2019. Inspecting objects: Visibility manoeuvres in laparoscopic surgery. In: E. Reber and C. Gerhardt, eds. *Embodied Activities in Face-to-face and Mediated Settings: Social Encounters in Time and Space*. London, pp. 107–135.
- Campbell, C., Olteanu, A. and Kull, K., 2019. Learning and knowing as semiosis: Extending the conceptual apparatus of semiotics. *Sign systems studies*, 47 (3/4), pp. 352–381, <https://doi.org/10.12697/SSS.2019.47.3-4.01>.
- Cowley, S.J., 2008. Meaning in nature: Organic manufacture? *Biosemiotics*, 1 (1), pp. 85–98, <https://doi.org/10.1007/s12304-008-9003-7>.
- Fan, I.B., 2006. Job and Leviathan: A Dispute for the Sake of Concord. Interview with M. V. Ilyin. *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 6 (1), 84–91 (in Russ.).
- Gaman-Golutvina, O.V., 2019. Overcoming Methodological Differences: The Debate about Knowledge Politics in an Age of Uncertainty. *Polis. Political Studies*, 5, pp. 19–42, <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.03> (in Russ.).
- Gaman-Golutvina, O.V., 2020. Modern comparative political science before the challenges of development. *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal* [Perspectives and prospects. E-journal], 1 (21), pp. 6–29, <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2020-1-6-29> (in Russ.).
- Ilyin, M.V., 2014. Methodological challenge. What makes science united? How to connect the disconnected spheres of knowledge? *Metod: moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines], 4, pp. 6–11 (in Russ.).

Ilyin, M. V., 2015a. Semiotics as a Basis for the Study of Language Policy and Development of Discourse Analysis. *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 12 (1), pp. 43–47 (in Russ.).

Ilyin, M. V., 2015b. Semiotic, morphological, comparative methods of discourse analysis in an interdisciplinary application. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'* [Business. Society. Power], 22, pp. 67–82 (in Russ.).

Ilyin, M. V., Avdonin, V. S. and Fomin, I. V., 2018. Methodological challenge. Critical reflection. How to keep balance at the curves from visual precision to scientific validity and back. *Metod: moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh disciplin* [METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines], 8, pp. 5–11 (in Russ.).

Kravchenko, A., 2021. Approaching linguistic semiosis biologically: implications for human evolution. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15 (2), pp. 139–158, <https://doi.org/10.4396/2021209>.

Kull, K., 1999. Biosemiotics in the twentieth century: A view from biology. *Semiotica*, 127 (1–4), pp. 385–414.

Kull, K., 2012. Advancements in Biosemiotics: Where we are now discovering the basic mechanisms of meaning making. In: T. Bennett and S. Rattasepp, eds. *Gatherings in biosemiotics*, Tartu, pp. 11–24.

Kull, K., 2021. Natural selection and self-organization do not make meaning, while the agent's choice does. *Biosemiotics*, 14, pp. 49–53, <https://doi.org/10.1007/s12304-021-09422-2>.

Kull, K., 2022. The aim of extended synthesis is to include semiosis. *Theoretical Biology Forum*, 115 (1–2), pp. 119–132, <https://doi.org/10.19272/202211402008>.

Lacková, L. and Faltýnek, D., 2021. The lower threshold as a unifying principle between Code Biology and Biosemiotics. *BioSystems*, 210, pp. 104523, <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2021.104523>.

Lakatos, I., 2008. Falsification and methodology of research programs. In: I. Lakatos, ed. *Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* [Selected works on philosophy and methodology of science]. Moscow, pp. 281–474 (in Russ.).

Nöth, W., 2023. Pragmatist Semiotics. In: J. Pelkey ed. *Bloomsbury Semiotics*. Vol. 1: History and Semiosis. London; New York, pp. 91–107.

Olteanu, A., 2021. Multimodal modeling: Bridging biosemiotics and social semiotics. *Biosemiotics*, 14, pp. 783–805, <https://doi.org/10.1007/s12304-021-09463-7>.

Olteanu, A., 2022. Learning as Becoming Conscious: A note on Jablonka and Ginsburg's Notion of Learning. *Biosemiotics*, 15, pp. 457–467, <https://doi.org/10.1007/s12304-022-09510-x>.

Olteanu, A., Campbell, C. and Feil, S., 2020. Naturalizing models: New perspectives in a Peircean key. *Biosemiotics*, 13, pp. 179–197, <https://doi.org/10.1007/s12304-020-09385-w>.

Porus, V. N., 2008. Between philosophy and history of science: on the way to the "flexible" theory of scientific rationality. In: I. Lakatos, ed. *Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* [Selected works on philosophy and methodology of science]. Moscow, pp. 9–24 (in Russ.).

Sharov, A. and Tønnessen, M., 2021. *Semiotic agency*. Springer International Publishing.

Zimmerling, A. V., 2021. *Ot integral'nogo k aspektivnomu* [From integral to aspective]. Moscow; St. Petersburg, 652 p. (in Russ.).

Zimmerling, A. V., 2023. Really: syntactics without semiotics? *Slovo. ru: Baltic accent*, 14 (3), pp. 125–153, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-3-9> (in Russ.).

The author

Dr. Mikhail V. Ilyin, Professor, Head of the Centre for Advanced Methodologies of Social and Humanitarian Studies, Russian Academy of Sciences; Research Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9969-1259

To cite this article:

Ilyin, M.V., 2023, On multiple semiotics integrally, aspectively and concretely, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 4, pp. 125–136. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-7.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ОТКУДА ЖЕ МЕТОД БЕРЕТСЯ? О САМОДОСТАТОЧНОСТИ СЕМИОТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

С. Т. Золян

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236016, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 05.03.2023 г.
Принята к публикации 29.04.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-8

Обосновывается неудовлетворительность рассмотрения семиотики как экстраполяции лингвистического метода на неязыковые объекты. Показан двойственный и рекурсивный характер семиотических терминов. Объектом семиотики выступают не знаки сами по себе, а процессы установления знаковых отношений (семиозис и семиопойэзис). Учитывая динамический характер семиозиса, знаки следует рассматривать не как объекты из заданного словаря, а как процессы. Поэтому для семиотики столь важно обращение к текстам и контекстам. Это тот существенный пункт, где она может дополнить лингвистику. Социальная семиотика и поэтическая семантика с разных позиций демонстрируют то, что деятельность говорящего – это не воспроизведение знаков, а знакопорождение. С другой стороны, биосемиотика и молекулярная генетика предоставляют возможность уяснить логику внутренних закономерностей семиозиса и убедиться в том, что знакопорождение есть имманентное свойство системы управления информационными процессами и может не предполагать обладающего сознанием субъекта. При этом лингвистические описания могут быть разнонаправленными и ориентированными либо на внешние по отношению к системе сигнификативные функции, либо на внутренние системные взаимоотношения.

Ключевые слова: *Ф. де Соссюр, Ю.М. Лотман, Л. Ельмслев, И.И. Ревзин, А.В. Циммерлинг, семиотика в отношении к лингвистике, семиозис, знак*

1

Статья Антона Циммерлинга (далее: А.Ц.) – свежее слово в изучении древнерусского языка. Помимо достигнутых эмпирических результатов, она демонстрирует принципиальную беспредельность лингвистических изысканий, когда новая исследовательская оптика помогает увидеть новые факты. В данном случае – благодаря совмещению описания синтаксических характеристик с семиотическими (семантико-функциональными). При этом А. Ц. поднимает ряд вопросов, касающихся соотношения между лингвистикой и семиотикой, за что ему особая признательность. Их обсуждение и прояснение давно назрело, а царящий в методологии сумбур зачастую ведет к непониманию даже между экспертами, работающими в одной и той же области. Благодарим его и за смелость посвятить статью вопросу, на который, казалось бы, обязан ответить первокурсник. Разумеется, лингвистика не семиотика, лингвистика – это наука о языке, а семиотика – о знаках и зна-

ковых системах, скажет он. Но что дозволено первокурснику, не следует повторять его преподавателям: дальше возникают проблемы, удовлетворительное решение которых можно найти далеко не всегда. Автор это убедительно демонстрирует — не только предлагаемыми им результатами, но и указывая на те методологические ловушки, в которые нетрудно угодить, если следовать расхожим формулам. А.Ц. четко формулирует проблему, в ряде случаев сводя ее либо к тривиальности, либо к абсурду, тем самым избавляя от бесплодных обсуждений.

Однако сам автор также попадает в первую же из терминологических ловушек. Это — двусмысленность, что понимать под семиотикой. Подобно ряду терминов (напр., *грамматика*), он допускает двойное понимание — это и дисциплина, изучающая знаковые феномены, и сами знаковые феномены: «Семиотика как наука о семиозисе столь же отлична от семиозиса, как любая наука от своего объекта» (Моррис, 1983, с. 43–44)¹. Семиотика кино может означать знаковые отношения, характерные для кинематографа (так следует понимать заглавие книги Ю.М. Лотмана «Семиотика кино»), или же отдельную отрасль семиотики, где объектом изучения оказывается кинематограф. Отсюда неконгруэнтность двух составляющих статьи — там, где говорится о соотношении лингвистики и семиотики, семиотика понимается как дисциплина, но при изучении особенностей частицы *ти-* под семиотическим понимаются, скорее, ее сигнификативные характеристики. Возможно, это смешение приводит автора к, казалось бы, уже давно оставленной идее об отсутствии у семиотики своего объекта. То, что было оправданным в 60-е годы прошлого века, вряд ли имеет смысл некритически воспроизводить сейчас. Вопрос не в хронологии, а в методологии — на наш взгляд, мысли Соссюра и Ельмслева не утратили актуальности, и именно они позволяют ввести обсуждение в конструктивное русло.

А.Ц., ссылаясь на Юрия Лотмана, дважды приводит определение, на самом деле предложенное в 1966 году И. И. Ревзиным:

В настоящей статье семиотика вслед за (Лотман, 1964) понимается как программа описания всех или большинства *знаковых систем* как вторичных по отношению к естественному языку (Циммерлинг, 2023, с. 126).

Примем, что семиотика как программа исследований экстраполирует принципы описания естественного языка на другие знаковые системы, которые понимаются как вторичные (Лотман, 1964; Ревзин, 1971) (Циммерлинг, 2023, с. 129–130).

¹ Возможно, имело смысл учесть замысел Ельмслева сохранить предложенный Соссюром термин *семиология* за научной дисциплиной, а *семиотикой* называть знаковые процессы, хотя у самого Ельмслева это противопоставление представлено в более сложной форме: «В соответствии с терминологией де Соссюра мы можем определить семиологию как метасемиотику, семиотический объект которой есть ненаучная семиотика. И наконец, мы можем использовать обозначение метасемиология для мета-(научной) семиотики, семиотические объекты которой суть семиологии» (Ельмслев, 2006, с. 140).

Здесь налицо вышеуказанное смешение, поскольку А.Ц. объединяет два характерных для Тартуско-Московской школы определения: 1) определение семиотики как экстраполяции лингвистического метода на нелингвистические объекты; и 2) определение вторичных моделирующих систем как использующих естественный язык в качестве плана выражения; или — что шире — как надстраиваемых над естественным языком. Соответственно, семиотика — это не столько наука, или дисциплина, поскольку не обладает ни объектом исследования, ни методом, сколько *программа*. Оставим в стороне то, что тем самым игнорируются все те направления семиотики, которые не соотносят знаковые системы с естественным языком. (например, согласно Пирсу, «Логика, в своем наиболее общем смысле, всего лишь иное название семиотики» (Пирс, 2000, с. 176). Само сведение научной дисциплины к некоторой, пусть весьма широкой, программе исследований — явное упрощение и недопонимание, приписанное Юрию Лотману.

Такой подход к семиотике — как экстраполяции лингвистических методов на нелингвистические объекты — в качестве рабочей гипотезы в самом деле получил широкое распространение в Московско-Тартуской школе, в том числе был принят и Ю.М. Лотманом. Но при этом никогда не забывали указать на его автора, и это был не Ю.М. Лотман, а рано, к сожалению, ушедший блестящий лингвист Исаак Иосифович Ревзин (1923—1974). Поэтому вместо пересказа воспроизведем иностранный фрагмент из программной статьи Ю.М. Лотмана «Семиосфера»:

Общеизвестно, что у истоков семиотики лежат две научные традиции. Одна из них восходит к Пирсу — Моррису и отправляется от понятия знака как первоэлемента всякой семиотической системы. Вторая основывается на тезисах Соссюра и пражской школы и кладет в основу антиномию языка и речи (текста). Однако при всем отличии этих подходов в них есть существенная общность: за основу берется простейший, атомарный элемент и все последующее рассматривается с точки зрения сходства с ним. Так, в первом случае в основу анализа кладется изолированный знак, а все последующие семиотические феномены рассматриваются как последовательности знаков. Вторая точка зрения, в частности, выразилась в стремлении рассматривать отдельный коммуникативный акт — обмен сообщением между адресантом и адресатом — как первоэлемент и модель всякого семиотического акта. В результате индивидуальный акт знакового обмена стал рассматриваться как модель естественного языка, а модели естественных языков — как универсальные семиотические модели, самое же семиотику стремились истолковать как распространение лингвистических методов на объекты не включавшиеся в традиционную лингвистику. Эту точку зрения, восходящую к Соссюру, с предельной четкостью выразил покойный И.И. Ревзин, предложивший в прениях на второй Летней школе по вторичным моделирующим системам в Кяэрику (1966) такое определение: «Предметом семиотики является любой объект, поддающийся средствам лингвистического описания» (Лотман, 1984, с. 5).

Заметим, что И.И. Ревзин вовсе не предлагал *программу изучения нелингвистических объектов методами лингвистики* — он лишь пытался

определить, какие объекты могут считаться предметом семиотики (а изучать их можно, видимо, и иными методами). Уже позднее И.И. Ревзин эксплицировал свою точку зрения:

...семиотика представляет собой — с точки зрения автора данной статьи — лишь распространение методологии современной лингвистики на другие области знания. Строго говоря, предмет семиотики может быть определен только через ее метод (по-видимому, аналогичное положение в математике и таком ее распространении, как кибернетика). Объективному ходу развития семиотики соответствует следующее индуктивное определение предмета семиотики:

Базис определения. Естественный язык является предметом семиотики.

Индуктивный шаг. Все, что может быть описано при помощи совокупности современных методов описания некоторого предмета семиотики, является предметом семиотики.

Заключение. Других предметов семиотики не существует (Ревзин, 1971, с. 335).

Как видим, экспликация посредством квазиаксиоматического определения выявляет ряд спорных положений. В первую очередь, это принимаемое как догма положение об отсутствии у семиотики собственно-го объекта. Второе — неявным образом вводится то, что само подлежит экспликации: это *совокупности современных методов описания некоторого предмета семиотики*, то есть языка (кто и когда задал эту совокупность как объект аксиоматики?). Третье — хотя заявлено, что *семиотика есть распространение методологии современной лингвистики на другие области знания*, но из самой аксиоматики лингвистика исчезла, поскольку оказалась лишена своего предмета, переданного в введение семиотики естественного языка.

Популярность подобного подхода среди семиотиков была не «от хорошей жизни» и, видимо, объяснялась тем, что она создавала иллюзию теоретического обоснования в отсутствие самой теории. Приведем (само-)ироничное свидетельство Александра Пятигорского:

...семиотика не имела и своей теории, теории как *рефлексии* над методологическими предпосылками. Более того, господствовала тенденция (которая тогда мне очень нравилась) принимать за теорию метод описания объекта, с одной стороны, а с другой — приписывать этому методу онтологические черты (что мне нравилось еще больше) (Пятигорский, 1994, с. 325).

Подход И.И. Ревзина мог быть полезен в начале формирования Московско-Тартуской школы, когда исследователи из разных областей знания только нащупывали свой предмет и находились под влиянием доминировавшей в сфере гуманитарного знания структурной лингвистики (о лингвистических взглядах Ю.М. Лотмана см.: (Золян, 2022; Zolyan, 2021)). К началу 1980-х такой подход уже не мог считаться адекватным, Московско-Тартуская семиотика (мы незаслуженно обходим вниманием другие интересные направления тех лет) перестает дублировать лингвистические модели описания, а создает собственные исследовательские конструкты. Наибольшую известность приобрела

лотмановская концепция семиосферы. При всем уважительном отношении к подходу И. И. Ревзина Ю. М. Лотман говорит о его ограниченности:

Такой подход отвечал известному правилу научного мышления: восходить от простого к сложному — и на первом этапе безусловно себя оправдал. Однако в нем таится и опасность: эвристическая целесообразность (удобство анализа) начинает восприниматься как онтологическое свойство объекта, которому приписывается структура, восходящая от простых и четко очерченных атомарных элементов к постепенному их усложнению. Сложный объект сводится к сумме простых.

Пройденный за последние двадцать пять лет путь семиотических исследований позволяет на многое взглянуть иначе. Как можно теперь предположить, четкие и функционально однозначные системы в реальном функционировании не существуют сами по себе, в изолированном виде. Вычленение их обусловлено лишь эвристической необходимостью. Ни одна из них, взятая отдельно, фактически не работоспособна. Они функционируют, лишь будучи погружены в некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями. Такой континуум мы, по аналогии с введенным В. И. Вернадским понятием биосферы, называем семиосферой (Лотман, 1984, с. 5–6).

В работах Ю. М. Лотмана и Вяч. Иванова наблюдается и отход от рассмотрения естественного языка как прототипической знаковой системы. Отсюда их интерес к правополушарным недискретным механизмам обработки информации, как и к ряду других иконических недискретных типов семиозиса (ср.: Лотман, 2022). Тогда были намечены контуры новой семиотики, во многом уже реализованные². Поэтому не замечать всего этого и возвращаться к ситуации 1966 года по крайней мере малопродуктивно. Однако, поскольку вопрос о методе и объекте семиотики так и не стал предметом широкой дискуссии (по крайней мере, в рамках Московско-Тартуской школы), имеет смысл к нему обратиться.

2

Начнем с вопроса: есть ли у семиотики объект исследования? Вынуждены дать ответ, который может показаться и тривиальным, и тавтологичным. Объект семиотики — это знак. Знаки появляются не потому, что лингвисты могут описать нечто как знак, а потому, что люди, звери и даже биомолекулы используют (интерпретируют, описывают) некоторые объекты как знаки, то есть как некоторое отношение. И. И. Ревзин был прав, утверждая, что семиотика сама формирует свой объект. Другое дело, что это не та семиотика, которая есть научная дисциплина, а

² О широте и разнообразии современной семиотики может дать представление опубликованная в 2022 г. четырехтомная антология «Bloomsbury Semiotics». URL: <https://www.bloomsbury.com/uk/bloomsbury-semiotics-9781350139442> (дата обращения: 12.04.2023).

та, которая есть процесс установления знаковых отношений, то есть семиозис. В отличие от молекул или галактик, знаки как таковые не существуют, они возникают, когда между двумя объектами устанавливается некоторое отношение, и один из них становится означающим, а другой — означаемым. Все, что может быть интерпретировано как знак, есть знак — так может быть в упрощенной форме сформулирован основной принцип семиотики Пирса. Объект семиотики (как науки) — это семиотика (как явление знаковости) в ее различных манифестациях (знак, знаковая система, текст, семиосфера). Возникает ситуация, когда предметом семиотики может стать все или ничего (ср.: Бенвенист, 1974, с. 71). Но это не влечет того, что, как считал Бенвенист, возражая Пирсу, теряется разница между знаком и не-знаком. Учитывая динамический характер семиозиса, знаки следует рассматривать не как объекты из заданного словаря, а как процессы. Знак, как и язык — используя многократно цитируемую, но не столь часто реализуемую формулу Гумбольдта, — это энергия, а не эргон. Поэтому для семиотики столь важно обращение к текстам и контекстам — то есть к семиозису или даже семиопойезису. Это именно тот существенный пункт, где семиотика может дополнить лингвистику. Социальная семиотика и поэтическая семантика демонстрируют, хотя и с разных позиций, то, что еще не в полной мере осознано в лингвистике: говорящий всякий раз порождает новые знаки, и его деятельность — это не воспроизведение знаков, а знакопорождение, — как это было предложено в социальной семиотике³.

С другой стороны, биосемиотика и молекулярная генетика предоставляют уникальную возможность уяснить логику внутренних закономерностей семиозиса и убедиться в том, что знакопорождение — это не прихоть исследователя или говорящего, а имманентное свойство системы управления информационными процессами. Они могут вовсе не предполагать обладающего сознанием субъекта. Как было показано молекулярными генетиками, знаковые отношения (или отношения интерпретации) могут наблюдаться уже на молекулярном уровне, когда интерпретанта и интерпретатор могут совпадать ((Prodi, 1988; Barbieri, 2008), из последних работ: (Deacon, 2021)).

Но почему применительно к лингвистике никто не задавался вопросом: а есть ли у нее объект исследования? (Обходим стороной смежный вопрос — насколько этот объект формируется самим аппаратом лингвистики?) Возможна причина скорее психологическая — знаки языка воспринимаются как изначально данные, отсюда и расхожее определение языка как грамматики и словаря.

Теперь что касается тавтологичности определения *знак есть знак* или, в развернутой форме, *знак есть то что функционирует (интерпретируется, порождается, описывается) как знак*. Тавтологичность подобных определений мнима, они скорее рекурсивны, поскольку в позиции субъекта *знак* относится к языку-объекту, а второе, предикативное

³ Такое понимание знака как всякий раз творимого в процессе коммуникации было предложено в социальной семиотике, первоначально заявившей о себе как об антисемиотике по отношению к сосюррианской (Hodge, Kress, 1988, p. 15).

вхождение — это единица метаязыка. Но при этом уже первое употребление слова «знак» также оказывается зависимым от метаязыка⁴. Представляется, что речь должна идти о двух уровнях метаязыкового употребления слова *знак*. Первый — это уровень наблюдения и оперирования знаками, а второй — уровень описания того, чем мы оперируем как знаками. Что есть знак — это одновременно и вопрос практик использования чего-либо как знака, и вопрос семиотической теории, описывающей это нечто как знак. При этом особенность семиотического поведения именно в том, что система, использующая знаковые системы, должна включать в себя систему наблюдения и описания своих операций (см. системную теорию Никласа Лумана, реализовавшего кибернетический подход Форстера и Кауфмана; ее приложение к теоретической лингвистике дано в: (Золян, 2021)). Применительно к лингвистике на это указывал еще Ельмслев: всякое использование знака-как-объекта предполагает некоторую ненаучную метасемиотику. Рекурсивны не только механизмы оперирования знаками, но и сами знаки — поскольку определяют сами себя в процессе операций над ними как знаки знаков знаков (*Signs About Signs About Signs* (Morris, 1948)). Возникают хорошо известные в теоретической кибернетике *само-формы*, так называемые «эйгены»: формы AA (A) = $A(A)$ = A (Kaufman, 2003; 2020; см. также: Gasparyan, 2018; 2020). В том числе и такие: *Слово «знак» есть знак для слова русского языка «знак»*. Слово «Знак» есть и обозначение знака, и само является знаком:

Так начинается непрерывный процесс семиозиса, и это единственно возможный, хотя и парадоксальный способ обоснования семиотики своими собственными средствами. *Языком в таком случае следовало бы называть систему, которая объясняет сама себя путем последовательного разворачивания все новых и новых конвенциональных систем* (Эко, 1998, с. 53).

3

Второй вопрос: есть ли у семиотики метод? А если у нее нет метода, то откуда этот метод появился в лингвистике? Комментируя свое определение, И. И. Ревзин вынужден дать следующий комментарий:

Это определение предполагает, что естественный язык всегда (скажем, и во времена Платона или святого Августина) был предметом семиотики, но после того, как возникли современные (структурные) методы описания предмета семиотики (пока единственного, т. е. естественного языка), по-

⁴ Знаки, которые используются в семиотических процессах, и знаки как понятие семиотики — это различные объекты. На это указывал еще Ч. Моррис, и он же отмечал, что трудно избежать этого смешения. Ср: «Очень важно видеть различие между отношениями, присущими данному знаку, и знаками, которые мы используем, когда говорим об этих отношениях... Для констатации фактов о знаках семиотика как наука пользуется особыми знаками, это некий язык, на котором можно говорить о знаках... Термин “знак” — это термин семиотики в целом; его невозможно определить в пределах одной лишь синтактики, семантики или прагматики» (Моррис, 1983, с. 43–44).

явилась возможность возникновения новых предметов семиотики. По-видимому, понятие знаковой, или знаково-моделирующей системы есть понятие вторичное: после того, как исследователь убеждается, что его объект хорошо описывается совокупностью приемов и представлений современной лингвистики, он объявляет его знаковой системой (Ревзин, 1971, с. 335).

Возникает вопрос — каким образом сам язык был объектом семиотики во времена Платона и Августина, когда *методы описания предмета семиотики* появились только в XX веке? Ситуация напоминает эпизод из «Братьев Карамазовых». Если верить Достоевскому, мальчиком Смердяков задал учившему его Закону Божьему Григорию вопрос:

— Свет создал господь бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый день. Откуда же свет-то сиял в первый день?

Григорий остолбенел. Мальчик насмешливо глядел на учителя. Даже было во взгляде его что-то высокомерное. Григорий не выдержал. «А вот откуда!» крикнул он и неистово ударил ученика по щеке (Достоевский, 1958, с. 158).

Если язык есть знаковая система, то и описан он должен быть как знаковая система, тогда откуда мог появиться метод до описания языка? Но, как видим, лингвисты (по крайней мере, советские структуралисты) оказались в лучшем положении, чем Григорий, — они вполне могли сказать «А вот откуда!» — и вместо звонкой затрешины вопрошающему указать на Соссюра, Якобсона и Трубецкого⁵. Под методом в первую очередь понимался лингвистический структурализм и даже более узко — метод бинарных оппозиций (см. цитированные статьи Ревзина и Пятигорского). Но тогда мы убедимся, что у Соссюра можно найти именно те самые вопросы, которыми маленький Смердяков смутил своего учителя:

Почему же семиология еще не признана самостоятельной наукой, имеющей, как и всякая другая наука, свой особый объект изучения? Дело в том, что до сих пор не удается выйти из порочного круга: с одной стороны, нет ничего более подходящего для понимания характера семиологических проблем, чем язык, с другой стороны, для того чтобы как следует поставить эти проблемы, надо изучать язык как таковой... (Соссюр, 1977, с. 54).

И сам Соссюр предложил прямо противоположное решение:

Лингвистика — только часть этой общей науки: законы, которые открывает семиология, будут применимы и к лингвистике, и эта последняя, таким образом, окажется отнесенной к вполне определенной области в совокупности явлений человеческой жизни.

⁵ Приведу показательный эпизод: когда в 1976 году я был на стажировке у Ю.М. Лотмана, то его совет был — как можно меньше читать книг по теории культуры и семиотике и как можно больше изучать источники. Что же касается методологии, то, по словам Лотмана, она дана в фундаментальных работах по лингвистике (подробнее см.: Золян, 2022).

...задача лингвиста сводится к выяснению того, что выделяет язык как особую систему в совокупности семиологических явлений... если нам впервые удастся найти лингвистике место среди наук, то это только потому, что мы связали ее с семиологией. <...>

Для нас же проблемы лингвистики — это прежде всего проблемы семиологические... Кто хочет обнаружить истинную природу языка, должен прежде всего обратить внимание на то, что в нем общего с иными системами того же порядка... (Соссюр, 1977, с. 54–55).

Так, в самом деле, можно понять, как и почему, обращаясь к языку, Платон и Августин тем самым ковали семиотический метод.

4

Ситуацию можно довести до абсурда — если, обосновывая наличие у семиотики объекта, мы тем самым отрицали бы наличие такового за лингвистикой, а всех лингвистов причислили бы к стихийным семиотикам. Тем более что Платон, судя по «Кратилу», был скорее семиотиком, нежели лингвистом. А лингвистику, ссылаясь на авторитет Соссюра, назвали бы программой описания языка как знаковой системы. Но в том-то и дело, что знаковые системы можно изучать не ориентируясь на модели естественного языка, а естественный язык можно описывать и вне семиозиса:

Это означает, что языки не могут описываться как чисто знаковые системы. По цели, обычно приписываемой им, они прежде всего знаковые системы; но по своей внутренней структуре они прежде всего нечто иное, а именно — системы фигур, которые могут быть использованы для построения знаков. Определение языка как знаковой системы при ближайшем рассмотрении показало себя неудовлетворительным. Оно затрагивает только внешнюю функцию языка, его отношение к внемарксистическим факторам, окружающим его, но не его собственные, внутренние функции (Ельмслев, 2006, с. 70).

Очевидно, что внешние цели (функции) не могут не затрагивать и внутреннюю структуру, систему *фигур*. И это относится не только к языку, но и к любой знаковой системе, почему и список частных семиотик не может быть замкнут — любая область (театр, право, истории медицины, флора и фауна и т. п.) есть особая дисциплина, включая даже такие, как фитосемиотика (изучающая растения и источаемые ими запахи) или же микосемиотика (изучающая грибы). Но это вовсе не исключает того, что семиотика права развивается в рамках семиотики и своим существованием никоим образом не отменяет правоведения.

Здесь возникает проблема, намеченная А. Ц., но не до конца им раскрытая. Любой не-знаковый объект может быть описан как знак и знаковая система (поскольку всё есть знак, что может быть интерпретировано как знак). Соответственно, любой объект может быть описан посредством лингвистических методов. Но существенно то, что описа-

ние не-знаков как знаков, — например, «кольт» как символ американской культуры, чахотка как дискурсивная практика романтизма и т. п., — не может отменить их не-знаковых функций и характеристик⁶.

Справедливо и обратное. Может ли быть несемиотичным изучение языкового знака? Казалось бы, при такой постановке вопроса очевидно противоречие в терминах. Тем не менее возможен и положительный ответ. Помимо указанного Ельмслевом подхода, сосредоточенного на внутренних механизмах осуществления знаковой функции, языковой знак можно изучать как не-знак. Он может быть рассмотрен как физический сигнал, конфигурация нейронов, двигательный механизм артикуляции и т. п. Можно разграничить, как и предлагал Соссюр, внутреннюю и внешнюю лингвистику или, перенеся изучение с функционирования языка в обществе на язык как многомодульную систему, соответственно разграничить широкую и узкую языковую способность⁷.

Есть еще один аспект, осложняющий ситуацию. Знаки языка могут стать элементами иной знаковой системы, но это будет не вторичная моделирующая система, равно как и не коннотативная или метаязыковая «научная» или «ненаучная» семиотика (если воспользоваться терминами Ельмслева (2006, с. 140)). В отличие от этих случаев, знаки языка перестают быть знаками и становятся объектами — следами чернил на бумаге, звуковыми волнами и т. п. В этом качестве, как и любой другой объект, они могут быть интерпретированы как означающие некоторой системы, не имеющей к языку какого-либо отношения. Так, для графолога почерк выступает как законодатель эмоционального состояния пишущего, для криминалиста голос — как средство опознания и т. п. При решении подобных задач используют языковые элементы, но не в качестве элементов языка. Нелингвистическое понимание естественного языка может иметь место, даже когда исследуются языковые феномены — например, исследование памяти, распознавание речи или современные процедуры машинного перевода.

⁶ Ср. с нарочитым доведением до абсурда практик переноса лингвистических методов на несемиотические функции: «Например, предположим, что я звоню своему автомеханику, чтобы узнать, починил ли он карбюратор; или я звоню врачу, чтобы узнать результаты о моем последнем медицинском обследовании. Теперь предположим, что мне попался автомеханик-деконструктивист, и он попытается объяснить мне, что карбюратор является текстом, и поэтому говорить можно только лишь о текстuality этого текста (textuality of the text). Или предположим, что я обратился к врачу-постмодернисту, и тот объяснит мне, что болезнь по существу является метафорической конструкцией». (Searle, 1993, p. 81). Сёрль явно намекает на максимум Жака Деррида «Нет ничего вне текста» (из «Грамматологии») и монографию Сюзан Зонтаг «Болезнь как метафора».

⁷ Ср.: «Следует проводить различие между языковой способностью в широком смысле (FLB) и в узком смысле (FLN). FLB включает в себя сенсорно-моторную систему, концептуально-интенциональную систему и вычислительные механизмы рекурсии, обеспечивающие способность генерировать бесконечный диапазон выражений из конечного набора элементов. Мы предполагаем, что FLN включает в себя только рекурсию и является единственным уникальным человеческим компонентом способности языка» (Hauser, Chomsky, Fitch, 2002, p. 1569).

Возможна и обратная ситуация. Так, можно изучать и вторичные моделирующие системы лингвистическими методами, но вовсе не делая их объектами семиотического анализа. Например, при исследовании языка фольклора: фольклор выступает лишь как некоторый ресурс, из которого лингвист черпает факты для описания механизмов языка. И это не соприкасается с изучением фольклора как знаковой системы. Некоторая упорядоченная последовательность языковых символов (текст) может описываться не как манифестация некоей отличной от языка знаковой системы, а как эмпирический материал для исследования языковых феноменов (вспомним мириады диссертаций: «язык и стиль писателя», «творительный падеж в прозе Пушкина», «метафоры в публицистике Ленина» и т. п.). Даже изучение самих языковых знаков не обязательно будет семиотическим: так, применительно к языку нетрудно представить лексикологическое исследование, которое тем не менее не будет исследованием семиотики языка, поскольку объектом станет не само означивание лексических единиц, а внутрисистемные отношения между ними.

Тем самым вырисовывается дихотомия: семиотическому изучению языка (того, что в нем существенно с точки зрения его организации как знаковой системы) может быть и сопоставлено, и противопоставлено лингвистическое (что, что в языке существенно с точки зрения его внутренней организации). То же самое может относиться к любым другим знаковым системам (напр., семиотика кино и киноведение, наука о грибах (микология) и микосемиотика). Разумеется, между ними будут существовать различные переходные зоны, и потому четкая категоризация и разграничение вряд ли возможны. Даже если ограничиться механизмами языка, введение в исследовательский оборот широко понимаемой языковой способности ставит серьезные проблемы: где кончается узкое понимание и начинается широкое.

5

Как видим, прямая экстраполяция лингвистического метода еще не есть семиотика. Безусловно, плодотворное развитие советской семиотики было бы невозможным, если бы она в самом деле следовала сформулированной И. И. Ревзиным аксиоматике, отрицавшей у нее наличие как объекта, так и метода. Остается предположить, что было нечто, оставшееся имплицитным, что тем не менее обеспечило место Московско-Тартуской школы среди других ведущих направлений семиотики (главным достижением принято считать концепцию вторичных моделирующих систем и перенос анализа со знака на текст). Видимо, имелась в виду транспозиция методов семиотического изучения языка (в духе Соссюра), которые в этом процессе существенно видоизменялись и кристаллизировались (например, метод бинарных оппозиций у К. Леви-Стросса). При этом существенным оказывалось установление конгруэнтности между естественным языком и описываемыми системами

как необходимого условия самой возможности подобного описания. Здесь уместно сослаться на дискуссию между двумя выдающимися учеными относительно изоморфизма языка и генетического кода:

Р. Якобсон и я несколько раз обсуждали эту проблему, не придя к единому мнению. В нашем споре Якобсон всегда отдавал предпочтение второй гипотезе: строгая связь между двумя системами обусловлена отношениями родства; я, со своей стороны, придерживаюсь первой: аналогичные функции предписывают аналогичные ограничения (Жакоб, 1992, с. 137).

Выявление этого изоморфизма, по мнению открывшего информационную РНК генетика, оказало существенное воздействие на понимание генетических процессов⁸. Аналогичное имело место и при других экстраполяциях. Поэтому единообразный подход Московско-Гартуской школы — будь то семиотический, или лингвистический, с акцентированием в одном случае внешних функций, в другом — внутренних механизмов, — привел к достижению ряда значительных результатов в области гуманитарного знания.

6

Заключая, вынуждены ограничиться трюизмом: на вопрос о соотношении лингвистики и семиотики нет однозначного ответа — есть комбинация возможностей. Крайними полюсами будет позиция, которую можно назвать лингвистическим империализмом, которая объявляет объектом лингвистики все те сферы, где используется язык, и в качестве своих доминионов — все те системы, которые могут быть описаны как язык. Другим полюсом будет лингвистический изоляционизм, где объектом будут исключительно внутренние механизмы (преимущественно рекурсии). И то, и другое приемлемо — если эти позиции не переходят в агрессивный обскурантизм. Но значимых результатов следует ожидать там, где имеет место рассмотрение взаимодействия внутренних функций и внешних механизмов: что мы и видим в описательной части статьи А.Ц.

Данное исследование было поддержано из средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» БФУ им. И. Канта.

Список литературы

- Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с франц. ; ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. М., 1974.
Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собр. соч. М., 1958. Т. 9.
Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М., 2006.

⁸ Ср.: «Если лингвистическая модель доказала свою исключительную ценность при молекулярном анализе наследственности, то это, возможно, потому, что она в равной степени применима как к структуре, так и к функциям генетической материи» (Жакоб, 1992, с. 140).

Жакоб Ф. Лингвистическая модель в биологии // Вопросы языкознания. 1992. №2. С. 135–143.

Золян С. Т. Как примирить Лумана с Соссюром: принцип внутрисистемной дифференциации как основа неоструктуралистского подхода // Вопросы языкознания. 2021. №1. С. 121–141. doi: 10.31857/0373–658X.2021.1.121–141.

Золян С. Т. Юрий Лотман: о проблемах языка и языкознания // Вопросы языкознания. 2022. №1. С. 106–119. doi: 10.31857/0373–658X.2022.1.106–119.

Лотман Ю. М. О семиосфере // Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Тарту, 1984. (Труды по знаковым системам. Вып. 17.) С. 5–23.

Лотман Ю. М. Доклад 13 марта 1981 года в Тартуском государственном университете // Слово. ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №2. С. 10–23.

Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика / сост., вступ. ст., общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 37–89.

Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М., 2000.

Пятигорский А. М. Заметки из 90-х о семиотике 60-х годов // Ю. М. Лотман и Московско-Тартуская школа / сост. А. Д. Кошелев. М., 1994. С. 324–329.

Ревзин И. И. О субъективной позиции исследователя в семиотике // Труды по знаковым системам V. Тарту, 1971. (Ученые записки университета. Вып. 266.) С. 334–344.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

Циммерлинг А. В. Конкретно: синтактика без семиотики // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 125–153. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-9.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.

Barbieri M. The Code Model of Semiosis: The First Steps Toward a Scientific Bio-semiotics // The American Journal of Semiotics. 2008. Vol. 24, №1–3. P. 23–37.

Deacon T.W. How Molecules Became Signs // Biosemiotics. 2021. Vol. 14. P. 537–559. doi: 10.1007/s12304-021-09453-9.

Gasparyan D.E. Language as Eigenform: Semiotics in the search of a meaning // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. 2018. Vol. 34, №4. P. 474–492. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2018.402>.

Gasparyan D.E. Semiosis as Eigenform and Observation as Recursive Interpretation // Constructivist Foundations. 2020. Vol. 15, №3. P. 271–279.

Hauser M., Chomsky N., Fitch W. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? // Science. 2002. Vol. 298, №5598. P. 1569–1579. doi: 10.1126/science.298.5598.1569.

Hodge R., Kress G. Social Semiotics. Cambridge, 1988.

Kauffman L.H. Eigenforms – Objects as Tokens for Eigenbehaviors // Cybernetics and Human Knowing. 2003. Vol. 10, №3–4. P. 73–90.

Kauffman L.H. What Lies Beyond Language? // Constructivist Foundations. 2020. Vol. 15, №3. P. 282–283.

Morris Ch. Signs About Signs About Signs. // Philosophy and Phenomenological Research. 1948. Vol. 9, №1. P. 115–133.

Prodi G. Material Bases of Signification // Semiotica. 1988. Vol. 69, №3–4. P. 191–242. doi: <https://doi.org/10.1515/semi.1988.69.3-4.191>

Searle J.R. Rationality and Realism, What Is at Stake? // Daedalus. 1993. Vol. 122, №4. P. 55–83.

Zolyan S. Language // The Companion to Juri Lotman: A Semiotic Theory of Culture / ed. by M. Tamm, P. Torop. L., 2021. P. 123135. doi: <http://dx.doi.org/10.5040/9781350181649.0016>.

Об авторе

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4422-5792

Для цитирования:

Золян С. Т. Откуда же метод берется? О самодостаточности семиотических объектов // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 137–152. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-8.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

WHERE DOES THE METHOD COME FROM? ON THE SELF-SUFFICIENCY OF SEMIOTIC OBJECTS

S. T. Zolyan

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on 05.03.2023

Accepted on 29.04.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-8

The article aims to illustrate the inadequacy of viewing semiotics as a mere extension of linguistic methods applied to non-linguistic objects. It highlights the dual and recursive nature of semiotic terms. Semiotics' objects are not independent signs but rather the processes involved in establishing sign relations, specifically semiosis and semiopoiesis. Given the dynamic character of semiosis, signs should not be regarded as fixed objects from a predefined vocabulary; instead, they should be seen as ongoing processes. This underscores the significance of referencing texts and contexts within semiotics. This aspect is crucial as it is where semiotics can complement linguistics effectively.

Social semiotics and poetic semantics, from different vantage points, demonstrate that the speaker's activity is not merely the reproduction of signs but the generation of them. Conversely, biosemiotics and molecular genetics offer insights into comprehending the internal laws of semiosis, affirming that sign generation is an inherent property of information systems and need not always involve a conscious subject. Simultaneously, linguistic descriptions can take various directions, focusing either on describing significative functions external to the system or on internal relationships within the system.

Keywords: Saussure, Lotman, Hjelmslev, Revzin, Zimmerling, semiotics in relation to linguistics, semiosis, sign

The research was supported by the Strategic Academic Leadership Programme "Priority 2030" of the Immanuel Kant Baltic Federal University.

References

Barbieri, M., 2008. The Code Model of Semiosis: The First Steps Toward a Scientific Biosemiotics. *The American Journal of Semiotics*, 24 (1–3), pp. 23–37, <https://doi.org/10.5840/ajs2008241/33>.

Benveniste, É., 1974. *Obshchaya lingvistika* [Problèmes de linguistique Générale]. Translated and ed. by Yu.S. Stepanov (in Russ.).

Deacon, T. W., 2021. How Molecules Became Signs. *Biosemiotics*, 14, pp. 537–559, <https://doi.org/10.1007/s12304-021-09453-9>.

Dostoevsky, F. M., 1958. The Brothers Karamazov. In: *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Vol. 9. Moscow (in Russ.).

Eco, U., 1998. *Otsutstviyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Missing structure. Introduction to Semiology]. Moscow (in Russ.).

Gasparyan, D. E., 2018. Language as Eigenform: Semiotics in the search of a meaning. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 34 (4), pp. 474–492, <https://doi.org/10.21638/spbu17.2018.402>.

Gasparyan, D. E., 2020. Semiosis as Eigenform and Observation as Recursive Interpretation. *Constructivist Foundations*, 15 (3), pp. 271–279.

Hauser, M., Chomsky, N. and Fitch, W., 2002. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? *Science*, 298 (5598), pp. 1569–1579, <https://doi.org/10.1126/science.298.5598.1569>.

Hjelmslev, L. T., 2006. *Prolegomeny k teorii yazyka* [Prolegomena to the theory of language]. Moscow (in Russ.).

Hodge, R. and Kress, G., 1988. *Social Semiotics*. Cambridge: Polity.

Jacob, F., 1992. The linguistic model in biology. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2, pp. 135–143 (in Russ.).

Kauffman, L. H., 2003. Eigenforms – Objects as Tokens for Eigenbehaviors. *Cybernetics and Human Knowing*, 10 (3–4), pp. 73–90.

Kauffman, L. H., 2020. What Lies Beyond Language? *Constructivist Foundations*, 15 (3), pp. 282–283.

Lotman, Yu. M., 1984. On semiosphere. *Trudy po znakovym sistemam. 17: Struktura dialoga kak printsip raboty semioticheskogo mekhanizma* [Sign Systems Studies. 17: Dialogue structure as a principle of operation of the semiotic mechanism]. Tartu, pp. 5–23 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 2022. Lecture at Tartu State University, March 13, 1981. *Slovo.ru: Baltic accent*, 13 (2), pp. 10–23 (in Russ.).

Morris, Ch., 1948. Signs About Signs About Signs. *Philosophy and Phenomenological Research*, 9 (1), pp. 115–133.

Morris, Ch. W., 1983. Foundations of the Theory of Signs. In: Yu. S. Stepanov, ed. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, pp. 37–89 (in Russ.).

Peirce, Ch. S., 2000. *Izbrannyye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow (in Russ.).

Prodi, G., 1988. Material Bases of Signification. *Semiotica*, 69 (3–4), pp. 191–242, <https://doi.org/10.1515/semi.1988.69.3-4.191>.

Pyatigorsky, A. M., 1994. Notes from the 90s about the semiotics of the 60s. In: A. D. Koshelev, ed. *Yu. M. Lotman i Moskovsko-Tartuskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Moscow-Tartu school]. Moscow, pp. 324–329 (in Russ.).

Revzin, I. I., 1971. On Subjectivity in Semiotics. *Trudy po znakovym sistemam. 5. Uchenyye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Sign Systems Studies. 5. Scientific letters of The University of Tartu.], 266. Tartu, pp. 334–344 (in Russ.).

Saussure, F. de, 1997. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Cours de linguistique Générale]. Moscow (in Russ.).

Searle, J. R., 1993. Rationality and Realism, What Is at Stake? *Daedalus*, 122 (4), pp. 55–83.

Zimmerling, A. V., 2023. Really: syntactics without semiotics? *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (3), pp. 125–153, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-3-9> (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2021a. How to reconcile Luhmann with Saussure: The principle of intrasystemic differentiation as a basis for a neo-structuralist approach. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 121–141, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.1.121-141> (in Russ.).

Zolyan, S., 2021b. Language. In: M. Tamm and P. Torop, eds. *The Companion to Juri Lotman: A Semiotic Theory of Culture*. London: Bloomsbury Academic, pp. 123–135, <http://dx.doi.org/10.5040/9781350181649.0016>.

Zolyan, S. T., 2022. Yuri Lotman: On problems of language and linguistics. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 106–119, <http://dx.doi.org/10.31857/0373-658X.2022.1.106-119> (in Russ.).

The author

Dr. Suren T. Zolyan, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4422-5792

To cite this article:

Zolyan, S. T., 2023, Where does the method come from? On the self-sufficiency of semiotic objects, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 4, pp. 137–152. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-8.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

НУЖНА ЛИ ЧАСТЬ ВНЕ ЦЕЛОГО?

(К статье А. В. Циммерлинга «Конкретно: синтактика без семиотики?»)

С. В. Чебанов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11
Поступила в редакцию 19.03.2023 г.
Принята к публикации 10.05.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-9

Выяснению связей лингвистики и семиотики должна предшествовать их демаркация, предполагающая определение каждого из предметов. Однако то, как это делает А. В. Циммерлинг в своей статье, представляется дискуссионным. Так, при обсуждении семиотики принимается во внимание только такое ее направление, которое признаёт билатералистическое понимание знака, и игнорируются унилатералистические концепции знака. Лингвистика же трактуется только как лингвистика языка, в то время как лингвистика речи (текста) – как скрытая филология, хотя при этом не проясняется, к чему – к лингвистике или филологии – относится различие языка и речи. Проблематичным при этом становится и статус лингвистической прагматики.

Высказать конструктивные суждения по данному вопросу позволяет различение пяти концепций языка и речи – герменевтики, филологии, лингвистики, семиотики и прагмалингвистики, причем каждая из них задает как некоторую онтологию, так и соответствующий методологический подход. Рассматривая их как ортогональные оси верной матрицы, можно различить 25 возможных практик работы со словесностью – как реализованных, так и могущих быть потенциально. В таком случае филологическая лингвистика, рассматриваемая А. В. Циммерлингом, находит подобающее место, и становится объяснимы дрейф к биопрагмалингвистике в случае Г. Вицзани (от биогерменевтики) или З. Онгстада (от филологии).

Ключевые слова: семиотика, филологическая лингвистика, нефилологическая лингвистика, герменевтика, филология, прагмалингвистика, верные матрицы, Г. Вицзани, З. Онгстад, биосемиотика

Обсуждаемая статья строится на противопоставлении лингвистики как естественно-научной дисциплины, изучающей механизмы языка как формальной системой символов, семиотике, занимающейся двусторонними единицами, причем указывается намерение обходиться в лингвистике преимущественно без семиотики. Тем не менее иногда это оказывается невозможным, и становится необходимым обращение к семиотике как к области, оперирующей двусторонними единицами. В таком случае становится непонятным, зачем вводится противопоставление лингвистики и семиотики вообще (на фоне размывания границ дисциплин) и почему задается именно такое противопоставление (с непроясненными объемами понимания семиотики и лингвистики, что делает неопределенным способ их демаркации). На этом фоне формулируются две интересные идеи: вопрос о корректности отнесения прагматики к сфере языка (а не речи) и разделение лингвистики на филологическую и нефилологическую.

Лингвистика (филологическая и нефилологическая) и семиотика

Хотя поставлен вопрос о соотношении лингвистики и семиотики, что понимается под семиотикой и знаком, не совсем понятно. Создается впечатление, что под знаком понимаются знаки в европейской, сосюрговской, лингвоцентрической, билатералистической семиотике, а под семиотикой понимается их рассмотрение только в аспекте семантики (без синтактики и прагматики). Об этом свидетельствуют следующие утверждения.

В начале раздела 0 говорится, что «некоторые элементы языка являются двусторонними единицами (знаками)» (Циммерлинг, 2023, с. 125). Это утверждение справедливо только для традиционной европейской семиотики.

Дело в том, что в американской, пирсовской, логоцентрической семиотике знак (знаконоситель, знаковое средство) понимается как единица односторонняя (Моррис, 2001, с. 47), в силу чего американскую семиотику можно квалифицировать как унилатералистическую. Ч. Моррис представляет это следующим образом: семиозис — это «процесс, в котором нечто функционирует как знак... Этот процесс... рассматривался как включающий три (или четыре) фактора: то, что выступает как знак; то, на что указывает (refers to) знак; воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком» (Там же). При этом такая трактовка принципиально важна для Морриса в связи с его близостью ко второму и третьему позитивизму (см. ссылки на Р. Карнапа, Х. Райхенбаха, А. Тарского (Там же, с. 63)) и симпатиями к бихевиоризму (Там же, с. 49), что предполагает избегание ментализма, необходимого для постижения интерпретанты. Таким образом, имеет место контринтуитивная ситуация, в которой американская, более детализированная семиотика имеет дело с унилатералистически понимаемым знаком, неразрывно связанным с семиозисом (который понимается, если так можно выразиться, билатералистически), в то время как исконно европейская семиотика рассматривает билатералистически понимаемый знак значительно менее дифференцировано и вне процесса семиозиса.

Графически билатеральный знак представлен в «Курсе общей лингвистики» (Соссюр, 2023, с. 76) (рис. 1).

Рис. 1. Языковой знак как двусторонняя психическая сущность (по Ф. де Соссюру)

Оригинальных подобных схем знака у Ч. Пирса и Ч. Морриса нет, но последователи и комментаторы дают такую схему знака в их понимании (Nöth, Jungk, 2015, p. 665), что, по мнению автора, совершенно точно соответствует их текстам (рис. 2).

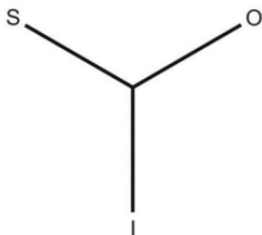

Рис. 2. Компоненты семиозиса в трактовке Ч. Пирса и Ч. Морриса.
S – знак, O – объект, I – интерпретанта

В этой трактовке знак сугубо унилатералистическая сущность, отделенная от объекта и интерпретанты.

Однако широкое распространение получает синкретическая схема, объединяющая представления Пирса, Морриса, Соссюра и Огдена-Ричардса, приписываемая Пирсу (Ibid., p. 666) (рис. 3). В ней объект и интерпретанта Пирса – Морриса соотносятся с понятием (планом содержания) Соссюра, знак Пирса – Морриса – с акустическим образом (планом выражения) Соссюра, что дает основание для билатералистической трактовки американского унилатералистического понимания знака.

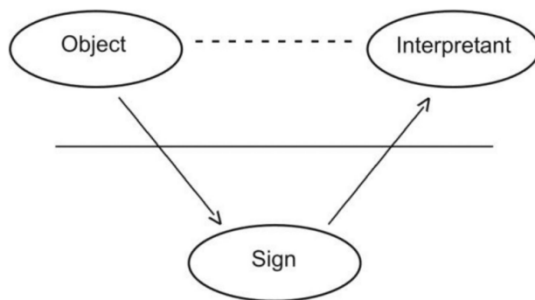

Рис. 3. Синкретическая схема, представляющая компоненты семиозиса Пирса – Морриса как вершины треугольника Огдена – Ричардса.
Object – объект, Interpretant – интерпретанта, Sign – знак

В силу наличия разных школ семиотики утверждение, что «семиотика есть экстраполяция любых моделей языкового кода на другие типы сообщений» (Циммерлинг, 2023, с. 126) с определенной степенью основательности может быть отнесено к соссюровской семиотике, но оно категорически неприменимо к семиотике пирсовской. При этом сближение языка и музыки «на том основании, что в них предположительно реализуются те же самые принципы синтаксиса» (Там же) демонстрирует, что ограничение семантикой для семиотики совершенно необязательно.

Еще один тезис, предлагаемый к обсуждению, утверждение, что «семиотика вслед за (Лотман, 1964) понимается как программа описания всех или большинства *знаковых систем* как вторичных по отношению к естественному языку. Вопрос о том, является ли семиотика научной дисциплиной, не обсуждается» (Циммерлинг, 2023, с. 126). Таким образом, дается особая (как представляется, отличная от понимания Ю.М. Лотмана) интерпретация вторичных знаковых систем, и утверждается, что им предшествует естественный язык. Подобные проблемы в «Курсе общей лингвистики» (Соссюр, 2023) не обсуждаются, а Ч. Моррис рассматривает знаки у животных (Моррис, 2001, с. 47, 71–73), не говоря о том, что знаки у микробов, растений и животных ныне объект биосемиотики, стремительно развивающейся последние 30 лет (см. публикации в журнале *Biosemiotics*), и им не может предшествовать естественный язык человека. Поэтому этот тезис вызывает вопросы, требует уточнения и в случае его сохранения ограничения объема релевантности.

Наряду с этим утверждается, что на стыке фонологии и морфологии и в случае словарного описания лексических единиц понятие знака как двусторонней единицы оказывается неустрашимым (Циммерлинг, 2023, с. 130).

К сожалению, нельзя дать более точное описание того, что понимается под семиотикой в такой интерпретации — ни американская семиотика, ни работы по семиотике, которые велись в кругах Р. Барта, А. Греймаса, Ю. Кристевой, У. Эко, К. Кулля и т.д., судя по всему, в рассмотрении не принимаются.

Вместе с тем современная мировая, в том числе европейская, семиотика представляет собой довольно сложный сплав американской (пирсовской), европейской (соссюровской) и русской (в том числе лотмановской) семиотики, и для этой мировой семиотики более или менее общим местом в настоящее время является различение трех аспектов семиозиса — семантики, синтактики и прагматики ((Моррис, 2001); ср. (Степанов, 1985) — с точки зрения настоящей дискуссии название и подзаголовок книги являются взаимоисключающими). При этом примечательно, что европейская, преимущественно билатералистическая, семиотика, даже говоря о синтаксических отношениях плана содержания, отсылает к трактовке синтактики у Ч. Морриса (Моррис, 2001, с. 56), которая относится к унилатералистически понимаемому знаку (Там же, с. 47), то есть не относится к интерпретанте, с которой отчасти можно соотносить план содержания соссюровской семиотики (рис. 3).

Не менее своеобразна и приводимая в статье, открывающей дискуссию, трактовка языка и лингвистики. Она заключается в утверждении о том, что «предметом лингвистики является не текст, а *механизмы языка*, например способы маркирования некоторого значения, ограничения на комбинации или линейные порядки элементов... и *единицы языка*, например знаменательные и служебные слова, корни, аффиксы, фонемы и т.п.» (Циммерлинг, 2023, с. 128), причем «ядро естественного языка соответствует некоторому формальному языку (Montague, 1974)» (Там же, с. 127). В связи с этим возникает несколько вопросов.

Во-первых, к какой дисциплине должно относиться само различение языка и речи? Если или к лингвистике, или к филологии, то в одной из каждой пар так гипотетически понимаемых дисциплин (то есть либо в лингвистике, либо в филологии) должен быть раздел, в котором вводится различение языка и речи, затем лингвистики и филологии как дисциплин, их изучающих, а также довольно подробно, хотя и с высоты птичьего полета, рассказывается о том, чем занимается двойственная дисциплина (то есть если различение языка и речи относится к области лингвистики, то в ней должен быть раздел о филологии, а если это различение относится к филологии, то в ней должен быть раздел о лингвистике). Другой вариант — построение некоей новой метадисциплины, в которой рассматривается вопрос о природе языка и речи (а почему в таком случае не рассмотреть, следуя Л. В. Щербе, и вопрос о речевой деятельности? тогда диада лингвистики и филологии будет дополнена до триады — видимо, психолингвистикой) и обосновывается статус лингвистики, филологии и той же психолингвистики — описываются их предмет, метод, цели, задачи, объем понимания и т. д. При этом изучение «механизмов языка», о которых шла речь при определении предмета лингвистики, должно быть отнесено к психолингвистике, а содержание лингвистики переопределено.

Во-вторых, показательно соотношение приводимой трактовки лингвистики с уже обсуждавшимся утверждением А. В. Циммерлинга о неустраимости понятия знака как двусторонней единицы — как на стыке фонологии и морфологии, так и при словарном описании лексики — на фоне его утверждения о том, что «Наука о естественном языке возникла в начале XX века на почве размежевания с гуманитарными науками, прежде всего — с *филологией*, предметом которой является *текст* как фиксированная вербальная форма» (Там же).

С отмеченным фактическим положением дел нельзя не согласиться, однако интерпретировать его можно совершенно иначе. Представляется, что начало XX века было временем истощения гумбольдтовской доктрины языка — языка, который говорит человеком. При этом во все большей степени внимание уделялось человеку, который говорит языком, как это было у младограмматиков. Такая установка, притом что выяснялось множество частных закономерностей, делала лингвистику все более идиографической дисциплиной. Потребность же в ее номотетизации дала, с одной стороны, ту ветвь лингвистики, о которой говорит А. В. Циммерлинг (она основана на вырезании более узкого предмета — линейных порядков элементов, которые в пределе могут описываться формальными грамматиками Монтегю), и, с другой стороны, семиологию Ф. де Соссюра и семиотику Ч. С. Пирса с более обобщенным, генерализованным предметом изучения.

В-третьих, с учетом сказанного открываются по крайней мере два способа соотношения лингвистики и семиотики. Можно их противопоставлять (как это делает А. В. Циммерлинг), и тогда они оказываются соположенными на одном уровне общности (что и позволяет искать их границы), а можно рассматривать лингвистику как часть семиотики

(что близко автору настоящего текста) и тогда даже нельзя помыслить синтактику без семиотики, а можно только в каких-то ситуациях рассматривать синтактику без семантики и прагматики.

Далее стремление связать лингвистику только с изучением языка, противопоставив его изучению речи, ставит под вопрос правомерность существования не только лингвистики текста (раздел 1.2), но и лингвистической прагматики. В последнем случае проблематизируется отношение рассмотрения коммуникативной ситуации (со всем аппаратом ее описания — коммуникантами с их импликатурами и иллокутивными интенциями, регламента коммуникации, локуцией, перлокутивными интенция и перлокутивными эффектами, перформативной силой и т.д.) к сфере лингвистики.

Для того чтобы снять возникающие при такой постановке вопроса концептуальные напряжения, вводится различие филологической и нефилологической лингвистики (раздел 1.2) и, как было отмечено, утверждается, что (нефилологическая) лингвистика как естественная наука, отделившаяся от гуманитарных наук, возникла в начале XX века (Там же, с. 127; в первой версии статьи этот тезис и вытекающие из него следствия формулировались значительно более жестко).

Однако этому можно дать не историческую (о ней см. выше), а гораздо более принципиально значимую логико-типологическую интерпретацию.

Представляется, что существует пять фокальных точек рассмотрения языка и речи (словесности, неразделимость языка и речи в которой принципиальна на фоне их различимости) — герменевтика, филология, лингвистика, семиотика и прагмалингвистика, которые прослеживаются по крайней мере в европейской, иудейской, арабо-мусульманской, индийской и китайской традициях (Чебанов, Мартыненко, 1990а; 1990б; 2007). Представить их основные характеристики можно в таблице 1.

Таблица 1

Концепции словесности

Характеристика	Концепция				
	Герменевтика	Филология	Лингвистика	Семиотика	Прагмалингвистика
Семиотические средства	Символ (неоплатоников)	Троп	Исторически детерминированный знак	Знак	Комплекс семиотических средств
Размерность	Бесконечность	Многомерность	Одномерность		Нужномерность
Отношение к числу	Арифмология	Пренебрежение	Безразличие	Интерес к числу	Квантитативные методы
Цель обращения к тексту	Спасение	Полезный досуг	Сообщение сведений	Передача информации	Осуществление действия
Семиотическая модель	Текст бытия	Энциклопедия	Словарь	Тезаурус	Семантическая сеть
Статус текста	Часть мира	Историко-художественный памятник	Речевое произведение	Суперзнак	Компонент деятельности

Окончание табл. 1

Характеристика	Концепция				
	Герменевтика	Филология	Лингвистика	Семиотика	Прагмалингвистика
Статус материала плана выражения	Священен	Традиционен	Дан	Произволен	Неслучаен
Влияние контекста	Значимое приращение смысла в контексте	Модификация смысла в контексте	Ориентация на концептуальное значение	Потенциально полная зависимость от контекста, (ценность знака)	Взаимодействие контекстного и инвариантного значения
Методологический подход	Натурфило-софский	Логико-эпистемический		Системный	Системно-деятельностный, комплексный

Развиваемый взгляд на предмет позволяет более трех с половиной десятилетий вести мониторинг развития гуманитарного (и не только) знания, давать оценку отдельным событиям и достижениям, выделять тенденции и проследивать их динамику в областях, связанных как с гуманитарными, так и с биологическими исследованиями (Чебанов, 1999; 2005; 2006; 2009; 2010; 2011; 2014; 2019; 2020; Чебанов, Мартыненко, 1990а; 1990б; 2007; Chebanov, 1993; 1998; 1999; 2002; 2004; 2007а; 2007б; 2008; 2012; 2017; 2018; 2019; 2022; Chebanov, Dmitrieva, 2009; Martynenko, Chebanov, Sherstinova, 1998), что позволяет делать прогнозы. Так, на этом основании много лет говорилось о возможности формирования биопрагмалингвистики, что вызывало некоторую скептическую иронию коллег (как и разговор о биогерменевтике). С этой точки зрения показательна история Г. Витцани, который, помимо микологии, учился философии у К.-О. Апеля и тяготел к биогерменевтике (ради облегчения понимания – личное сообщение – называя это трехмерной биосемиотикой: (Witzany, 2006; 2007)), а ныне переориентировался на прагматику (Witzany, 2014). Такая трансформация герменевтических представлений в прагмалингвистические была видна еще в конце 1980-х годов (Чебанов, Мартыненко, 1990б). Из гуманитарной проблематики через прагматику прямо в биопрагмалингвистику пришел З. Онгстад (Ongstad, 2019; 2021), причем можно проследить, как он к этому шел (Ongstad, 2004; 2005; 2007; 2009; 2010).

При этом обнаруживается, что более или менее регулярно приемы и идеи одной концепции словесности используются в рамках другой. С методологической точки зрения такая ситуация вполне ожидаема и описывается веерными матрицами (Веерная матрица, 2018; Кордонский, 2001; 2011; Кордонский, Чебанов, 1996). В таком случае постижение словесности может быть рассмотрено следующим образом (табл. 2).

Практики рассмотрения словесности

Подход	Концепция				Прагмалингвистика
	<i>Hermetica Sastra</i>	Филология	Лингвистика	Семиология	
Герменевтический	<i>Hermetica Sastra</i>	Церковная риторика	(Флоренский, 1973)	Триады Я. С. Друскина (Вакуленко, 1990)	Глобальная переструктуризация по другому основанию с сохранением локальных структур)
Филологический	(Аверинцев, 1977)	Филология	Хлебников	Бахтин	(Отношение части к целому)
Лингвистический	Лингвистика Библии	Лингвистическая поэтика	Лингвистика	«Знаковые события», эмблемы	(Отношение части к целому)
Семиотический	Структурная мифология (Иванов, 1977)	Формализм; структурализм	Школа «Вещи и слова»	Семиология	(Отношение части к целому)
Прагмалингвистический	(Прагмалингвистическая апология <i>Hermetica Sastra</i>)	(Прагмалингвистический анализ текста)	(Коммуникативная, психодиагностическая, социальнопсихологическая и т.д. маркированность языковых средств)	(Коммуникативные, психодиагностические, социально-психологические и т.д. функции конвенционального знака)	Прагмалингвистика

Примечание: в графах таблицы приведены сложившиеся области деятельности (если они есть), ссылки на лиц, представлявших соответствующую практику, или их конкретные работы. В том случае, если какую-то практику можно только представить, в круглых скобках дано ее описание.

С учетом проблематики, обсуждаемой в рассматриваемой статье, поле практик можно сократить (табл. 3), хотя это и будет некоторым огрублением, так как среди рассматриваемых текстов фигурируют и описания церковного суда (что в идеале требует привлечения и практик *Hermeneutica Sacra*).

Таблица 3

Обсуждаемые практики рассмотрения словесности

Подход	Концепция		
	Филология	Лингвистика	Семиология
Филологический	Филология	Хлебников	Бахтин
Лингвистический	Лингвистическая поэтика	Лингвистика	«Знаковые события», эмблемы
Семиотический	Формализм; структурализм	Школа «Вещи и слова»	Семиология

В развиваемой логике непонятно, почему порядок слов (по-видимому, в предложении) и линейные порядки элементов относятся А. В. Циммерлингом к лингвистике (Циммерлинг, 2023, с. 128), а линейные порядки предложений и других надфразовых единств, вполне определенные для разных жанров устной и письменной речи (не говоря о строгой их регламентации в публичном, тем более официальном, включая дипломатическое, общении или документах с жесткой формальной структурой), описываемых гиперсинтаксисом, должны относиться к филологии, по крайней мере к криптофилологии — завуалированной форме филологии, в качестве которой квалифицируется лингвистика текста (Там же, с. 129).

При этом встает вопрос о двух недосказанностях.

Во-первых, в разделе 1.1 автор говорит, что «Задачей лингвиста... является отделение собственно языковых черт от неязыковых... того, что связано с особенностями данного текста, данной конкретной речевой ситуации, речевым профилем конкретного информанта и т.п.» (Там же, с. 128), но при этом не рассказывает, как это сделать. Более того, возникает вопрос о том, как может существовать морфема, слово, речевой акт угрозы вне данной конкретной речевой ситуации, может ли что-то из перечисленного не обладать адресованностью (ср.: Там же, с. 127, сноска 4), если принимается во внимание реальное речевое поведение носителей языка, а не какие-то учебные или игровые задачи? С точки зрения Л. В. Щербы (Щерба, 1974) и современных когнитивных лингвистов (Labov, 1978; Lakoff, 1986; Lakoff, Johnson, 1992), только мнение носителей языка может быть источником сведений о допустимости той или иной конструкции в языке, так что наивные носители языка должны привлекаться для суждения об адекватности экстракции языка из речи. Как это учитывается в приводимой формулировке задачи лингвиста?

Во-вторых, непонятно, почему текст понимается «как фиксированная вербальная форма» (Циммерлинг, 2023, с. 127)? С одной стороны,

не очень понятно, что значит «фиксированная»? Как фиксированная? Это обязательно письменный текст? Тогда это отрывает текст от речи? Или это и устный текст тоже? Насколько жесткой является эта фиксация? Распространяются ли провозглашаемые свойства текста на вариативные тексты (Доманский, 2006; Ковригина, 2014), которыми являются как традиционные фольклорные, так и современные компьютерные тексты? Учитывая последние и способ их порождения, можно ли отделить их от устной речи?

В целом же произведенное противопоставление лингвистики и семиотики кажется неплодотворным. При этом то, что причиной неудачи описания синтактики ТИ₁ является отсутствие ее словарного (квалифицируемого автором как семиотического) описания представляется свидетельством не плодотворности привлечения семиотики, а неудачности определения объема лингвистики и скорее дает основания в качестве способа соотнесения семиотики и лингвистики рассматривать не их соположение на одном уровне, а включение второй в первую.

Следует обратить также внимание на то, что рассмотрение проблем, подобных обсуждаемым, требует не только строгости, на которую претендует А. В. Циммерлинг, но и последовательности ее реализации даже в мелочах, пренебрежение чем может приводить к безосновательной неоднозначности интерпретации текста (как, например, отсутствие названий граф таблиц 1, 2 и 3 или использование «лабораторного жаргона» в выражениях «типа 2», «типа 3» наряду с корректным «элементам рангов 1–3 в таблице 3» (Циммерлинг, 2023, с. 133–134)). Между тем чрезмерная строгость использования терминологии может привести к невозможности сформулировать проблему (в особенности, когда такая формулировка касается очень разнородного материала или совершенно новых идей).

Подводя итог, можно утверждать, что рассматриваемый текст сам по себе указывает на то, что проблема отношения лингвистики и семиотики, как и границы этих дисциплин, недостаточно артикулирована. Частным, очень интересным в постановке автора, является вопрос о том, относится ли вся сфера лингвистической прагматики к языку или к речи или же она как-то распределена между ними; в частности, каков статус лингвистической прагматики в лингвистике, в том числе в криптофилологической лингвистике текста.

Как представляется, отвечать на эти вопросы, находясь внутри лингвистики или внутри семиотики, невозможно, а необходимы переходы из области в области и / или выход в метапозицию. В таком случае встает вопрос о том, какова она.

Автор искренне благодарен С.Т. Золян, А.В. Заворотнищевой и М.Г. Стаценко за помощь в подготовке текста к публикации.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-18-00383, проект «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе», выполняемый в ИНИОН РАН.

Список литературы

- Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
- Вакуленко Н. С.* Метод иерархических триад как средство обоснования формального подхода в прикладной лингвистике (на примере комплекса учебных программ) : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990.
- Веерная матрица* [2018]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Веерная_матрица (дата обращения: 01.03.2023).
- Доманский Ю. В.* Вариативность и интерпретация текста (парадигма неклассической художественности) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.
- Иванов Вяч. Вс.* К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных представлений // Труды по знаковым системам VIII. Тарту, 1977. С. 45–64 (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 411).
- Ковригина Л. Ю.* Негауссовое моделирование лексико-статистической структуры вариативного текста: на примере «Сказания о Мамаевом побоище» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014.
- Кордонский С. Г.* Циклы деятельности и идеальные объекты. М., 2001.
- Кордонский С.* Веерные матрицы как инструмент построения онтологий. Вашингтон, 2011.
- Кордонский С. Г., Чебанов С. В.* Веерные матрицы как модель представления данных // Чебанов С. В. Собр. соч. Вильнюс, 1996. Т. 1. С. 80.
- Моррис Ч. У.* Основания теории знаков // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. М., 2001. С. 45–97.
- Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. М., 2023.
- Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- Флоренский П.* Строение слова // Контекст-72. Литературно-теоретические исследования. М., 1973. С. 348–375.
- Циммерлинг А. В.* Конкретно: синтактика без семиотики? // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 125–153.
- Чебанов С. В.* Рецензия на книгу Йеспера Хоффмейера (Jesper Hoffmeyer. «Signs of Meaning in the Universe», transl. by V.J. Haveland. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1997) // Журнал общей биологии. 1999. Т. 59, №2. С. 229–235.
- Чебанов С. В.* Семантофоры: взгляд биосемиотики и прагмалингвистики // Научные чтения – 2004 : матер. конф. / Филологический факультет СПбГУ. СПб., 2005. С. 243–252.
- Чебанов С. В.* О предельном тождестве герменевтики, прикладной лингвистики и прагмалингвистики // Понимание и рефлексия в образовании, культуре и коммуникации. Тверь, 2006. С. 247–249.
- Чебанов С. В.* Биосемиотика и биогерменевтика // Науки о жизни и образование. Фундаментальные проблемы интеграции. М., 2009. С. 340–344.
- Чебанов С. В.* Статус семиотически осознаваемой биологии // Философские проблемы биологии и медицины. М., 2010. Вып. 4 : Фундаментальное и прикладное. С. 323–326.
- Чебанов С. В.* Когнитивная лингвистика и прагмалингвистика как альтернативы развития функциональной лингвистики и их отношение к герменевтике // Актуальные проблемы современной когнитивной науки : матер. IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (20–21 октября 2011 года). Иваново, 2011. С. 252–266.
- Чебанов С. В.* Курс герменевтики в цикле профильных дисциплин при подготовке специалистов по прикладной лингвистике // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2014. Вып. 7. С. 87–96.

Чебанов С. В. На пути к семиотически осознаваемой биологии: биосемиотика замещает синтетическую теорию эволюции // Метод: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М., 2019. Вып. 9. С. 151–173.

Чебанов С. В. Система техник понимания Г. И. Богина // Понимание и рефлексия в России: сб. матер. докл. на междунар. науч.-практ. конф. (г. Тверь, 29–30 ноября 2019 г.) Тверь, 2020. С. 307–339.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Основные типы представлений о природе языка // Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis. Tartu, 1990a. Вып. 911. С. 112–136.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Идеи герменевтики в прикладной лингвистике // Quantitative linguistics and automatic text analysis. 1990. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis. Tartu, 1990b. Вып. 912. С. 92–111.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. О герменевтизации прикладной лингвистики // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2007. №29 (57). С. 273–291.

Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.

Chebanov S. V. Biology and Humanitarian Culture: the Problem of Interpretation in Biohermeneutics and Hermeneutics of Biology // Lectures of Theoretical Biology: the Second Stage. Tallinn, 1993. P. 219–248.

Chebanov S. V. The Role of Hermeneutics in Biology // Sociobiology and Bioeconomics. The Theory of Evolution in Biological and Economic Theory / ed. by P. Koslowski. Berlin; Heidelberg; N. Y., 1998. P. 141–172.

Chebanov S. V. Bio-Hermeneutics and Hermeneutics of Biology // Semiotica. 1999. Vol. 127, №1/4. P. 215–226.

Chebanov S. V. Bilateral biosemiotics: A problem of sense on a super-triplet level // Gathering in Biosemiotics-2. Tartu, 2002. P. 11.

Chebanov S. V. Semiotics of the contents and semiotics of expression: the role of sign's body // Körper – Verkörperung – Entkörperung. Body – Embodiment – Disembodiment. Kassel, 2004. P. 1132–1144.

Chebanov S. V. The current Situation in Modern Biosemiotics // Biosemiotics in Transdisciplinary Contexts: Proceedings of the Gathering in Biosemiotics 6, Salzburg, 2006. Vilnius, 2007a. P. 133–141.

Chebanov S. V. Communicative-glossematic conception of semiotic means (SM) as tool for explanation of understanding/misunderstanding // 9th World Congress of Semiotics. Helsinki – Imatra, ISI, 2007b. P. 107–108.

Chebanov S. V. Alternatives of Biosemiotics // 8th Gathering in Biosemiotics. Hermoupolis, 2008. P. 18.

Chebanov S. V. Results of the development of biosemiotics // Gatherings in Biosemiotics. Tartu, 2012. P. 174–175 (Tartu Semiotics Library 11.)

Chebanov S. V. History and Results of Development of Biosemiotics // Gatherings in Biosemiotics 2017. Lausanne, 2017. P. 54–55.

Chebanov S. V. Steps towards the semiotic awareness of biology: Biosemiotics replacing the role of synthetic theory of evolution // Eighteenth Annual Biosemiotics Gathering. June 17–20, 2018. Abstract Booklet. Berkeley, 2018. P. 16.

Chebanov S. V. Interpretation techniques in living organisms // 19th Annual Gathering in Biosemiotics. Moscow, 2019. P. 15–16.

Chebanov S. V. Interdisciplinary Course of Lectures on Biosemiotics for Professionals // Gatherings in Biosemiotics-2022. Olomouc, 2022. P. 36–37.

Chebanov S. V., Dmitrieva M. A. Directions in Interpretative Biosemiotics // 9th Gathering in Biosemiotics. Prague, 2009. P. 26.

Labov W. Denotational structure // Papers from the Parasession on the Lexicon. Chicago, 1978. P. 220–260.

Lakoff G. Classifiers as a Reflection of Mind: The Experiential, Imaginative, and Ecological Aspects // Noun Classes and Categorization. Amsterdam, 1986. P. 13–52.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. N. Y., 1999.

Martynenko G. Ja., Chebanov S. V., Sherstinova T. J. Text understanding and interpreting methodology based on linguistic and hermeneutic techniques // Proceeding of International workshop TSD (Text. Speech. Dialogue). 23–26.09. Brno, 1998. P. 21–26.

Nöth W., Jungk I. Peircean visual semiotics: Potentials to be explored // Semiotica. 2015. Vol. 2015, №207. P. 657–673.

Ongstad S. Bakhtin's triadic epistemology and ideologies of dialogism // Bakhtinian perspectives on language and culture / ed. by F. Bostad, C. Brandist, L. S. Evenesen, S. Faber. L., 2004. P. 65–88.

Ongstad S. Context // Encyclopedia of linguistics / ed. by P. Strazny. N. Y., 2005. Vol. 1. P. 237–238.

Ongstad S. Positioning in Theory. A methodological framework for MTE-studies and beyond // Research on mother tongue education in a comparative international perspective. Theoretical and methodological issues / ed. by W. Herrlitz, S. Ongstad, S. & P. H. v. d. Ven. Amsterdam ; N. Y., 2007. P. 119–148.

Ongstad S. The concept of lifeworld and education in post-modernity: A critical appraisal of Habermas' theory of communicative action // Habermas, critical theory and education / ed. by M. Murphy, T. Fleming. L., 2009. P. 47–62.

Ongstad S. Synchronic-diachronic Perspectives on Genre Systemness: Exemplifying Genrification of Curricular Goals // Genre and Cultural Competence: An Interdisciplinary Approach to the Study of Texts / ed. by S. Kvam et al. Berlin, 2010. P. 35–50.

Ongstad S. A conceptual framework for studying evolutionary origins of life-genres // Biosemiotics. 2019. Vol. 12. P. 245–266.

Ongstad S. Can Animals Refer? Meta-Positioning Studies of Animal Semantics // Biosemiotics. 2021. Vol. 14. P. 433–457.

Witzany G. The Logos of the Bios 1. Contribution to the Foundation of a three-leveled Biosemiotics. Helsinki, 2006.

Witzany G. The Logos of the Bios 2. Bio-Communication. Vilnius, 2007.

Witzany G. Pragmatic turn in biology: From biological molecules to genetic content operators // World Journal of Biological Chemistry. 2014. Vol. 5, №3. P. 279–285.

Об авторе

Сергей Викторович Чебанов, доктор филологических наук, профессор, кафедра математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: s.chebanov@gmail.com, s.chebanov@spbu.ru

Для цитирования:

Чебанов С. В. Нужна ли часть вне целого? (К статье А. В. Циммерлинга «Конкретно: синтактика без семиотики») // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 153–169. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-9.

A PART OUTSIDE THE WHOLE?
(To Anton Zimmerling's article "Really: syntactics without semiotics?")

S. V. Chebanov

Saint Petersburg State University,
11 Universitetskaya Nab., Saint Petersburg, 199034, Russia
Submitted on 19.03.2023
Accepted on 10.05.2023
doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-9

Before delving into the connections between linguistics and semiotics, it is essential to establish a clear demarcation between these fields, which necessitates a precise definition of each subject. However, the approach taken by Anton Zimmerling in this regard is subject to debate. In the discussion of semiotics, the focus tends to lean towards interpretations that recognize the dual understanding of signs, while unilateral conceptions of signs are often overlooked. Linguistics is typically confined to the study of language itself, and the treatment of linguistics concerning speech (text) is often seen as a concealed branch of philology. Moreover, it remains unclear whether the distinction between language and speech pertains to linguistics or philology. This ambiguity extends to the status of linguistic pragmatics.

To address this issue constructively, it is useful to differentiate between five concepts encompassing language and speech: hermeneutics, philology, linguistics, semiotics, and pragmatolinguistics. Each of these concepts delineates a specific ontology and corresponding methodological approach. By considering them as orthogonal axes within a fan matrix, one can identify 25 possible approaches for studying speech, including those that are currently employed and potential ones. Within this framework, philological linguistics, as discussed by Zimmerling, finds its place, and the transitions of scholars like Witzany from biohermeneutics to biopragmatolinguistics and Ongstad's shift from philology become more comprehensible.

Keywords: semiotics, philological linguistics, non-philological linguistics, hermeneutics, philology, pragmatolinguistics, fan matrices, Witzany, Ongstad, biosemiotics

References

- Averintsev, S.S., 1977. *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature]. Moscow (in Russ.).
- Chebanov, S.V. and Dmitrieva, M.A., 2009. Directions in Interpretative Biosemiotics. In: *9th Gathering in Biosemiotics*. Prague, p. 26.
- Chebanov, S.V. and Martynenko, G. Ya., 1990a. The main types of ideas about the nature of language. In: *Acta et commentationes universitatis tartuensis*, 911. Tartu, pp. 112–136 (in Russ.).
- Chebanov, S.V. and Martynenko, G. Ya., 1990b. Ideas of hermeneutics in applied linguistics. In: *Quantitative linguistics and automatic text analysis*. 1990. *Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis*, 912. Tartu, pp. 92–111 (in Russ.).
- Chebanov, S.V. and Martynenko, G. Ya., 2007. On the hermeneuticization of applied linguistics. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Herald of Tver State University Series: Philology], 11 (207), pp. 273–291 (in Russ.).
- Chebanov, S.V., 1993. Biology and Humanitarian Culture: the Problem of Interpretation in Biohermeneutics and Hermeneutics of Biology. In: *Lectures of Theoretical Biology: 2nd Stage*. Tallinn, pp. 219–248.
- Chebanov, S.V., 1998. The Role of Hermeneutics in Biology In: P. Koslowski, ed. *Sociobiology and Bioeconomics. The Theory of Evolution in Biological and Economic Theory*. Berlin; Heidelberg; New York: Springer, pp. 141–172.

Chebanov, S. V., 1999a. Bio-Hermeneutics and Hermeneutics of Biology. *Semiotica*, 127 (1–4), pp. 215–226, <https://doi.org/10.1515/semi.1999.127.1-4.215>.

Chebanov, S. V., 1999b. Review of the book by Jesper Hoffmeyer (Jesper Hoffmeyer. "Signs of Meaning in the Universe", transl. by B. J. Haveland. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1997). *Zhurnal obshchei biologii* [Journal of General Biology], 59 (2), pp. 229–235 (in Russ.).

Chebanov, S. V., 2002. Bilateral biosemiotics: A problem of sense on a super-triplet level. In: *Gathering in Biosemiotics-2*. Tartu, p. 11.

Chebanov, S. V., 2004. Semiotics of the contents and semiotics of expression: the role of sign's body. In: *Körper – Verkörperung – Entkörperung. Body – Embodiment – Disembodiment*. Kassel, pp. 1132–1144 (CD).

Chebanov, S. V., 2005. Semantophores: a view of biosemiotics and pragmalinguistics. In: *Nauchnye chteniya – 2004: materialy konferentsii* [Scientific readings – 2004. Materials of the conference]. St. Petersburg, pp. 243–252 (in Russ.).

Chebanov, S. V., 2006. On the ultimate identity of hermeneutics, applied linguistics and pragmalinguistics. In: *Ponimanie i refleksiya v obrazovanii, kul'ture i kommunikatsii* [Understanding and reflection in education, culture and communication]. Tver, pp. 247–249 (in Russ.).

Chebanov, S. V., 2007a. The current Situation in Modern Biosemiotics. In: *Biosemiotics in Transdisciplinary Contexts. Proceedings of the Gathering in Biosemiotics 6, Salzburg 2006*. Vilnius, pp. 133–141.

Chebanov, S. V., 2007b. Communicative-glossematic conception of semiotic means (SM) as tool for explanation of understanding/misunderstanding. In: *9th World Congress of Semiotics*. Helsinki – Imatra, pp. 107–108.

Chebanov, S. V., 2008. Alternatives of Biosemiotics. In: *8th Gathering in Biosemiotics*. Hermoupolis, p. 18.

Chebanov, S. V., 2009. Biosemiotics and biohermeneutics. In: *Nauki o zhizni i obrazovanii. Fundamental'nye problemy integratsii* [Life sciences and education. Fundamental problems of integration]. Moscow, pp. 340–344 (in Russ.).

Chebanov, S. V., 2010. The status of semiotically conscious biology. In: *Filosofskie problemy biologii i meditsiny. Vyp. 4. Fundamental'noe i prikladnoe* [Philosophical problems of biology and medicine. Issue. 4. Fundamental and applied]. Moscow, pp. 323–326 (in Russ.).

Chebanov, S. V., 2011. Cognitive linguistics and pragmalinguistics as alternatives for the development of functional linguistics and their relation to hermeneutics. In: *Aktual'nye problemy sovremennoi kognitivnoi nauki: mater. IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (20–21 oktyabrya 2011 goda)* [Actual problems of modern cognitive science. Materials of the fourth All-Russian scientific-practical conference with international participation (October 20–21, 2011)]. Ivanovo, pp. 252–266 (in Russ.).

Chebanov, S. V., 2012. Results of the development of biosemiotics. In: *Gatherings in Biosemiotics*. Tartu, pp. 174–175.

Chebanov, S. V., 2014. The course of hermeneutics in the cycle of specialized disciplines in the training of specialists in applied linguistics. In: *Vestnik gumanitarnogo fakul'teta Ivanovskogo gosudarstvennogo khimiko-tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Faculty of Humanities of the Ivanovo State University of Chemical Technology], 7, pp. 87–96 (in Russ.).

Chebanov, S. V., 2017. History and Results of Development of Biosemiotics. In: *Gatherings in Biosemiotics 2017*. Lausanne, pp. 54–55.

Chebanov, S. V., 2018. Steps towards the semiotic awareness of biology: Biosemiotics replacing the role of synthetic theory of evolution. In: *Eighteenth Annual Biosemiotics Gathering. June 17–20, 2018. Abstract Booklet*. Berkeley, p. 16.

Chebanov, S. V., 2019a. Interpretation techniques in living organisms. In: *19th Annual Gathering in biosemiotics*. Moscow, pp. 15–16.

Chebanov, S. V., 2019b. On the way to semiotically conscious biology: biosemiotics replaces the synthetic theory of evolution. In: *Metod: moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines], 9. Moscow, pp. 151–173 (in Russ.).

Chebanov, S. V., 2020. The system of understanding techniques by G. I. Bogin. In: *Ponimanie i refleksiya v Rossii: sbornik materialov dokladov na mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (g. Tver', 29–30 noyabrya 2019 g.) [Understanding and reflection in Russia. Collection of materials of reports at the international scientific and practical conference (Tver, November 29–30, 2019)] Tver, pp. 307–339 (in Russ.).

Chebanov, S. V., 2022. Interdisciplinary Course of Lectures on Biosemiotics for Professionals. In: *Gatherings in Biosemiotics-2022*. Olomouc, pp. 36–37.

Domanskii, Yu. V., 2006. *Variationnost' i interpretatsiya teksta (paradigma neklasicheskoi khudozhestvennosti)* [Variability and interpretation of the text (a paradigm of non-classical artistry)]. PhD thesis. Moscow (in Russ.).

Florensky, P., 1973. The structure of the word. In: *Kontekst 72. Literaturno-teoreticheskie issledovaniya* [Context 72. Literary and theoretical studies]. Moscow, pp. 348–375 (in Russ.).

Ivanov, Vyach. Vs., 1977. On the semiotic theory of carnival as an inversion of binary representations. In: *Trudy po znakovym sistemam. 8. Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Sign Systems Studies. 8. Scientific letters of The University of Tartu], 411. Tartu, pp. 45–64 (in Russ.).

Kordonsky, S. G. and Chebanov, S. V., 1996. Fan Matrices as a Data Representation Model. In: *Chebanov S. V. Sbranie sochinenii* [Chebanov S. V. Collected works]. Vol. 1. Vilnius, p. 80 (in Russ.).

Kordonsky, S. G., 2001. *Tsikly deyatel'nosti i ideal'nye ob'ekty* [Cycles of activity and ideal objects]. Moscow (in Russ.).

Kordonsky, S. G., 2011. *Veernye matritsy kak instrument postroeniya ontologii* [Fan matrices as a tool for constructing ontologies]. Washington (in Russ.).

Kovrigina, L. Yu., 2014. *Negaussovoe modelirovanie leksiko-statisticheskoi struktury variativnogo teksta: na primere «Skazaniya o Mamaevom poboishche»* [Non-Gaussian modeling of the lexical-statistical structure of a variable text: on the example of "The Legend of the Battle of Mamaev"]. PhD thesis. St. Petersburg (in Russ.).

Labov, W., 1978. Denotational structure. In: *Papers from the Parasession on the Lexicon*. Chicago, pp. 220–260.

Lakoff, G. and Johnson, M., 1999. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York.

Lakoff, G., 1986. Classifiers as a Reflection of Mind: The Experiential, Imaginative, and Ecological Aspects. In: *Noun Classes and Categorization*. Amsterdam, pp. 13–52.

Martynenko, G. Ya., Chebanov, S. V. and Sherstinova, T. Yu., 1998. Text understanding and interpreting methodology based on linguistic and hermeneutic techniques. In: *Proceeding of International workshop TSD (Text. Speech. Dialogue.) September 23–26*. Brno, pp. 21–26.

Morris, Ch. W., 2001. Foundations of the theory of signs. In: Yu. S. Stepanov, ed. *Semiotika: antologiya* [Semiotics: an anthology]. Moscow, pp. 45–97 (in Russ.).

Nöth, W. and Jungk, I., 2015. Peircean visual semiotics: Potentials to be explored. *Semiotica*, 207, pp. 657–673, <https://doi.org/10.1515/sem-2015-0058>.

Ongstad, S., 2004. Bakhtin's triadic epistemology and ideologies of dialogism. In: F. Bostad, C. Brandist, L. S. Evensen and S. Faber, eds. *Bakhtinian perspectives on language and culture*. London, pp. 65–88.

Ongstad, S., 2005. Context. In: P. Strazny, ed. *Encyclopedia of linguistics*. Vol. 1. New York, pp. 237–238.

Ongstad, S., 2007. Positioning in Theory. A methodological framework for MTE-studies and beyond. In: W. Herrlitz, S. Ongstad and P.-H. v. d. Ven, eds. *Research on mother tongue education in a comparative international perspective. Theoretical and methodological issues*. Amsterdam & New York, pp. 119–148.

Ongstad, S., 2009. The concept of lifeworld and education in post-modernity: A critical appraisal of Habermas' theory of communicative action. In: M. Murphy and T. Fleming, eds. *Habermas, critical theory and education*. London, pp. 47–62.

Ongstad, S., 2010. Synchronic-diachronic Perspectives on Genre Systemness: Exemplifying Genrification of Curricular Goals. In: S. Kvam et al, eds. *Genre and Cultural Competence: An Interdisciplinary Approach to the Study of Texts*. Berlin, pp. 35–50.

Ongstad, S., 2019. A conceptual framework for studying evolutionary origins of life-genres. *Biosemiotics*, 12 (2), pp. 245–266, <https://doi.org/10.1007/s12304-019-09358-8>.

Ongstad, S., 2021. Can Animals Refer? Meta-Positioning Studies of Animal Semantics. *Biosemiotics*, 14, pp. 433–457, <https://doi.org/10.1007/s12304-021-09401-7>.

Saussure, F., 2023. *Kurs obshchei lingvistikii* [A course in general linguistics]. Moscow (in Russ.).

Shcherba, L.V., 1974. About the triple aspect of linguistic phenomena and about the experiment in linguistics In: *Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Shcherba L.V. Language system and speech activity]. Leningrad, pp. 24–39 (in Russ.).

Stepanov, Yu.S., 1985. *V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskie problemy lingvistikii, filosofii, iskusstva* [In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art]. Moscow (in Russ.).

Vakulenko, N.S., 1990. *Metod ierarkhicheskikh triad kak sredstvo obosnovaniya formal'nogo podkhoda v prikladnoi lingvistike (na primere kompleksa uchebnykh program)* [The method of hierarchical triads as a means of substantiating a formal approach in applied linguistics (on the example of a complex of curricula)]. PhD Dissertation. Leningrad (in Russ.).

Veernaya matritsa [Fan Matrix], 2018. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Веерная_матрица [Accessed 1 March 2023] (in Russ.).

Witzany, G., 2006. *The Logos of the Bios 1. Contribution to the Foundation of a three-leveled Biosemiotics*. Helsinki.

Witzany, G., 2007. *The Logos of the Bios 2. Bio-Communication*. Vilnius.

Witzany, G., 2014 Pragmatic turn in biology: From biological molecules to genetic content operators. *World J. Biol. Chem.*, 5 (3), pp. 279–285, <https://doi.org/10.4331/wjbc.v5.i3.279>.

Zimmerling, A.V., 2023. Really: Syntactics without Semiotics? *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (3), pp. 125–153, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-3-9> (in Russ.).

The author

Dr. Sergey V. Chebanov, Professor, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: s.chebanov@gmail.com, s.chebanov@spbu.ru

To cite this article:

Chebanov, S.V., 2023, A part outside the whole? (To Anton Zimmerling's article "Really: syntactics without semiotics?"), *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 4, pp. 153–169. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-9.

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи – до 1,5 п.л.; научного сообщения – до 0,5 п.л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самоцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и summary на английском языке (200–250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, summary – после статьи перед references;

- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;

- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и references на латинице (Harvard System of Referencing Guide);

- сведения об авторе(-ax) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала пе-

речисляются источники на русском языке, затем — на иностранных языках. Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *a*, *b* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148 – 167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D.A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K.G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshnej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/slovo/rules/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

1. The journal welcomes relevant and novel contributions. Articles submitted should include problem formulation, results, and conclusions and comply with the guide requirements.

2. Submitted materials should be original and not published elsewhere. Upon submitting an article to the journal, the author undertakes not to publish the article elsewhere, in whole or in part, without consent from the editorial board of the journal.

3. The recommended length of an article is 40,000 characters and that of a report is 20,000 characters with spaces, abstracts, keywords, and references in Russian and English.

4. All submitted contributions are subject to double-blind peer review and plagiarism scanning. The acceptable similarity index is below 20%.

5. There is no charge for publication.

6. To be considered by the editorial board, contributions are submitted via e-mail to the editor-in-chief or the publishing editor. Alternatively, authors can use the submission form on the IKBFU Journals website at <http://journals.kantiana.ru/>

7. The decision on the acceptance, improvement, or rejection of articles is made by the editorial board, following peer review and discussion.

Article structure and style

1. Contributions should include:

- a Universal Decimal Classification index (UDC) most relevant to the topic of the article;

- the title of the article in English and Russian, all lowercase;

- abstracts in English and Russian (200–250 words); the abstract in Russian is placed after the title and before the keywords; the summary in English is placed after the body of the article and before the references;

- keywords in Russian and English (4–10 words); keywords are placed before the body of the article after the abstract;

- references in Russian prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 and Harvard-style references in the Latin script;

- a brief autobiographical note in Russian and English, including the full name(s), academic title(s), affiliation(s), e-mail address(es), phone number(s), and work address(es) of the author(s).

2. References.

- References prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 are given at the end of the article in alphabetical order, unnumbered. Sources in Russian are listed first, followed by those in foreign languages. If works that have the same author and were written in the same year are cited, a lowercase letter (*a*, *b*, etc.) should be used after the date to differentiate between the works. For example:

Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht; Boston; L., 1992.

• If an online source is cited, the reference should include the exact URL for the article and the date of accession, parenthesised. For example:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (accessed 09.11.2009).

3. References in the Latin script.

The English-language part of the article should contain Harvard-style references in the Latin script: name of the author(s) followed by the year of publication. The title of the book (journal) should be italicised. If a work has not been published in a language using the Latin script, an English translation of the title should be provided in brackets. For example:

Cyrillic-script book: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh svjazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstv* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern universal system of states], Moscow.

Latin-script book: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Cyrillic-script article: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdu narodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of Russia's international scientific and technological cooperation], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available from: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Latin-script article: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

For more details on Harvard-style referencing, see libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. In-text referencing.

• In-text references should be parenthesised and include the name(s) of the author(s), the year of publication, and the page number (for citations), separated by commas. For example: (Howell, 1992, p. 297).

• References to multi-volume works: the name(s) of the author(s), the year of publication, the volume number, and the page number, separated by commas (Schopenhauer, 2001, 3, 22).

5. A failure to meet the above requirements may result in the rejection of a manuscript.

Formatting

Manuscripts should be submitted in an electronic format as an a4-size document (210 × 297 mm).

Contributions are accepted in the *doc* and *docx* formats only (Microsoft Office).

For more details on the text, table, and figure formatting and referencing, see the IKBFU Journals website at <https://journals.kantiana.ru/slovo/rules/>

Peer review process

1. All submitted contributions are subject to double-blind peer review.
2. The editor-in-chief establishes whether submitted works fit the scope and comply with the standards of the journal and submits them for review to an expert with relevant qualifications, holding a doctoral or postdoctoral degree.
3. The review period is such as to ensure prompt publication of accepted articles.
4. The review establishes:
 - a) whether the content of the article corresponds to its title;
 - b) whether the contribution is in line with the latest findings in the field;
 - c) whether the language, style, and layout of the text, tables, diagrams, figures, and formulae make the work clear to readers;
 - d) whether the article contains original research;
 - e) what the strengths and weaknesses of the article are and what improvements should be made;
 - f) whether the manuscript is suitable for publication in the journal.
5. The review is sent to the author via e-mail.
6. If a reviewer recommends reworking the article, these recommendations are sent to the author with suggestions for revision. The author(s) has(ve) the right to defend his/her(their) position. A revised article is resubmitted for review.
7. An article that has been rejected by at least one reviewer cannot be resubmitted. The text of a negative review is sent to the author via e-mail, fax, or regular mail.
8. A positive review is a necessary but not sufficient condition for publication. A final decision is made by the editorial board.
9. If a positive decision is made, the publishing editor notifies the author(s) and inform him/her(them) of the publication date.
10. The editorial board keeps reviews for five years.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2023

Том 14
Vol.
№ 4

СМЫСЛЫ И ЗНАКИ SIGNS AND MEANINGS

Редактор *И. О. Дементьев*. Корректор *П. С. Шербаков*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Copy-edited by *I. Dementev, P. Shcherbakov*
Layout by *G. Vinokurova*

Подписано в печать 31.10.2023 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 15,4
Тираж 300 экз. (1-й завод — 50 экз.). Заказ 106
Свободная цена

Signed 31.10.2023
Page format 70×108 ¹/₁₆. Reference printed sheets 15,4
Edition 300 copies (first print: 50 copies). Order 106
Free price

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia